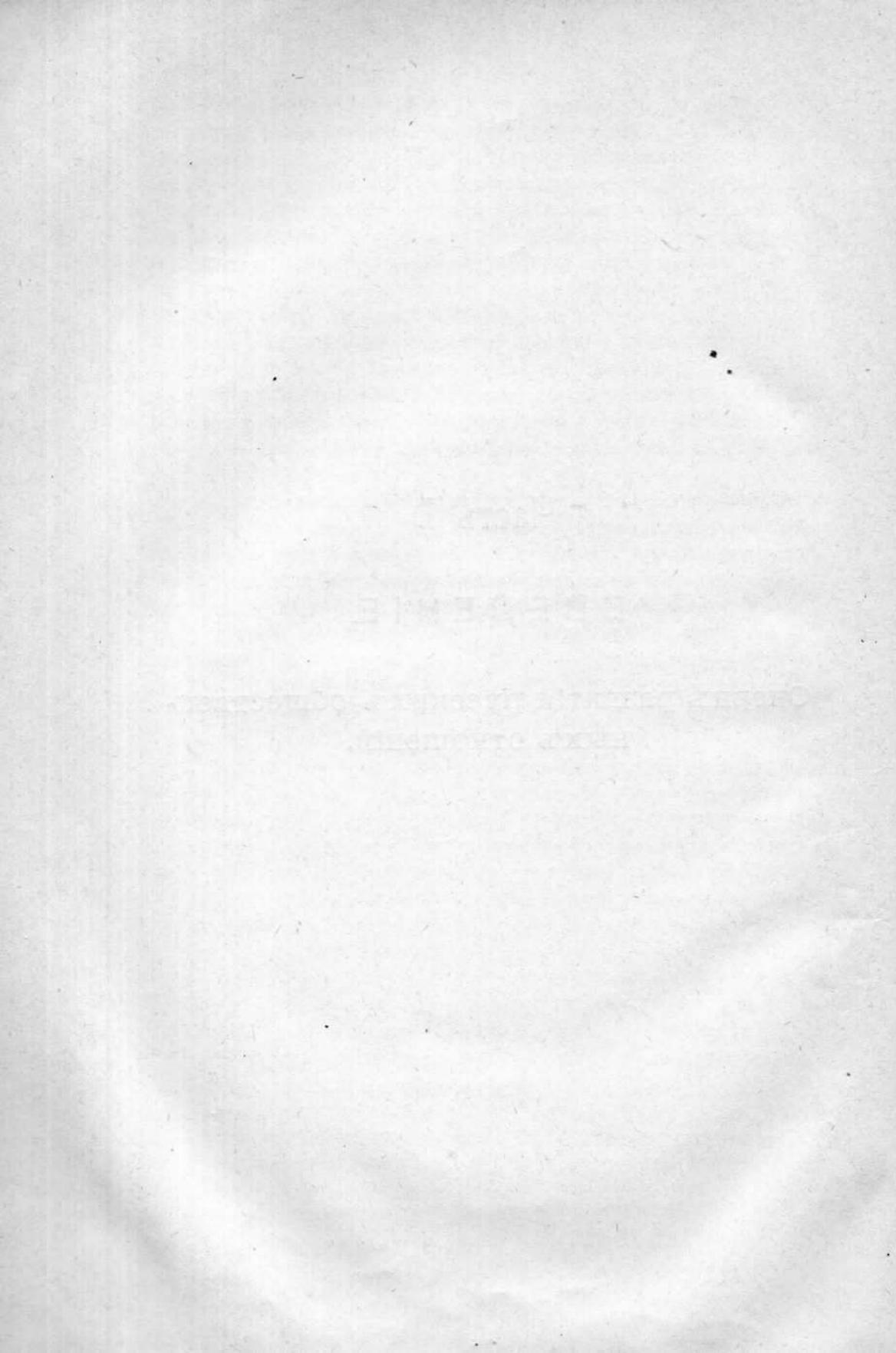

Часть I.

ВВЕДЕНІЕ.

Очеркъ развитія русскихъ обществен-
ныхъ отношеній.

Ходъ развитія общественной мысли опредѣляется ходомъ развитія общественной жизни. Это основное положеніе историческаго матеріализма рѣдко и неохотно оспаривается теперь даже идеалистами. Да и трудно оспаривать его. Научное изслѣдованіе исторіи мысли,—и всѣхъ вообще идеологій,—только потому и дѣлаетъ теперь нѣкоторые успѣхи, что изслѣдователи начинаютъ сознать причинную связь между «ходомъ вещей», съ одной стороны, и «ходомъ идей»—съ другой. Въ виду этого, читатель не удивится, если очерку исторіи русской общественной мысли я предпощлю нѣсколько соображеній о ходѣ развитія русскихъ общественныхъ отношеній.

Похожа ли исторія Россіи на исторію Западной Европы? Начиная съ тридцатыхъ годовъ прошлаго вѣка, а пожалуй уже съ конца двадцатыхъ, вопросъ этотъ не переставалъ интересовать всѣхъ тѣхъ русскихъ людей, которые не были совершенно беззаботны насчетъ судебъ своего отечества. О немъ очень много спорили и писали. Въ дальнѣйшемъ изложеніи намъ придется много заниматься разными отвѣтами на него. Теперь же умѣстно будетъ замѣтить одно: въ наши дни онъ какъ будто отстоитъ дальше отъ своего рѣшенія, чѣмъ былъ, напримѣръ, въ эпоху знаменитаго, столь богатаго теоретическимъ содержаніемъ, спора славянофиловъ съ западниками. Въ самомъ дѣлѣ, тогда спорившія стороны, расходясь между собою въ очень многомъ, почти во всемъ, были, однако, согласны въ томъ, что исторія Россіи совершенно непохожа на исторію Запада. На этотъ счетъ такой крайній западникъ, какимъ былъ В. Г. Бѣлинскій, вполне соглашался съ такимъ крайнимъ славянофиломъ, какимъ сдѣлался И. В. Кирѣевскій ¹⁾. Ко-

¹⁾ «Одинъ изъ величайшихъ умственныхъ успѣховъ нашего времени въ томъ состоитъ, что мы, наконецъ, поняли, что у Россіи была своя исторія, нисколько не похожая на исторію ни одного европейскаго государства, и что ее должно изучать и о ней должно судить на основаніи ея же самой, а не на основаніи исторій, ничего не вмѣющихъ съ нею общаго, европейскихъ народовъ». Такъ писалъ Бѣлинскій въ статьѣ. «Взглядъ на русскую литературу 1846 года». И съ нимъ, разумѣется, вполне согласились бы въ этомъ и Кирѣевскій и Погодинъ.

печно, признавая, что русская общественная жизнь развивалась совсѣмъ не такъ, какъ западно-европейская, Бѣлинскій и его единомышленники дѣлали отсюда теоретическіе и практическіе выводы, прямо противоположные тѣмъ, къ которымъ приходили славянофилы. Но само это положеніе не оспаривалось ни тѣми, ни другими. В. Г. Бѣлинскій, этотъ «фанатикъ, человѣкъ экстремы», какъ называетъ его въ своемъ дневникѣ Герценъ, именно, за его безграничную враждебность по отношенію къ славянофиламъ, навѣрно, съ удивленіемъ и недовѣрjemъ взглянулъ бы на человѣка, который сказалъ бы ему, что общепринятое полное противопоставленіе историческихъ судебъ Россіи историческимъ судьбамъ Западной Европы не имѣетъ подъ собою достаточнаго фактическаго основанія. Онъ, навѣрно, нашель бы, что такой человѣкъ заходитъ ужъ слишкомъ далеко въ своемъ увлеченіи западничествомъ. Не то теперь.

Теперь у насъ нѣтъ единодушія на этотъ счетъ.

Такъ, напримѣръ, г. П. Милуковъ повторилъ въ своихъ «Очеркахъ по исторіи русской культуры» взглядъ «людей сороковыхъ годовъ» на полную историческую самобытность Россіи¹⁾. А покойный Павловъ-Сильванскій, въ своихъ замѣчательныхъ работахъ о феодализмѣ въ древней Руси, не только отвергалъ этотъ старый взглядъ, но даже обнаружилъ склонность уменьшать значеніе тѣхъ неоспоримыхъ различій между русскимъ и западно-европейскимъ феодализмомъ, которыя онъ самъ же вынужденъ былъ признавать въ своихъ сочиненіяхъ. Разногласіе идетъ, какъ видимъ, очень далеко. Однако, мы не должны смущаться имъ. Какъ бы далеко ни расходились теперь между собою отдѣльные изслѣдователи, спорный вопросъ все-таки ближе къ своему рѣшенію, чѣмъ былъ онъ въ эпоху Бѣлинскаго: исторія и социологія все-таки очень значительно подвинулись впередъ сравнительно съ той эпохой. Попробуемъ же подвести итогъ даннымъ, находящимся теперь въ нашемъ распоряженіи.

I.

Сравнивая Россію въ западомъ Европы, надо помнить, что и на Западѣ ходъ развитія социальна-политическихъ отношеній со-

¹⁾ «Изучая культуру любого западно-европейскаго государства, мы должны были бы отъ экономическаго строя перейти сперва къ социальной структурѣ, а затѣмъ уже къ государственной организаціи,—говорить г. П. Милуковъ,—относительно Россіи удобнѣе будетъ принять обратный порядокъ, т. е. съ развитіемъ государственности познакомиться раньше, чѣмъ съ развитіемъ социального строя». Это потому, что «у насъ государство имѣло огромное вліяніе на общественную организацію, тогда какъ на Западѣ общественная организація обусловила государственный строй». «Очерки по исторіи русской культуры». СПб. 1896, стр. 113—114.

Н. П. Павловъ-Сильванскій.

вершался не всегда одинаково въ различныхъ странахъ. Одно дѣло Франція, а другое дѣло, напримѣръ, Пруссія. Соціально-политическія отношенія Пруссіи развивались подчасъ въ порядкѣ, который можетъ показаться «обратнымъ» сравнительно съ тѣмъ, какой имѣлъ мѣсто во Франціи. Ниже, изучая ожесточенные споры, вызванные вопросомъ—быть или не быть капитализму въ Россіи, мы увидимъ, какъ много путаницы въ понятіяхъ вызывалось слишкомъ отвлеченнымъ представленіемъ о ходѣ экономического развитія Запада. Что же касается вопроса о феодализмѣ въ древней Руси, то, конечно, несправедливо было бы обвинять въ неопредѣленности выраженій человѣка, болѣе всѣхъ другихъ сдѣлавшаго для рѣшенія этого вопроса. Онъ всегда совершенно опредѣленно указывалъ, съ какой, именно, страной Запада сравнивалась имъ удѣльная Русь. Для сравненія ему служила средневѣковая Франція, которую онъ справедливо считалъ классической страной феодализма. Но нельзя отрицать, что онъ грѣшилъ другимъ грѣхомъ, обратнымъ вышеуказанному: онъ какъ будто позабылъ, что въ ходѣ общественнаго развитія всѣхъ западныхъ странъ есть черты, значительно отличающія его отъ хода общественнаго развитія Востока, т. е., точнѣе, великихъ восточныхъ деспотій, напримѣръ, древняго Египта или Китая. И это забвеніе помѣшало ему надлежащимъ образомъ использовать свои собственные,—повторяю, весьма цѣнные выводы.

Дѣло вотъ въ чемъ. Павловъ-Сильванскій былъ совершенно правъ, когда возсталъ противъ «утвердившагося въ нашей наукѣ взгляда на полное своеобразіе русскаго историческаго процесса». И ему удалось вполне убѣдительно показать, что не можетъ быть и рѣчи «о коренномъ несходствѣ древне-русскаго строя съ феодальнымъ». Однако, тамъ, гдѣ отсутствуетъ коренное несходство, можетъ быть налицо несходство второстепенное, придающее все-таки достойное замѣчанія «своеобразіе» изучаемому процессу. Поэтому отрицательное,—и, въ общемъ, очень удовлетворительное у Павлова-Сильванскаго,—рѣшеніе стараго вопроса о полномъ своеобразіи русскаго историческаго процесса еще отнюдь не исключаетъ вопроса объ его относительномъ своеобразіи.

Мы знаемъ теперь не только то, что Россія,—подобно европейскому Западу,—прошла черезъ фазу феодализма. Мы знаемъ, кромѣ того, что та же фаза была въ свое время пройдена и Египтомъ, и Халдеей, и Ассиріей, и Персіей, и Японіей, и Китаемъ,—словомъ, всѣми или почти всѣми культурными странами Востока. Поэтому, мы уже не имѣемъ никакого права толковать о полномъ своеобразіи, скажемъ, египетскаго истори-

ческаго процесса сравнительно съ французскимъ. Однако, это еще не значитъ, что мы можемъ объявить тождественными эти два процесса. Вовсе нѣтъ: ходъ общественнаго развитія древняго Египта все-таки въ очень многомъ очень непохожъ на ходъ общественнаго развитія Франціи. То же надо сказать, сравнивая историческое развитіе Франціи съ историческимъ развитіемъ Россіи: о полномъ своеобразіи русскаго историческаго процесса не можетъ быть и рѣчи; такого своеобразія вообще не знаетъ соціологія; но, не будучи вполнѣ своеобразнымъ, русскій историческій процессъ все-таки отличается отъ французскаго нѣкоторыми весьма важными чертами. И не только отъ французскаго. Въ немъ есть особенности, очень замѣтно отличающія его отъ историческаго процесса всѣхъ странъ европейскаго Запада и напоминающія процессъ развитія великихъ восточныхъ деспотій. При томъ,—чѣмъ весьма значительно осложняется вопросъ,—особенности эти сами переживаютъ довольно своеобразный процессъ развитія. Онѣ то увеличиваются, то уменьшаются, вслѣдствіе чего Россія какъ бы колеблется между Западомъ и Востокомъ. Въ теченіе московскаго періода ея исторіи онѣ достигаютъ гораздо большихъ размѣровъ, нежели въ теченіе кievскаго. А послѣ реформы Петра I онѣ опять уменьшаются, — сначала очень медленно, потомъ все скорѣе и скорѣе. Эта новая фаза русскаго общественнаго развитія, — фаза сперва медленной и поверхностной, а потомъ все ускоряющейся и углубляющейся европеизаціи Россіи,—далеко еще не закончена и въ наши дни. Все это какъ нельзя болѣе важно для всесторонняго выясненія нашего историческаго процесса. Но Павловъ-Сильванскій какъ будто закрылъ глаза на все это, удовольствовавшись тѣмъ своимъ,—повторяю, совершенно правильнымъ,—утвержденіемъ, что мысль о полномъ своеобразіи русскаго историческаго процесса рѣшительно не выдерживаетъ научной критики.

Онъ основательно упрекалъ русскихъ изслѣдователей въ томъ, что они недостаточно пользуются сравнительнымъ методомъ. Но что значитъ пользоваться имъ? Значитъ ли это отмѣчать только черты сходства двухъ или нѣсколькихъ изучаемыхъ процессовъ? Очевидно, нѣтъ. Отмѣчая черты сходства, также необходимо отмѣчать и черты различія. Кто не обращаетъ достаточнаго вниманія на эти послѣднія, тотъ неправильно пользуется сравнительнымъ методомъ.

Мнѣ возразятъ, пожалуй, что Павловъ-Сильванскій писалъ не философію русской исторіи, а изслѣдованіе о феодализмѣ въ удѣльной Руси, и что онъ имѣлъ полное право не выходить изъ предѣловъ своей задачи. Это, разумѣется, такъ. Но, во-первыхъ, выдвигая

гая вопросъ о полномъ своеобразіи русскаго историческаго процесса въ его цѣломъ, онъ самъ вышелъ изъ предѣловъ своего изслѣдованія, а, во-вторыхъ, онъ, къ сожалѣнію, показалъ себя одностороннимъ даже и въ этихъ предѣлахъ. Такъ, онъ самъ призналъ извѣстное несходство между русскимъ феодализмомъ, съ одной стороны, и французскимъ—съ другой. Но вмѣсто того, чтобы внимательно рассмотреть это несходство, онъ ограничился мимоходнымъ упоминаніемъ о немъ. Онъ не спросилъ себя, какъ должно было повліять относительное своеобразие русскаго феодализма на дальнѣйшее развитіе общественныхъ отношеній въ нашей странѣ (т. е., собственно, въ Московской Руси). Отсюда — недостаточно отчетливое представленіе о всемъ вообще русскомъ историческомъ процессѣ. Этотъ недостатокъ объясняется и извиняется реакціей противъ стараго и совершенно несостоятельнаго ученія о томъ, что русская исторія не имѣетъ ровно ничего общаго съ исторіей Запада. Но объяснить и извинить не значитъ устранить. Недостатокъ все-таки существуетъ и его должны заботливо избѣгать тѣ наши будущіе изслѣдователи, которые захотятъ итти по слѣдамъ Павлова-Сильванскаго.

Какъ бы тамъ, однако, ни обстояло дѣло съ выводами этого талантливаго ученаго, едва ли можно усомниться въ томъ, что историкъ русской общественной мысли, отвергая, какъ совершенно устарѣвшее, ученіе о полномъ своеобразіи русскаго историческаго процесса, ни въ какомъ случаѣ не можетъ закрыть глаза на его относительное своеобразие. Вѣдь ясно, что, именно, здѣсь, именно, въ этомъ относительномъ своеобразіи, въ этихъ второстепенныхъ, но все-таки очень важныхъ особенностяхъ русскаго общественнаго развитія, и надо искать объясненія своеобразныхъ чертъ, наблюдаемыхъ въ ходѣ нашего умственнаго развитія и въ нашемъ такъ называемомъ народномъ духѣ.

II.

Ходъ развитія всякаго даннаго общества, раздѣленнаго на классы, опредѣляется ходомъ развитія этихъ классовъ и ихъ взаимными отношеніями, т. е., во-первыхъ, ихъ взаимной борьбой тамъ, гдѣ дѣло касается внутренняго общественнаго устройства, и, во-вторыхъ, ихъ болѣе или менѣе дружнымъ сотрудничествомъ тамъ, гдѣ заходитъ рѣчь о защитѣ страны отъ внѣшнихъ нападеній. Стало быть, ходомъ развитія и взаимными

отношеніями классовъ, составлявшихъ русское общество, и должно быть объяснено неоспоримое относительно своеобразіе русскаго историческаго процесса.

Наша историческая наука давно уже поставила передъ собой, — слѣдуя поучительному примѣру французскихъ историковъ временъ реставраціи, — вопросъ о томъ, каковы были взаимныя классовыя отношенія въ Россіи. Какъ сказано мною выше, было время, когда люди самыхъ противоположныхъ взглядовъ сходились у насъ въ томъ убѣжденіи, что исторія Россіи совсѣмъ не похожа на исторію Запада. Несходство это объяснялось тогда тѣмъ, будто бы несомнѣннымъ, обстоятельствомъ, что, въ противоположность Западу, Россія не знала взаимной борьбы классовъ. Теперь это обстоятельство никакъ не можетъ считаться несомнѣннымъ. Теперь серьезному изслѣдователю приходится спрашивать себя не о томъ, имѣла ли классовая борьба мѣсто въ нашей странѣ, — теперь уже доказано, что имѣла, — а о томъ, походила ли она и въ какой мѣрѣ походила она на ту, которая совершалась въ другихъ странахъ.

За разрѣшеніемъ этого кореннаго вопроса мы прежде всего обратимся къ одному изъ самыхъ авторитетныхъ, — если не самому авторитетному, — теперь русскому историку.

«Исторія нашихъ общественныхъ классовъ, — говоритъ покойный проф. В. Ключевскій, — представляетъ немало поучительнаго въ научномъ отношеніи. Въ ходѣ ихъ возникновенія и развитія, въ процессѣ опредѣленія ихъ взаимныхъ отношеній видимъ дѣйствіе условій, похожихъ на тѣ, какими создавались общественные классы въ другихъ странахъ Европы. Но условія эти у насъ являются въ другихъ сочетаніяхъ, дѣйствуютъ при другихъ внѣшнихъ обстоятельствахъ, и потому созидаемое ими общество получаетъ своеобразный складъ и новыя формы ¹⁾».

Подобно Павлову-Сильванскому, проф. Ключевскій ограничивается одностороннимъ, — завѣщаннымъ эпохой тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ прошлаго вѣка, — сравненіемъ Россіи съ Западомъ. Если бы онъ дополнилъ это одностороннее сравненіе, сопоставивъ наше отечество съ Востокомъ, то сейчасъ же замѣтилъ бы, что тѣмъ болѣе своеобразнымъ становился ходъ нашего общественнаго развитія въ сравненіи съ западно-европейскимъ, тѣмъ менѣе своеобразенъ былъ онъ по отношенію къ ходу развитія восточныхъ странъ, — и наоборотъ. Это замѣча-

¹⁾ «Боярская Дума древней Руси», изданіе четвертое, стр. 7.

ніе очень пригодилося бы ему въ его дальнѣйшихъ соображеніяхъ. Но въ границахъ своего сравненія онъ совершенно правъ: общественное зданіе, сложившееся на русской почвѣ, обнаруживаетъ «своеобразный складъ и новыя формы». Поэтому намъ остается только разсмотрѣть, чѣмъ же собственно отличались тѣ сочетанія условій, благодаря которымъ исторія нашихъ общественныхъ классовъ приняла не такой видъ, какой получила она «въ другихъ странахъ Европы». Что узнаемъ мы на этотъ счетъ отъ проф. В. Ключевского?

По его словамъ, въ исторіи всякаго даннаго общественнаго класса нужно различать два момента: экономическій и политическій. Первый изъ нихъ выражается въ раздѣленіи общества согласно съ раздѣленіемъ общественнаго труда. Второй — дополняетъ, — «завершаетъ», — собою дѣйствіе перваго, распредѣляя общественную власть сообразно организаціи народнаго хозяйства, такъ что «экономическіе классы превращаются въ политическія сословія». Иначе сказать: «политическіе факты вытекаютъ изъ экономическихъ, какъ ихъ послѣдствія». Повидимому, проф. В. Ключевскій считалъ такой ходъ дѣла наиболѣе нормальнымъ. Но онъ находилъ, что мѣстами дѣло шло въ обратномъ порядкѣ. И вотъ, почему. Страна, въ которой народное хозяйство сложилось уже довольно прочно, можетъ подвергнуться завоеванію, а завоеваніе введетъ въ нее новый общественный классъ, и тѣмъ измѣнитъ положеніе и взаимныя отношенія прежнихъ. Это вызоветъ многія перемѣны въ ходѣ ея хозяйственной жизни. Очевидно, что онѣ явятся «прямыми послѣдствіями политическаго факта». Проф. В. Ключевскому казалось, что, именно, такъ или, по крайней мѣрѣ, очень близко къ этой схемѣ, согласно которой политическій моментъ предшествуетъ экономическому, создавались многія государства Западной Европы ¹⁾. И онъ приписывалъ огромное значеніе этому способу ихъ возникновенія. Онъ говоритъ, что далеко не все равно, вытекаютъ ли политическіе факты изъ экономическихъ, или же — наоборотъ.

Поясняя эту свою мысль, онъ рассуждалъ слѣдующимъ образомъ.

Когда внѣшняя сила вторгается въ общество и вооруженной рукой захватываетъ распоряженіе народнымъ трудомъ, тогда весь создаваемый ею государственный порядокъ приспособляется къ защитѣ пріобрѣтенныхъ ею экономическихъ выгодъ. Этимъ вызывается цѣлый рядъ чрезвычайно важныхъ послѣдствій. «Основанія

---

¹⁾ Легко замѣтить, что этотъ взглядъ на ходъ общественнаго развитія Запада прямо противоположенъ взгляду П. Н. Милюкова.

государственнаго устройства, отношенія къ верховной власти и къ другимъ сословіямъ при такомъ ходѣ привлекають къ себѣ заботливое вниманіе господствующаго класса; вопросы государственнаго права выступаютъ на первый планъ, составляютъ самыя видныя явленія въ исторіи общества; частныя гражданскія отношенія лицъ, какъ и ихъ экономическое положеніе, устанавливаются подъ прямымъ вліяніемъ этихъ вопросовъ, въ прямой зависимости отъ того, какъ они разрѣшаются, а не наоборотъ,—и это потому, что господствующій классъ старается такъ опредѣлить свои политическія отношенія, чтобы можно было мирно пользоваться экономическими выгодами, прибрѣтенными завоеваніемъ ¹⁾. Благодаря всему этому, внутренняя исторія общества получаетъ боевой характеръ, всѣ общественныя отношенія обостряются, учрежденія и классы получаютъ рѣзкія очертанія. Наоборотъ, гдѣ завоеваніе не имѣло мѣста, тамъ основы общественнаго порядка обозначались не такъ явственно и не такъ послѣдовательно проводились на практикѣ, вслѣдствіе чего внутренняя исторія общества прибрѣтала болѣе мирный характеръ.

Покойный профессоръ не рѣшался утверждать, что развитіе русскихъ общественныхъ отношеній шло этимъ послѣднимъ путемъ. Но въ то же время онъ не считалъ возможнымъ уподобить ходъ этого развитія западно-европейскому. Задавая себѣ вопросъ: «который изъ двухъ моментовъ, политическій или экономическій, предшествовалъ другому въ образованіи нашихъ общественныхъ классовъ, и всегда ли одинъ и тотъ же изъ нихъ шелъ впереди другого?», онъ, въ концѣ концовъ, склонялся къ той мысли, что въ исторіи нашего общества «господствовали смѣшанные процессы», т. е. что у насъ каждый изъ этихъ двухъ моментовъ поочередно игралъ роль то предшествующаго, то послѣдующаго: иногда образованіе сословій *начиналось* политическимъ моментомъ, а иногда оно являлось *слѣдствіемъ* экономическаго развитія общества. Вотъ почему, изслѣдователь, хорошо изучившій происхожденіе и развитіе западно-европейскихъ сословій, не встрѣчаетъ у насъ повторенія знакомыхъ ему явленій ²⁾.

III.

Итакъ, на Западѣ экономическій моментъ явился *слѣдствіемъ* политическаго, а у насъ господствовали смѣшанные процессы. Въ этомъ заключается, по мнѣнію проф. В. Ключевскаго, коренная причина относительнаго своеобразія, за-

¹⁾ «Боярская Дума», стр. 9.

²⁾ Названное сочиненіе, стр. 13—14.

мѣчаемаго въ ходѣ русскаго историческаго развитія. Разберемъ это мнѣніе.

Убѣжденіе высоко-талантливаго историка въ томъ, что на Западѣ политическій моментъ предшествовалъ экономическому, основывалось на фактѣ завоеванія, которому онъ приписывалъ роль перваго толчка въ развитіи западно-европейскаго общества. Но позволительно спросить: имѣемъ ли мы сколько-нибудь серьезное основаніе думать, что политическій моментъ предшествовалъ экономическому въ исторіи какого бы то ни было общества?

На этотъ важный соціологическій вопросъ западная наука отвѣдила рѣшительнымъ отрицаніемъ еще въ лицѣ Гизо и другихъ французскихъ историковъ временъ реставраціи. Мнѣ уже не разъ приходилось излагать взгляды этихъ историковъ, поэтому я не вижу никакой надобности входить въ большія подробности по этому предмету. Однако, мнѣ все-таки придется повторить кое-что изъ сказаннаго мною въ другихъ мѣстахъ.

Вотъ очень интересное и убѣдительное соображеніе Гизо: «Большая часть писателей, ученыхъ или публицистовъ старалась объяснить данное состояніе общества, степень или родъ его цивилизаціи, его политическими учрежденіями. Было бы благоразумнѣе начинать съ изученія самого общества, для того, чтобы узнать и понять его политическія учрежденія. Прежде, чѣмъ стать причиной, учрежденія являются слѣдствіемъ, общество создаетъ ихъ прежде, чѣмъ начинаетъ измѣняться подъ ихъ вліяніемъ; и вмѣсто того, чтобы о состояніи народа судить по формамъ его правительства, надо прежде всего изслѣдовать состояніе народа, чтобы судить, каково должно было быть, каково могло быть его правительство... Общество, его составъ, образъ жизни отдѣльныхъ лицъ въ зависимости отъ ихъ соціального положенія, отношенія различныхъ классовъ лицъ, словомъ, гражданскій бытъ людей,—таковъ, безъ сомнѣнія, первый вопросъ, который привлекаетъ къ себѣ вниманіе историка, желающаго знать, какъ жили народы, и публициста, желающаго знать, какъ они управлялись¹⁾».

Я не буду приводить здѣсь выписки изъ сочиненій Огюстэна Тьерри и Минье, вполне раздѣлявшихъ этотъ взглядъ Гизо²⁾. Я считаю доказаннымъ мною прежде, что еще въ эпоху реставраціи

¹⁾ „Essais“, dixième édition, pp. 73—74. Можно подуматъ, что Гизо возмужаетъ П. Н. Милюкову.

²⁾ Подробнѣе объ этомъ см. въ моей книгѣ: «Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію», изд. четвертое, стр. 13—26, въ предисловіи ко второму изданію моего перевода «Манифеста коммунистической партіи» и въ статьѣ «М. П. Погодинъ и борьба классовъ», «Современный міръ», апрѣль и май 1911.

французскіе историки, сами приписывавшіе завоеванію очень большую роль въ развитіи европейскаго общества, отвергали, какъ отжившій научный предрасудокъ, ту мысль, что социальный строй даннаго народа можетъ быть объясненъ его политическими учрежденіями. Они настойчиво и убѣдительно доказывали, что политическія учрежденія были слѣдствіемъ прежде, нежели стать причиною. И всякій новый успѣхъ въ дѣлѣ научнаго объясненія общественной жизни подтверждалъ и углублялъ это ихъ ученіе. Историческій матеріализмъ Маркса-Энгельса, объясняющій политическія учрежденія социальнымъ строемъ, а социальный строй общественной экономикой, окончательно выяснилъ взаимное отношеніе экономическаго и политическаго «моментовъ» общественнаго развитія. Марксъ и Энгельсъ прекрасно понимали огромное историческое значеніе политическаго «момента». Именно, по этой причинѣ они сами дѣятельно занимались политикой. Но они еще яснѣе, нежели Гизо, видѣли, что дѣйствіе названнаго момента всегда представляетъ собою лишь обратное вліяніе слѣдствія на вызвавшую его причину. И легко убѣдиться, что правильность ихъ точки зрѣнія подтверждается, между прочимъ, собственными разсужденіями проф. Ключевского.

Онъ такъ изображаетъ ходъ общественнаго развитія въ тѣхъ странахъ, гдѣ политическій «моментъ» шелъ, по его мнѣнію, впереди экономическаго.

«Въ странѣ промышленная культура сдѣлала уже нѣкоторые успѣхи, трудъ населенія успѣлъ до извѣстной степени овладѣть силами и средствами мѣстной природы, народное хозяйство уже установилось съ нѣкоторой прочностью, когда эта страна подверглась завоеванію, которое ввело въ нее новый общественный классъ, измѣнивъ положеніе и отношенія прежнихъ туземныхъ. Пользуясь правомъ побѣды, этотъ классъ беретъ въ свое распоряженіе трудъ побѣжденнаго народа. Перемѣны, которыя происходятъ отъ этого въ теченіи народно-хозяйственной жизни, являются прямыми послѣдствіями политическаго факта, вторженія новаго класса, который начинаетъ править обществомъ въ силу завоеванія» ¹⁾).

Это, безспорно, такъ: переменны, происходящія въ экономикѣ страны подъ вліяніемъ политическаго факта завоеванія, представляютъ собою послѣдствія политическаго факта. Но вѣдь это простая тавтологія. Вопросъ заключается вовсе не въ томъ, можно ли считать послѣдствіями политическаго факта переменны, этимъ фактомъ вызываемыя: само собою разумѣется, что и можно, и должно. Вопросъ заключается въ томъ, отчего же зависитъ, чѣмъ

¹⁾ Назван. соч., стр. 7—8.

же опредѣляется характеръ тѣхъ перемѣнъ, которыя вызываются политическимъ фактомъ. Другими словами: почему данный политическій фактъ,—скажемъ, то же завоеваніе,—въ одномъ случаѣ вызываетъ однѣ перемѣны въ народномъ хозяйствѣ, а въ другомъ—совершенно другія? И на этотъ вопросъ можетъ быть только одинъ отвѣтъ: потому, что въ разныхъ случаяхъ различна та степень экономическаго развитія, на которой находятся завоеванныя; а также еще и потому, что въ разныхъ случаяхъ различна та степень экономическаго развитія, на которой находятся завоеватели. Но это значитъ, что возможныя послѣдствія политическаго факта заранѣе опредѣляются экономическимъ моментомъ. Иначе сказать, возможное дѣйствіе политическаго момента заранѣе опредѣляется моментомъ экономическимъ.

Это до такой степени вѣрно, и до такой степени само собою разумѣется, что самъ проф. Ключевскій молчаливо признаетъ это, рисуя свою схему. Въ самомъ дѣлѣ, посмотрите. Согласно его предположенію, страна подвергается завоеванію уже послѣ того, какъ промышленная культура сдѣлала въ ней нѣкоторыя успѣхи, а народное хозяйство уже установилось съ нѣкоторой прочностью. Ясно, что политическій фактъ завоеванія не предшествуетъ здѣсь данному строю экономическихъ отношеній, а дѣйствуетъ на него, какъ на уже существующій. И столь же ясно, что его дѣйствіе будетъ измѣняться въ зависимости отъ характера этого, предварительно даннаго, склада экономическихъ отношеній. Это опять молчаливо признается самимъ проф. Ключевскимъ.

«Завоевателямъ для своего матеріальнаго обезпеченія, — разсуждаетъ онъ, — нѣтъ нужды заводить вновь хозяйство въ захваченной странѣ, указывать приемы и средства для эксплуатаціи ея естественныхъ богатствъ. Они насильственно вторглись въ установившійся экономическій порядокъ, стали съ оружіемъ въ рукахъ у готоваго хозяйственнаго механизма; по указанію собственныхъ потребностей имъ только нужно переставить нѣкоторыя его части, задать ему нѣкоторыя новыя работы, направить народный трудъ преимущественно на разработку тѣхъ естественныхъ богатствъ края, обладаніе которыми они нашли наиболѣе сподручнымъ и прибыльнымъ. Послѣ того у нихъ оставалась бы забота не устроить технически этотъ механизмъ, а только обезпечить за собой послушное дѣйствіе приставленныхъ къ нему рабочихъ рукъ» ¹⁾.

¹⁾ Тамъ же, стр. 8.

Это «только» как нельзя болѣе многозначительно: оно рѣшаетъ весь вопросъ. Если завоевателямъ нѣтъ надобности «устроить технически» хозяйственный механизмъ попавшей въ ихъ распоряженіе страны; если имъ остается «только» обезпечить за собою послушную дѣятельность рабочихъ рукъ, приводящихъ этотъ механизмъ въ движеніе; если,—говоря языкомъ политической экономіи,—ихъ роль и стремленіе сводятся къ тому, чтобы присвоить себѣ прибавочный продуктъ, производимый трудящимся населеніемъ страны при такихъ хозяйственныхъ условіяхъ, которыя существовали въ ней еще до завоеванія, то не ясно ли, что мы не имѣемъ рѣшительно никакого права считать политическій моментъ предшествующимъ экономическому? Не очевидно ли, что и здѣсь политическій моментъ выступаетъ послѣ экономическаго, и что первый, какъ уже сказано выше, опредѣляется вторымъ въ характерѣ своего дѣйствія? Наконецъ, не очевидно ли, что дѣйствіе это по своему общему характеру ничѣмъ существеннымъ не отличается отъ того, котораго мы можемъ и должны ожидать отъ туземнаго господствующаго класса, т. е. класса, возникающаго независимо отъ завоеванія, въ силу экономическаго развитія страны? Развѣ же такой классъ не стремится обезпечить за собою послушную дѣятельность трудящагося населенія? Развѣ же онъ не старается присвоить себѣ прибавочный продуктъ, создаваемый руками народной массы, не испытавшей завоеванія, но все-таки находящейся въ состояніи экономической зависимости?

«Этого обезпеченія, — продолжаетъ проф. Ключевскій, — господствующій классъ будетъ стараться достигнуть политическими средствами, извѣстной системой законодательства, приспособленной къ цѣли организаціей сословій, соответственнымъ устройствомъ правительственныхъ учреждений» ¹⁾.

Все это опять, безспорно, такъ. Но если бы мы имѣли дѣло съ господствующимъ классомъ, въ происхожденіи котораго завоеваніе не играло ровно никакой роли, то и тогда мы непремѣнно увидѣли бы, что онъ заботится о созданіи такой системы законодательства, которая позволила бы ему отстаивать выгоды своего экономическаго положенія. И точно также мы убѣдились бы, что этотъ классъ пользуется политическими средствами для достиженія своей цѣли. Вѣдь иначе и быть не можетъ.

---

¹⁾ Тамъ же, стр. 8.

IV.

Проф. Ключевскій указываетъ на Новгородъ, какъ на такую часть древней Руси, гдѣ общественное развитіе соотвѣтствовало первой схемѣ: расчлененіе общества по роду занятій, которому соотвѣтствуетъ политическое значеніе разныхъ его классовъ. «Рано освободившись отъ непосредственнаго давленія со стороны князя и служилой аристократіи, этотъ вольный городокъ усвоилъ себѣ формы демократическаго устройства. Но еще раньше успѣхи вѣдшей торговли, ставшей главнымъ жизненнымъ нервомъ города, создали въ немъ нѣсколько крупныхъ торговыхъ домовъ, которые были руководителями новгородской торговли, и въ силу этого сдѣлались потомъ руководителями новгородскаго управленія, правительственной аристократіей, господство которой, однако, всегда оставалось простымъ фактомъ, не сопровождалось отмѣной демократическихъ формъ новгородскаго устройства» ¹⁾.

Тутъ мы видимъ то же самое, что уже видѣли выше: неоспоримые факты ложатся въ основу такого заключенія, которое никакъ не можетъ быть признано неоспоримымъ. И это потому, что заключеніе гораздо шире своей фактической основы.

Исторія показываетъ, что мѣстами и иногда политическое господство высшаго, — по своему экономическому положенію, — класса «остается простымъ фактомъ», а въ другихъ мѣстахъ или въ другое время облекается въ болѣе или менѣе опредѣленныя и прочныя юридическія формы. Все зависитъ отъ обстоятельствъ времени и мѣста. Если въ Новгородѣ мы можемъ наблюдать первый случай, то второй представляется намъ, напри- мѣръ, въ Венеціи. Первоначально и въ этомъ «вольномъ городкѣ» были только классы, отличавшіеся одинъ отъ другого экономическимъ положеніемъ, но не было сословій съ различными политическими правами. А потомъ дѣло рѣзко измѣнилось. Въ концѣ XIII в. произошла такъ называемая *serrata del maggior consiglio*, положившая прочную основу юридическимъ привилегіямъ венеціанской торговой аристократіи. Что же? Имѣемъ мы право считать эту перемену послѣдствіемъ, — хотя бы и очень отдаленнымъ, — завоеванія? Никакого! Адриатическая «царица морей» не знала иностраннаго завоеванія вплоть до вступленія въ нее французскихъ войскъ въ маѣ 1797 г. Мы можемъ сказать словами проф. Ключевскаго, что тамъ экономическій моментъ всегда предшествовалъ политическому. А между тѣмъ, мы наблюдаемъ въ ней то самое явленіе — приобрѣтеніе политическихъ привилегій

¹⁾ Тамъ же, стр. 11.

экономически господствующимъ классомъ—которое, по мнѣнію нашего автора, возникаетъ лишь въ такихъ странахъ, гдѣ, наоборотъ, политической моментъ предшествуетъ экономическому. Съ другой стороны, Флоренція, — подвергавшаяся иностранному завоеванію, — въ теченіе продолжительнаго времени неуклонно измѣняла свое политическое устройство въ направленіи къ демократіи, т. е. въ направленіи прямо-противоположномъ аристократическому направленію политическаго развитія Венеціи. По какой же причинѣ? Потому ли, что отношеніе (во времени) политическаго момента къ экономическому было тамъ прямо-противоположно тому, которое имѣло мѣсто въ Венеціи? Нѣтъ! Во Флоренціи, какъ и въ Венеціи, какъ и во всемъ мірѣ, экономической моментъ «предшествовалъ» политическому. Но во Флоренціи онъ вызвалъ иное соотношеніе общественныхъ силъ, нежели въ Венеціи, и тѣмъ обусловилъ противоположное направленіе ея политическаго развитія, т. е. совсѣмъ иную природу политическаго момента ¹⁾).

Но хотя въ Венеціи утвердилось аристократическое, а во Флоренціи демократическое устройство, однако, и тутъ и тамъ господствовавшій классъ усердно пользовался политическими средствами для защиты своихъ экономическихъ выгодъ. То же было, разумѣется, и въ Новгородѣ. Только средства эти были различны, въ зависимости отъ различій въ политической конституціи, вызванныхъ экономическими причинами. И то же самое мы видимъ и теперь. Въ Пруссіи господствующій классъ до сихъ поръ имѣетъ политическія привилегіи. Во Франціи онъ уже не имѣетъ ихъ. Однако, французская буржуазія такъ же усердно, какъ прусскіе юнкеры и богатые бюргеры, пользуется политическими средствами въ борьбѣ за свое существованіе. И, конечно, она нисколько не меньше ихъ дорожитъ тѣмъ законодательствомъ, которое охраняетъ ея экономическое господство. Это врядъ ли нуждается въ доказательствахъ.

А Россія? Экономическое, а потому и политическое, развитіе было неодинаково въ различныхъ частяхъ этой обширной страны. Но, въ общемъ, мы все-таки можемъ сказать, что до-монгольская Русь знала классы, но не знала сословія, а въ XIII—XV вв. можно замѣтить постепенное появленіе различій въ юридическихъ

¹⁾ Паскуале Виллари высказалъ нѣсколько очень остроумныхъ догадокъ насчетъ экономическихъ причинъ, обусловившихъ собою разницу въ ходѣ политическаго развитія нѣкоторыхъ большихъ городовъ Італіи. (См. его книгу *Nicolo Machiavelli e i suoi tempi*, Firenze, 1887, introduzione). Было бы большимъ преувеличеніемъ утверждать, что его догадки рѣшаютъ вопросъ; но онѣ вполнѣ определенно указываютъ, гдѣ надо искать его рѣшенія, а этого здѣсь для насъ вполнѣ достаточно.

правахъ и обязанностяхъ различныхъ классовъ. Эти различія приводятъ,—сначала въ Литовской, а потомъ и въ Московской Руси,—къ образованію болѣе или менѣе рѣзко разграниченныхъ одно отъ другого сословій. *Mutatis mutandis*, дѣло шло здѣсь такъ же, какъ шло оно въ Венеціи, при чемъ и здѣсь, какъ рѣшительно вездѣ, экономическій моментъ предшествовалъ политическому, давая направление его развитію и опредѣляя быстроту его хода и яркость его феноменовъ.

Ошибка проф. Ключевского состоитъ въ томъ, что онъ слишкомъ сузилъ понятіе политическаго средства, совершенно произвольно отождествивъ его съ понятіемъ: политическая привилегія.

Устранивъ эту, чреватую ложными выводами, ошибку, мы,—опять на основаніи собственныхъ соображеній нашего автора,—съ ясностью увидимъ, къ чему сводится, въ дѣйствительности, отношеніе между экономикой и политикой.

«Все это съ теченіемъ времени во многомъ измѣнить народное хозяйство, вызоветъ въ немъ много новыхъ отношеній,—говоритъ почтенный историкъ, замѣтивъ, что завоеватели воспользуются политическими средствами для защиты своихъ экономическихъ выгодъ,—и всѣ эти новыя экономическіе факты будутъ слѣдствіями предшествовавшихъ имъ фактовъ политическихъ»¹⁾.

Правильно. Но здѣсь мы будемъ имѣть передъ собою, именно, типичный случай обратнаго дѣйствія политическаго «момента» на экономическій, обусловившій собою его возникновеніе и характеръ.

Такіе случаи очень часты въ процессѣ общественнаго развитія; однако, ни одинъ изъ нихъ не подтверждаетъ взгляда проф. Ключевского. Всѣ они показываютъ не то, что въ исторіи нѣкоторыхъ странъ политическій моментъ предшествуетъ экономическому, а только то, что политическія отношенія, возникшія на извѣстной хозяйственной подкладкѣ, въ свою очередь, влияют на дальнѣйшее развитіе народнаго хозяйства. Но,—и въ этомъ все дѣло,—такъ бываетъ не только тамъ, гдѣ господствующій классъ пользуется извѣстными юридическими привилегіями; такъ бываетъ рѣшительно всюду, гдѣ находятся налицо извѣстныя политическія отношенія. Такъ было, между прочимъ, и въ новгородской республикѣ, на которую сослался проф. Ключевскій.

Неоспоримо, что завоеваніе можетъ обострить взаимныя отношенія общественныхъ классовъ и придать много драматизма ходу общественнаго развитія. Однако, не всегда придаетъ. Завоеваніе

¹⁾ Тамъ же, стр. 8.

Китай манчжурами не помѣшало внутренней исторіи этой страны оставаться мало драматичной вплоть до самаго послѣдняго времени. Большая или меньшая степень драматизма въ общественной жизни зависитъ только отъ того, какъ много поводовъ для рѣзкихъ и яркихъ столкновеній между различными общественными силами создается существующимъ общественнымъ порядкомъ. А это опредѣляется не тѣмъ, лежитъ или же не лежитъ въ основѣ этого порядка завоеваніе. Внутренняя исторія Польши полна яркаго драматизма. Потому ли это, что дѣленіе польскаго общества на классы явилось результатомъ завоеванія? Мы еще не имѣемъ права утверждать, что возникновеніе польскаго государства связано съ завоеваніемъ. Это вовсе не доказано.

Проф. Ключевскій не вѣрно и не ясно представлялъ себѣ взаимное отношеніе между экономикой и политикой. Кромѣ того, онъ сильно преувеличивалъ историческую роль завоеваній. Въ этомъ отношеніи онъ еще не вполне освободился отъ вліянія взгляда, господствовавшаго у насъ въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ и заимствованнаго нашими писателями у французскихъ историковъ времени реставраціи. Гизо, Ог. Тьери, Минье и др., такъ правильно разсуждавшіе о томъ, что политическія учрежденія должны быть слѣдствіемъ, прежде нежели сдѣлаются причиной, не умѣли, однако, выяснить себѣ происхожденіе западно-европейскаго феодализма. Они не умѣли понять его, какъ слѣдствіе внутренняго развитія «гражданскаго быта» Западной Европы, и потому цѣликомъ относили его на счетъ завоеванія, т. е. политическаго дѣйствія. Это было противорѣчіемъ, въ которое они попали вслѣдствіе тогдашняго недостатка въ фактическомъ матеріалѣ. Но теперь съ этимъ противорѣчіемъ давно пора кончить.

V.

Уже С. М. Соловьевъ отдавалъ себѣ отчетъ въ томъ, что завоеваніе далеко не объясняетъ всѣхъ относимыхъ на его счетъ общественныхъ явленій.

«Много говорятъ о завоеваніи и незавоеваніи,—писалъ онъ,— полагаютъ главное отличіе исторіи русской отъ исторіи западныхъ государствъ въ томъ, что тамъ было завоеваніе одного племени другимъ, а у насъ его не было. Этотъ взглядъ, по нашему мнѣнію, односторонень; проводя параллель между западно-европейскими государствами и нашимъ русскимъ, преимущественно обращаютъ вниманіе на Францію, Англію, упуская изъ виду Германію, Скандинавскія государства и ближайшія къ намъ государства славянскія: здѣсь одно племя не было завоевано другимъ, и между тѣмъ исторія этихъ государствъ столько же различна отъ исторіи на-

шего, сколько различна отъ нея исторія Франціи и Англіи. Ясно, слѣдовательно, что въ одномъ отсутствіи завоеванія нельзя искать объясненій главному различію» ¹⁾).

Это, въ самомъ дѣлѣ, какъ нельзя болѣе ясно. Но теперь, къ приведеннымъ мною соображеніямъ С. М. Соловьева слѣдуетъ прибавить, что и въ тѣхъ странахъ Запада, гдѣ завоеваніе, несомнѣнно, имѣло мѣсто, оно далеко не такъ сильно и быстро повліяло на ходъ общественнаго развитія, какъ это думали прежде. Возьмемъ одно изъ тѣхъ государствъ, въ которыхъ, по выраженію М. П. Погодина, «все произошло отъ завоеваній», — Францію, эту классическую страну феодализма. Каковы были социальныя послѣдствія испытанныхъ ею завоеваній?

«Перемѣны, внесенныя нашествіемъ варваровъ, — пишетъ Альфредъ Рамбо, — были менѣе значительны, чѣмъ это могло бы показаться сначала. Собственно говоря, не было завоеванія Галліи германцами. Визиготы и бургунды вошли во владѣніе своими провинціями именемъ императора, а Галлія... встрѣтила Хлодвига скорѣе какъ друга, чѣмъ какъ врага. Нашествіе не было ни насильственнымъ, ни кровавымъ. За исключеніемъ сѣверо-востока Галліи, гдѣ оно продолжалось нѣсколько столѣтій, страна сохранила свой прежній видъ. Визиготы были немногочисленны въ бассейнѣ Гаронны (ихъ насчитывалось всего 200.000 при переходѣ черезъ Дунай); еще менѣе многочисленны были бургунды въ бассейнѣ Роны (ихъ было не болѣе 80.000, когда Аэцій водворилъ ихъ въ Савойѣ); франки составляли при Хлодвигѣ горсть воиновъ, а не иммигрирующую массу. Словомъ, германцы не могли измѣнить въ большей части Галліи ни расы, ни языка» ²⁾).

Нетрудно догадаться, что при такихъ условіяхъ они неспособны были передѣлать экономическій бытъ Галліи.

«Они мало измѣнили положеніе жителей, — продолжаетъ Рамбо, — у крестьянъ нельзя было отнять землю, такъ какъ она имъ не принадлежала, и такъ какъ нужно было сохранить ихъ въ качествѣ колоновъ ³⁾. Что касается собственниковъ, то для нихъ была мало чувствительна потеря части ихъ земель, такъ какъ не всѣ онѣ подвергались обработкѣ. Да эта часть и не была велика, потому что имѣлось достаточно такой земли, которая принадлежала

¹⁾ «Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ». изд. тов. «Общ. Польза», кн. I, стр. 238, примѣчаніе.

²⁾ „Histoire de la civilisation française“, tome premier, sixième édition, p. 76.

³⁾ Надо замѣтить, что положеніе крестьянъ въ Галліи въ эпоху упадка Римской имперіи было очень тяжелое, и уже въ 285 г. произошло страшное возстаніе ихъ, извѣстное подъ именемъ *la bagaude*. Г: П.

государству и изъ которой можно было надѣлить визиготскихъ, бургундскихъ и франкскихъ воиновъ» ¹⁾).

Не отрицая, что нашествіе варваровъ оказало нѣкоторое вліяніе на дальнѣйшее развитіе общественно-государственныхъ стношеній, Раμπο настаиваетъ, однако, на томъ, что франкская Галлія начала замѣтно отличаться отъ Галліи римской лишь двѣсти или триста лѣтъ послѣ Хлодвига ²⁾).

Это едва-ли можно оспаривать въ настоящее время. Но въ такомъ случаѣ экономическій «моментъ» имѣлъ вполне достаточно времени для того, чтобы вступить въ свои права и опредѣлить собою весь характеръ всѣхъ возможныхъ послѣдствій германскаго нашествія. Вотъ почему, надо признать основательными взгляды тѣхъ историковъ, которые отказываются теперь смотрѣть на это нашествіе, какъ на причину возникновенія западнаго феодализма ³⁾).

Все это приводитъ насъ къ слѣдующему окончательному выводу: справедливо то мнѣніе проф. В. Ключевскаго, что въ Россіи ходъ развитія общественныхъ классовъ во многомъ отличался отъ западно-европейскаго. Но онъ очень ошибался, объясняя относительное своеобразие этого хода тѣмъ, что на Западѣ политическій «моментъ» шелъ будто бы впереди экономическаго, тогда какъ въ Россіи господствовали смѣшанные процессы. Это объясненіе, грѣша значительной неясностью мысли, противорѣчитъ также историческимъ фактамъ. Въ дѣйствительности, политическій «моментъ» никогда и нигдѣ не идетъ впереди экономическаго; онъ всегда обусловливается этимъ послѣднимъ, что нисколько не мѣшаетъ ему, впрочемъ, оказывать на него обратное вліяніе.

С. М. Соловьевъ, совершенно справедливо полагавшій, что завоеваніе совсѣмъ не имѣло того значенія въ исторіи развитія западно-европейскаго общества, какое приписывается ему по устарѣлой привычкѣ, съ своей стороны давалъ историкамъ слѣдующее методическое указаніе:

«Рѣзкое различіе нашей исторіи отъ исторіи западныхъ государствъ,—различіе оцутительное въ самомъ началѣ,—не можетъ объясняться только отсутствіемъ завоеванія, но многими различными причинами, дѣйствующими и въ началѣ, и во все продолженіе исторіи: на всѣ эти причины историкъ долженъ обращать одинаковое вниманіе, если не хочетъ заслужить упрека за односторонность» ⁴⁾).

¹⁾ Тамъ же, стр. 76—77.

²⁾ Тамъ же, стр. 77.

³⁾ Къ ихъ числу у насъ принадлежитъ М. Ф. Владимірскій-Будановъ (см., его «Очерки по исторіи литовско-русскаго права», I, «Помѣстья Литовскаго государства». Кіевъ, 1889, стр. 2—3.

⁴⁾ Названное соч., т. I, стр. 268, примѣчаніе.

По этому поводу приходится сдѣлать нѣсколько критическихъ замѣчаній

Во-первыхъ, какъ справедливо напоминалъ изслѣдователямъ самъ же С. М. Соловьевъ, и на западѣ Европы завоеваніе имѣло мѣсто далеко не во всѣхъ странахъ, что не мѣшаетъ, однако, всѣмъ западно-европейскимъ странамъ обнаруживать въ своемъ общественномъ развитіи такія черты, которыхъ мы напрасно искали бы въ общественномъ развитіи Россіи.

Во-вторыхъ, даже и въ тѣхъ западныхъ странахъ, гдѣ завоеваніе, несомнѣнно, имѣло мѣсто, какъ, напримѣръ, во Франціи, его вліяніе оказывается несравненно менѣе значительнымъ, чѣмъ это думали прежде. Пусть читатель вспомнитъ, что говоритъ объ этомъ А. Рамбо.

Въ-третьихъ, еще М. П. Погодинъ, основавшій на отсутствіи у насъ завоеванія все свое противопоставленіе Россіи Западу, вынужденъ былъ, въ своей полемикѣ съ П. В. Кирѣевскимъ на страницахъ «Москвитянина», объявить отсутствіе это вовсе не такимъ полнымъ, какимъ онъ самъ же изобразилъ его прежде и продолжалъ изображать впослѣдствіи, явно противорѣча самому себѣ. Если принять рассказъ лѣтописи о добровольномъ призваніи варяговъ нѣкоторыми славянскими и финскими племенами, то все-таки нельзя же отрицать, что многія другія племена были «п р и м у ч е н ы» этими пришельцами къ покорности, и что вообще пришельцы эти, нарубивъ въ своемъ новомъ отечествѣ укрѣпленныхъ стоянокъ, повели себя тамъ, по выраженію В. Ключевского, завоевателями. Этимъ и объясняется вдохновившее Княжнина,—тоже попавшее въ лѣтопись,—преданіе о бунтѣ противъ Рюрика новгородцевъ подъ предводительствомъ Вадима ¹⁾.

Въ-четвертыхъ, всякій охотно признаетъ правильность того

¹⁾ Надо помнить и то, что лѣтописный рассказъ о призваніи варяговъ дошелъ до насъ въ томъ видѣ, какой былъ ему приданъ гораздо позже того времени, о которомъ онъ сообщаетъ, а именно—въ XI и въ началѣ—XII в. Тогда отношенія уже измѣнились. «Въ XI в. варяги продолжали приходять на Русь наемниками,—говоритъ В. Ключевскій,—но уже не превращались здѣсь въ завоевателей, и насильственный захватъ власти, переставъ повторяться, казался маловѣроятнымъ». (Курсъ русской исторіи, изд. третье, т. I, стр. 169). Кромѣ того, русскимъ книжникамъ XI в. пріятнѣе было изображать пришествіе варяговъ, какъ слѣдствіе добровольнаго призванія ихъ туземцами. Это совершенно естественно. Проф. Ключевскій называетъ рассказъ о призваніи князей не народнымъ преданіемъ, а «схематической притчей о происхожденіи государства, приспособленной къ пониманію дѣтей школьнаго возраста». (Тамъ же, стр. 170). С. Θ. Платоновъ дѣлаетъ интересное указаніе на то, что англійскій лѣтописецъ Видукинъ повѣствуетъ о такомъ же точно призваніи бриттами англосаксовъ, при чемъ и свою землю бритты хвалили тѣми же словами, какъ новгородцы свою *terram latam et spatiosam et omnium rerum copia refertam*. (Лекціи по русской исторіи, изд. 6-е, стр. 68).

мнѣнія, что историкъ долженъ, во избѣжаніе односторонности «обращать одинаковое вниманіе» на всѣ причины, вызвавшія своеобразный складъ нашихъ общественно-государственныхъ отношеній. Но это правило слишкомъ неопредѣленно. Да и едва ли оно осуществимо въ своемъ буквальномъ смыслѣ. Часто очень трудно, а иногда и совсѣмъ невозможно убѣдиться въ томъ, что мы нашли въ ѣ причины, содѣйствовавшія возникновенію даннаго явленія. Но, съ точки зрѣнія метода, главное вовсе не въ томъ, чтобы перечислить эти причины всѣ до одной, а въ томъ, чтобы опредѣлить тѣ пути, по которымъ направлялось дѣйствіе самыхъ важныхъ между ними. Вотъ примѣръ.

Уже нѣкоторые древніе писатели принимали въ соображеніе вліяніе географической среды на общественнаго челоука. Но они ошибались, когда имъ нужно было опредѣлить, какимъ путемъ географическая среда способствуетъ возникновенію того или другого соціально-политическаго строя. Они считали, что «климатъ», физиологически дѣйствуя на индивидуумовъ, составлявшихъ данное общество, вызываетъ у нихъ тѣ или другія психическія предрасположенія, которыми, въ свою очередь, опредѣляется общественное устройство: такъ, климатъ Греціи будто бы физиологически предрасполагалъ людей къ свободнымъ учрежденіямъ, а климатъ Азіи—къ покорности передъ монархами. Это античное ученіе о томъ, что климатъ опредѣляетъ собою политическій строй, непосредственно воздѣйствуя на отдѣльныхъ членовъ общества, перешло къ писателямъ новаго времени, на примѣръ, къ французскимъ просвѣтителямъ XVIII в. и къ Боклю. Теперь его слѣдуетъ признать совершенно устарѣлымъ, такъ какъ теперь уже ясно, что «климатъ», т. е. географическая среда вліяетъ на отдѣльныхъ членовъ общества, главнымъ образомъ,—чтобы не сказать: исключительно,—черезъ средство среды общественной: свойствами географической среды опредѣляется болѣе или менѣе быстрое развитіе производительныхъ силъ, а отъ степени развитія производительныхъ силъ зависитъ, въ послѣднемъ счетѣ, весь строй общества, т. е. всѣ свойства общественной среды, обусловливаюція собою стремленія, чувства, взгляды, словомъ, всю психику отдѣльныхъ людей. Такимъ образомъ, вліяніе географической среды на этихъ послѣднихъ, считавшееся когда-то непосредственнымъ, на самомъ дѣлѣ оказывается лишь косвеннымъ. И только когда это было понято людьми науки, явилась возможность научнаго опредѣленія роли географическаго «момента» въ ходѣ развитія общественныхъ отношеній. Чтобы понять значеніе географической среды, необходимо было выяснитъ тотъ путь, по которому напра-

вляется ея дѣйствіе на человѣческія общества. И такъ со всѣми другими «моментами» историческаго развитія: дѣйствіе ихъ продолжаетъ быть непонятнымъ,—точнѣе сказать: понимается ошибочно,—пока не удастся правильно опредѣлить путь этого дѣйствія.

VI.

Вопреки своему заботливому стремленію избѣжать односторонности, С. М. Соловьевъ иногда самъ становился одностороннимъ именно потому, что путь дѣйствія различныхъ «факторовъ» историческаго развитія былъ для него неясенъ. Его соображенія,—въ концѣ первой главы перваго тома,—о вліяніи природы на народный характеръ очень поверхностны и на самомъ дѣлѣ ровно ничего не объясняютъ. «Роскошная, щедрая природа, богатая растительность, пріятный климатъ,—говоритъ онъ между прочимъ,—развиляютъ въ народѣ чувство красоты, стремленіе къ искусствамъ, поэзіи, къ общественнымъ увеселеніямъ, что могущественно дѣйствуетъ на отношенія двухъ половъ» ¹⁾. Но стремленіе къ поэзіи у скандинавскихъ народовъ или у англичанъ не менѣе сильно, чѣмъ у итальянцевъ или у испанцевъ, а стремленіе къ искусству у эскимосовъ ничуть не слабѣе, нежели у краснокожихъ Бразиліи. Взаимныя отношенія половъ опредѣляются ходомъ развитія семейныхъ отношеній, который зависитъ отъ экономики страны, а не отъ ея географіи. Мы знаемъ, правда, что экономика сама находится въ причинной зависимости отъ географической среды,—такъ какъ эта послѣдняя вліяетъ на быстроту роста производительныхъ силъ. Но тутъ мы имѣемъ передъ собой случай посредственнаго вліянія «природы», между тѣмъ какъ С. М. Соловьевъ говоритъ объ ея непосредственномъ вліяніи. Наконецъ, что касается общественныхъ увеселеній, то всякій народъ любитъ ихъ, пока ему живется хоть сколько-нибудь сносно, и пока онъ не утрачиваетъ привычки къ нимъ вслѣдствіе развитія крайняго индивидуализма, которое вызывается не природой, а опять-таки общественными отношеніями.

С. М. Соловьевъ приложилъ свои общія соображенія о зависимости народнаго характера отъ природы страны «къ историческому различію въ характерѣ южнаго и сѣвернаго народонаселенія Руси». Послѣ сказаннаго, надѣюсь, ясно, что относящіеся къ этому предмету выводы нашего историка не могли быть основательными. Полезнѣе остановиться на другой его попыткѣ объясненія историческихъ судебъ русскаго народа свойствами географической среды.

¹⁾ Указанное изданіе, кн. I, стр. 29—30.

Я говорю объ его знаменитомъ противопоставленіи русскаго дерева западно-европейскому камню. Нашъ авторъ говоритъ, что путешественникъ, переѣзжающій изъ западной Европы въ восточную и находящійся подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ внѣшняго различія, первую назоветъ каменною, а вторую—деревянною. По мнѣнію С. М. Соловьева, такая характеристика будетъ вполне вѣрною по отношенію къ внѣшнему виду этихъ двухъ частей Европы.

«К а м е н ь, — продолжаетъ онъ, — такъ называли у насъ въ старину горы, камень разбилъ Западную Европу на многія государства, разграничилъ многія народности, въ камень свили свои гнѣзда западные мужи и оттуда владѣли мужиками; камень давалъ имъ независимость; но скоро и мужики огораживаются камнемъ и пріобрѣтаютъ свободу, самостоятельность; все прочно, все опредѣленно, благодаря камню; благодаря камню, поднимаются нерукотворныя горы, громадныя, вѣковѣчныя зданія» ¹⁾).

Слово «к а м е н ь» употребляется здѣсь,—замѣтите это!—въ двухъ смыслахъ. Оно означаетъ, во-первыхъ, собственно к а м е н ь, какъ строительный матеріалъ, во-вторыхъ,—г о р ы, всегда болѣе или менѣе разнообразящія поверхность страны. Горы разбили Западную Европу на многія народности и государства, а строительный матеріалъ, ими доставляемый, сообщилъ прочность и опредѣленность внутреннимъ отношеніямъ этихъ государствъ. На востокъ Европы отсутствіе «камня» вызвало прямо-противоположные результаты.

«На великой восточной равнинѣ нѣтъ камня,—разсуждаетъ С. М. Соловьевъ,—все ровно, нѣтъ разнообразія народностей, и потому одно небывалое по своей величинѣ государство. Здѣсь мужамъ негдѣ вить себѣ каменныхъ гнѣздъ, не живутъ они особо и самостоятельно, живутъ дружинами около князя и вѣчно движутся по широкому безпредѣльному пространству; у городовъ нѣтъ прочныхъ къ нимъ отношеній. При отсутствіи разнообразія, рѣзкаго разграниченія мѣстностей, нѣтъ такихъ особенностей, которыя бы дѣйствовали сильно на образованіе характера мѣстнаго народонаселенія и дѣлали для него тяжкимъ оставленіе родины—переселеніе. Нѣтъ прочныхъ жилищъ, съ которыми бы тяжело было разставаться... города состоятъ изъ деревянныхъ избъ, первая искра—и вмѣсто нихъ куча пепла. Бѣда, впрочемъ, не велика... новый домъ ничего не стоитъ по дешевизнѣ матеріала,—отсюда съ такою легкостью старинный русскій челоуѣкъ покидалъ свой домъ,

---

¹⁾ «Исторія Россіи», томъ тринадцатый, глава первая, книга третья, стр. 664.

своей родной городъ или село... Отсюда привычка къ расходкѣ въ народонаселеніи, и отсюда стремленіе правительства ловить, усаживать и прикрѣплять» ¹⁾).

Въ качествѣ строительнаго матеріала «камень» далъ высшимъ классамъ Запада матеріальную возможность значительно обособиться отъ низшихъ, и тѣмъ самымъ обострилъ классовую борьбу. А въ качествѣ горъ «камень» оказалъ непосредственное вліяніе на характеръ западныхъ народовъ, сообщивъ имъ стремленіе къ усидчивости и опредѣленности. Недостатокъ этого стремленія у русскаго народа объясняется отсутствіемъ у насъ «камня». Гдѣ нѣтъ усидчивости и опредѣленности, тамъ взаимныя отношенія классовъ остаются неопредѣленными и неустойчивыми, вслѣдствіе чего ихъ взаимная борьба не можетъ достигнуть значительной степени напряженности. Такова мысль С. М. Соловьева. Но она не выдерживаетъ критики.

Въ качествѣ строительнаго матеріала камень отнюдь не всегда игралъ на Западѣ ту исключительную роль, которую приписывалъ ему С. М. Соловьевъ. Западная Европа тоже была нѣкогда «деревянной». Не далѣе, какъ въ X в., замки феодальныхъ сеньеровъ представляли собой во Франціи деревянные башни, окруженныя рвомъ и изгородью—конечно, тоже деревянной. Правда, уже въ IX в. тамъ возникаютъ,—преимущественно на югѣ,—каменные феодальные твердыни; но онѣ начинаютъ распространяться по всей странѣ только въ X и въ XI столѣтіяхъ ²⁾). А вѣдь Франція, въ самомъ дѣлѣ, была классической страной феодализма. Когда же возникли феодальныя отношенія во Франціи? Не пускаясь въ неумѣстныя здѣсь подробности, я скажу, что въ X в. феодальный порядокъ уже сложился тамъ въ своихъ главныхъ чертахъ. Ясно, стало быть, что не «камень» обезпечилъ французскимъ «мужамъ» ихъ торжество надъ «мужиками». Эти «мужи» начали строить себѣ «каменные гнѣзда» лишь послѣ того, какъ имъ удалось наложить на «мужиковъ» свое иго.

А города? Въ Россіи они, по совершенно справедливому замѣчанію С. М. Соловьева, состояли изъ деревянныхъ избъ. Но изъ какихъ же построекъ состояли города средневѣковаго Запада? Очень нерѣдко тоже изъ деревянныхъ. И при томъ—какіе города! Одно изъ дошедшихъ до насъ постановленій насчетъ заработной платы средневѣковыхъ ремесленниковъ показываетъ, что не позже, какъ въ началѣ XIII вѣка Лондонъ былъ почти исключительно де-

¹⁾ Тамъ же, та же страница.

²⁾ «Histoire de la civilisation au moyen âge et dans temps modernes» par Seignobos. Paris 1887, p. 12—13. Ср. также Alfred Rambaud, «Histoire de la civilisation française», tome premier, p. 426.

ревяннымъ городомъ. И само собою разумѣется, что на Западѣ деревянныя постройки были такъ же мало огнеупорны, какъ въ Россіи: онѣ и тамъ, какъ у насъ, часто превращались «въ кучи пепла». Только что упомянутое постановленіе насчетъ заработной платы относилось, собственно, къ плотникамъ и было вызвано тѣмъ, что, по мнѣнію остальныхъ гражданъ, они сдѣлались слишкомъ требовательными послѣ пожара, истребившаго въ 1212 г. значительную часть деревяннаго тогда Лондона ¹⁾.

Французскіе и германскіе города тоже состояли по большей части изъ деревянныхъ домовъ. «Въ городахъ, въ противоположность селамъ, находимъ дома на каменномъ фундаментѣ, хотя самое зданіе въ теченіе всего средневѣковья еще строилось изъ дерева; крыша изъ кирпичей распространяется также лишь постепенно. Въ Гамельнѣ, въ Ньюпортѣ, въ Аміенѣ и даже во Фландріи находимъ соломенные крыши; въ Геттингенѣ магистратъ выдавалъ тому, кто замѣнялъ солому кирпичами, четвертую часть расходовъ» ²⁾. Итальянскіе города, повидимому, всегда были гораздо болѣе богаты каменными домами. Но это исключеніе изъ общаго правила,—если оно дѣйствительно существовало,—разумѣется, ни мало не подтверждаетъ собою мысли Соловьева: если деревянные города Англии, Франціи и Германіи шли въ своемъ историческомъ развитіи не тѣми же самыми путями, какими шли тоже деревянные города Россіи, то очевидно, что «дерево» ровно ничего не объясняетъ въ этомъ различіи.

Это не все. Города Литовской Руси тоже были деревянными ³⁾, а ихъ историческая судьба не похожа ни на судьбу, напримѣръ, французскихъ городовъ, ни на судьбу городовъ Московской Руси: новое доказательство того, что «дерево» или «камень» не при чемъ въ историческихъ особенностяхъ этого рода.

Наконецъ, Соловьевъ позабылъ, что «громадныя, вѣковѣчныя зданія» воздвигаются не только изъ камня. Въ Бельгіи и

¹⁾ М. М. Ковалевскій. Развитіе народнаго хозяйства въ Западной Европѣ. СПб., 1899, стр. 71.

²⁾ І. М. Кулишеръ. Лекціи по исторіи экономическаго быта Западной Европы. СПб. 1913 г., стр. 126.

³⁾ «Изъ Бѣльска я отправился въ Брестъ (Briesti), крѣпость съ деревяннымъ городомъ». «Камень, городъ съ каменной башней въ деревянномъ замкѣ» и т. д. (Герберштейнъ. Записки о Московіи. СПб. 1866, стр. 212—225). Мысль Соловьева объ историческомъ значеніи камня и дерева приурочена ко впечатлѣніямъ воображаемаго путешественника. Интересно противопоставить имъ впечатлѣнія, вынесенныя дѣйствительнымъ путешественникомъ изъ гор. Златоуста: «Надъ городомъ нависли гранитныя скалы, камень самъ валится на голову, а городъ весь бревенчатый. Дома-избы, такъ и кажется, сорвались съ картины Рериха «Древняя Русь». Улицы не мощены и проч. (Г. Петровъ. По Золотому дну. «Русское Слово» отъ 14/III 1913 г.). Тутъ вполне очевидно, что дѣло не въ камнѣ.

въ Голландіи ихъ строили изъ кирпича. Но само собою понятно, что ихъ начали строить тамъ только тогда, когда общественное развитіе вызвало потребность въ нихъ и дало экономическую возможность ея удовлетворенія.

Говоря вообще, западно-европейскіе города превращались изъ деревянныхъ въ каменные (или кирпичные) лишь по мѣрѣ того, какъ росли находившіяся въ распоряженіи ихъ жителей производительныя силы, и увеличивалось ихъ экономическое благосостояніе. Поэтому, вполне позволительно думать, что если бы русскіе города богатѣли такъ же быстро, какъ западно-европейскіе, то и въ нихъ дерево постепенно уступило бы мѣсто камню.

Самые богатые города до-монгольской Руси, Кіевъ и Новгородъ, были богаче другихъ каменными постройками. Въ Кіевѣ считалось болѣе 12 каменныхъ церквей¹⁾. Впослѣдствіи Москва училась каменному дѣлу именно у Новгорода, пока не догадалась обратиться къ западно-европейскимъ мастерамъ. Не въ отсутствіи камня заключалась причина, остановившая развитіе Новгорода, а равно и Кіева.

С. М. Соловьевъ не такъ сильно ошибся въ своемъ взглядѣ на «камень», понимаемый въ смыслѣ горъ. Однако, и тутъ онъ все-таки неправъ.

То правда, что горы разграничиваютъ одно отъ другого первобытныя племена и тѣмъ препятствуютъ сліянію ихъ въ одну народность. Но и это положеніе должно быть принимаемо съ весьма существенными оговорками. «Камень» все-таки не помѣшалъ различнымъ народностямъ Запада вступать въ весьма оживленныя взаимныя сношенія. Развитіе этихъ сношеній тоже опредѣляется въ послѣднемъ счетѣ ходомъ экономическаго развитія, которое зависитъ отъ географической среды лишь въ той мѣрѣ, въ какой она благопріятствуетъ развитію общественныхъ производительныхъ силъ. С. М. Соловьевъ и здѣсь предполагалъ непосредственное вліяніе географической среды, тогда какъ и здѣсь надо говорить преимущественно объ ея посредственномъ вліяніи. Вотъ почему, его гипотеза и не выдерживаетъ критики фактовъ. На западѣ Европы нѣтъ страны болѣе гористой, чѣмъ Швейцарія. Однако, феодальная зависимость «мужиковъ» отъ «мужей» никогда не пріобрѣтала въ ней такой прочности и такихъ широкихъ размѣровъ, какъ на «остъ-эльбской» равнинѣ. Другой примѣръ. Литовская Русь занимала часть той же восточной равнины, которую С. М. Соловьевъ называетъ деревянной страной. Но если мы сопоставимъ ея внутреннія отношенія съ отношеніями

¹⁾ Игорь Грабаръ. Исторія русскаго искусства, выпускъ I, стр. 146.

Московской Руси, то увидимъ, что они несравненно меньше походятъ на нихъ, скажемъ, въ XVI в., чѣмъ на отношенія западно-европейскихъ странъ. Правда, можно сказать,—а нерѣдко и говорятъ,—что Литовская Русь выработала свои внутреннія отношенія подъ вліяніемъ Польши, т. е. того же Запада. Польское вліяніе въ Литвѣ было, въ самомъ дѣлѣ, очень сильно. Но объясняетъ ли оно весь, безъ остатка, складъ ея внутреннихъ отношеній? Нѣтъ, и это по весьма понятной причинѣ: вліяніе одной страны на складъ внутреннихъ отношеній другой возможно только тогда, когда въ этой послѣдней уже находятся налицо такіе общественные элементы, которымъ выгодно взять на себя роль его проводниковъ. Ниже мы еще увидимъ, почему нѣкоторые классы населенія западной Руси такъ охотно сдѣлались проводниками польскаго вліянія. А теперь мы должны вернуться къ С. М. Соловьеву.

VII.

Его разсужденія о вліяніи климата, «камня» и «дерева» весьма неудачны. Но въ его большемъ трудѣ все-таки встрѣчаются совершенно правильныя мысли о томъ, какъ вліяла географическая среда на общественное развитіе нашего отечества. Намъ необходимо внимательно вдуматься въ эти совершенно правильныя мысли.

Въ первой главѣ своего перваго тома онъ, отмѣтивъ однообразный характеръ восточно-европейской равнины, говоритъ:

«Однообразіе природныхъ формъ исключаетъ областныя привязанности, ведетъ народонаселеніе къ однообразнымъ занятіямъ; однообразность занятій производитъ однообразіе въ обычаяхъ, правахъ, вѣрованіяхъ; одинаковость правовъ, обычаевъ и вѣрованій исключаетъ враждебныя столкновенія; одинакія потребности указываютъ одинакія средства къ ихъ удовлетворенію,—и равнина, какъ бы ни была обширна, какъ бы ни было вначалѣ разноплеменно ея населеніе, рано или поздно, станеть областью одного государства: отсюда понятна обширность русской государственной области, однообразіе частей и крѣпкая связь между ними»¹⁾.

Съ точки зрѣнія метода, это разсужденіе тоже нельзя признать безукоризненнымъ. Нашъ историкъ повторяетъ тутъ ошибку большинства изслѣдователей, раньше его писавшихъ о значеніи географической среды въ ходѣ народнаго развитія: онъ тоже прежде всего старается опредѣлить, какія психическія расположенія должны были вызываться этой средой. Лишь послѣ этого онъ указываетъ на тѣ занятія и вообще на тотъ образъ жизни, который обуславливался, по его мнѣнію, этими пред-

¹⁾ Исторія Россіи и т. д., кн. I, стр. 10.

расположеніями. Это—методъ историческаго идеализма: бытіе объясняется сознаниемъ, несмотря на то, что за точку исхода всего разсужденія берутся извѣстныя матеріальныя условія существованія,—въ данномъ случаѣ свойства поверхности восточной половины Европы. Но идеалистическій методъ такъ неудовлетворителенъ самъ по себѣ, что, когда изслѣдователи, къ нему прибѣгающіе, не ограничиваются словами, а въ самомъ дѣлѣ пытаются найти взаимную связь общественныхъ явленій, они покидаютъ его и на время дѣлаются матеріалистами, т. е. объясняютъ сознание бытіемъ ¹⁾. Этой методологической непослѣдовательности ученыхъ общественная наука обязана многими очень важными открытіями. С. М. Соловьевъ тоже не вѣренъ здѣсь своему идеалистическому методу; но и у него эта невѣрность даетъ хорошій теоретическій результатъ. Сказавъ нѣсколько словъ о психическихъ предрасположеніяхъ русскаго племени, будто бы непосредственно вызываемыхъ географической средой, онъ немедленно переходитъ отъ нихъ къ соображеніямъ о томъ, какъ должно было повліять однообразіе природныхъ формъ на занятія и образъ жизни этого племени. Иначе сказать: отъ попытки объяснить бытіе сознаниемъ онъ быстро,—хотя, какъ это видно по всему, самъ того не замѣчая,—переходитъ къ объясненію сознания бытіемъ. И тутъ мы узнаемъ отъ него, что однообразіе природныхъ формъ ведетъ къ однообразію занятій, а однообразіе занятій производитъ однообразіе обычаевъ, нравовъ, потребностей и вѣрованій, при чемъ однообразіе потребностей указываетъ одинакія средства къ ихъ удовлетворенію и т. д. Это—очень цѣнныя мысли, до сихъ поръ слишкомъ мало принимаемыя въ соображеніе тѣми писателями, которые задумывались о причинахъ относительной самобытности русскаго историческаго процесса.

Представимъ себѣ, что данная клѣточка раздѣлилась, какъ это нерѣдко происходитъ, на двѣ клѣточки-дочери, эти послѣднія раздѣлились на четыре клѣточки-внучки, клѣточки-внучки породили каждая по двѣ правнучки и т. д. и т. д. Число клѣточекъ растетъ въ геометрической прогрессіи, при чемъ ни одна изъ нихъ не ведетъ совершенно отдѣльнаго отъ другихъ существованія. Что у насъ получается? Получается извѣстная совокупность клѣточекъ, живая ткань, но не сколько-нибудь сложный организмъ. Чтобы получился такой организмъ, процессъ

¹⁾ Я потому говорю «о общественныхъ явленіяхъ», что въ своей лабораторіи каждый естественный опытный поповолъ дѣлается матеріалистомъ. Чтобы найти примѣры идеалистическаго объясненія явленій природы, нужно было бы вернуться къ натурфилософіи Шеллинга.

Дом Плетанова
№

размноженія клѣточекъ долженъ былъ бы сопровождаться процессомъ ихъ дифференціаціи: безъ дифференціаціи нѣтъ развитія въ природѣ.

Теперь предположимъ, что мы имѣемъ дѣло съ общиной земледѣльцевъ, находящейся въ ровной, со всѣхъ сторонъ открытой и ненаселенной мѣстности. Когда наша община почувствуетъ «земельную тѣсноту», вслѣдствіе возрастанія числа ея членовъ, тогда часть ихъ покинетъ свою деревню и образуетъ новый поселокъ. Когда онъ увеличится настолько, что ему уже недостаточно будетъ окружающей его земли при старыхъ приѣмахъ сельскаго хозяйства, онъ тоже выселитъ «на новыя мѣста» часть своихъ жителей. «На новыхъ мѣстахъ» повторится та же исторія и т. д. и т. д. Пока не истощится запасъ «порожихъ земель», каждая деревня будетъ прибѣгать къ выселенію всякій разъ, когда число ея членовъ достигнетъ извѣстнаго предѣла. Что же получится? Получится много деревень, обрабатывающихъ землю съ помощью старыхъ приѣмовъ. Заселенная такимъ образомъ мѣстность окажется, можетъ быть, довольно зажиточной, но уровень ея экономическаго развитія будетъ все-таки очень низокъ. Однообразіе естественныхъ условій и связанное съ нимъ однообразіе занятій замедляетъ повышеніе этого уровня, вслѣдствіе чего задерживается также и духовное развитіе жителей. Марксъ говоритъ: «не абсолютное плодородіе почвы, а ея дифференцированіе, разнообразіе ея естественныхъ произведеній составляетъ естественную основу раздѣленія труда и заставляетъ человѣка, въ силу разнообразія окружающихъ его естественныхъ условій, разнообразить свои собственные потребности, способности, средства и способы производства ¹⁾. Однообразіе естественныхъ условій, характеризующее собою восточную европейскую равнину, было неблагоприятно прежде всего для успѣховъ ея населенія въ области экономическаго развитія. Но мы знаемъ, что экономическое развитіе опредѣляетъ собою развитіе общественно-политическое и духовное. Поэтому съ указаніемъ С. М. Соловьева на «природныя условія», вызвавшія однообразіе занятій, непремѣнно долженъ считаться всякій, кто желаетъ выяснитъ себѣ ходъ русскаго общественнаго развитія.

Но это не все. «Великая равнина,—продолжаетъ нашъ историкъ,—открыта на юго-востокѣ, соприкасается непосредственно съ степями Средней Азіи, толпы кочевыхъ народовъ съ незагамятныхъ поръ проходятъ въ широкія ворота между Уральскимъ хребтомъ и Каспійскимъ моремъ и занимаютъ привольныя для нихъ

---

¹⁾ «Das Kapital», t. I. dritte Auflage, ss. 524 525.

страны въ низовьяхъ Волги, Дона и Днѣпра... Азія не перестаетъ высылать хищныя орды, которыя хотять жить на счетъ осѣдлаго народонаселенія: ясно, что въ исторіи послѣдняго однимъ изъ главныхъ явленій будетъ постоянная борьба со степными варварами»¹⁾).

Какъ же повліяла эта продолжительная борьба съ кочевниками на внутреннее развитіе Россіи? С. М. Соловьевъ дѣлаетъ лишь нѣкоторые намеки на рѣшеніе этого важнаго вопроса. Самъ онъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ историковъ, которые приписывали борьбѣ съ кочевниками рѣшающее вліяніе на судьбу русскаго племени. Извѣстно его замѣчаніе о татарахъ: «татары (послѣ покоренія Руси. *Г. II.*) остались жить вдалекѣ, заботились только о сборѣ дани, нисколько не вмѣшиваясь во внутреннія отношенія, оставляя все, какъ было»²⁾. Но другіе кочевые народы,—предшествовавшіе татарамъ въ своихъ столкновеніяхъ съ русскимъ племенемъ,—еще меньше татаръ «вмѣшивались во внутреннія отношенія». Поэтому мы должны понимать С. М. Соловьева въ томъ смыслѣ, что всѣ эти другіе кочевники еще болѣе, чѣмъ татары, «оставляли все, какъ было». А если это такъ, то въ чемъ же сказалось вліяніе борьбы съ кочевниками на внутреннюю исторію Россіи? Соловьевъ признавалъ, какъ видно, что, оставляя «все, какъ было», кочевники, своимъ вліяніемъ, замедляли или ускоряли естественное развитіе внутреннихъ отношеній русскаго общества. «Мало того, что степняки, или Половцы, сами нападали на Русь,—говорить онъ,—они отрѣзывали ее отъ черноморскихъ береговъ, препятствовали сообщенію съ Византією. Русскіе князья съ многочисленными дружинами должны были выходить навстрѣчу къ греческимъ купцамъ и провожать ихъ до Кіева, оберегать отъ степныхъ разбойниковъ; варварская Азія стремится отнять у Руси всѣ пути, всѣ отдушины, которыми та сообщалась съ образованною Европою»³⁾. Но если это такъ, то очевидно, что и кочевники повліяли на нашу внутреннюю исторію прежде всего,—и, можетъ быть, главнымъ образомъ,—тѣмъ, что замедлили наше экономическое развитіе. Къ сожалѣнію, С. М. Соловьевъ не останавливается на разсмотрѣніи этого важнаго вопроса.

Говоря о пораженіи Витовта Темиръ-Кутлаемъ и Эдигеемъ на берегахъ Ворсклы, онъ замѣчаетъ: «татары побѣдили; но какія же были послѣдствія этой побѣды?—опустошеніе нѣкоторой части литовскихъ владѣній,—и только!»⁴⁾ Это замѣчаніе характерно

¹⁾ Тамъ же, кн. I, стр. 10.

²⁾ Тамъ же,

³⁾ Тамъ же, стр. 4.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 1084.

для его, разбираемаго здѣсь, взгляда. Онъ, подобно Карамзину, имѣлъ въ виду преимущественно исторію государства, и тамъ, гдѣ событія не оказывали замѣтнаго непосредственнаго вліянія на государственное устройство или на отношеніе государства къ сосѣдямъ, — въ только что указанномъ случаѣ на отношеніе Великаго Княжества Литовскаго къ Ордѣ, — онъ готовъ былъ умалять ихъ историческое значеніе. Кочевники «т о л ь к о» опустошали Русь или брали съ нея дань. Поэтому С. М. Соловьевъ говоритъ, что они оставляли все, какъ было. Но если опустошенія з а д е р ж и в а л и внутреннее развитіе того, что было, то они тѣмъ самымъ могли придать этому развитію новое направленіе, болѣе или менѣе отличное отъ того, которое оно получило бы при другомъ историческомъ сосѣдствѣ. Конечно, разница въ б ы с т р о т ѣ развитія есть лишь количественная разница. Но, постепенно накопляясь, количественныя различія переходятъ, наконецъ, въ качественныя. Кто знаетъ? Можетъ быть, опустошая Русь и, стало быть, замедляя ростъ ея производительныхъ силъ, хищные номады способствовали возникновенію и упроченію извѣстныхъ особенностей и въ ея политическомъ строѣ. Вотъ почему внимательнѣе слѣдовало разсмотрѣть вопросъ объ экономическихъ и общественно-политическихъ послѣдствіяхъ борьбы осѣдлаго населенія восточной равнины со своими кочевыми непріятелями.

VIII.

Чѣмъ больше растутъ производительныя силы, находящіяся въ распоряженіи даннаго общества, тѣмъ выше поднимается оно по лѣстницѣ экономическаго развитія. Чѣмъ выше поднимается оно по лѣстницѣ экономическаго развитія, тѣмъ успѣшнѣе отстаиваетъ оно свое существованіе въ борьбѣ съ сосѣдями. «Побѣда основывается на производствѣ оружія, — говоритъ Энгельсъ, оспаривая Дюрингову «теорію насилія», — а послѣднее, въ свою очередь, на производствѣ вообще, слѣдовательно на «экономической силѣ», на «экономическомъ положеніи», на м а т е р і а л ь н ы х ь средствахъ, которыми можетъ располагать сила» ¹⁾). Но если это вѣрно, — а это вполнѣ вѣрно, — то чѣмъ же объяснить тотъ фактъ, что земледѣльцы, населявшіе восточную европейскую равнину, такъ долго не могли справиться съ кочевниками, проникавшими въ нее изъ Азіи черезъ «широкія ворота между Уральскимъ хребтомъ и Каспійскимъ моремъ?» Вѣдь въ экономическомъ отношеніи земледѣльцы выше кочевниковъ.

¹⁾ Философія. — Политическая экономія. — Соціализмъ. — Анти-Дюрингъ. — Переводъ съ нѣмецкаго, 4-е изданіе, стр. 137.

Въ настоящее время вопросъ этотъ, какъ видно, сильно интересуется тѣхъ изъ нашихъ изслѣдователей, которые придерживаются матеріалистическаго объясненія исторіи. Но надо сознаться, что они рѣшаютъ его, къ сожалѣнію, не всегда удачно.

Такъ, В. А. Келтуяла недавно высказалъ ту мысль, что до половины XIII в. преобладающимъ у насъ занятіемъ была охота и связанная съ нею торговля, между тѣмъ какъ татары были скотоводами. Скотоводство выше охоты. Оно требуетъ лучшей организаціи общественныхъ силъ. «Поэтому общественно-политическія организаціи, въ основѣ которыхъ лежитъ скотоводство, обыкновенно сильнѣе организацій, основанныхъ на охотѣ». Этимъ и объясняетъ почтенный авторъ тотъ фактъ, что «охотничье-торговое государство, основавшееся на великомъ водномъ пути, потерпѣло окончательное пораженіе отъ скотоводцевъ-кочевниковъ»¹⁾.

Выходитъ, что С. М. Соловьевъ былъ неправъ, называя печенѣговъ, половцевъ и татаръ азіатскими варварами. А если и правъ; если эти азіаты все-таки могутъ быть названы в а р в а р а м и, то мы должны помнить, что на восточно-европейской равнинѣ имъ противостояли русскіе дикари-охотники, еще болѣе низкіе по своему экономическому и общественному развитію. Въ виду этого, подчиненіе русскихъ монголамъ представляется простымъ и понятнымъ слѣдствіемъ экономическаго превосходства этихъ послѣднихъ: мы уже знаемъ, что побѣда предполагаетъ производство оружія, а производство оружія основывается на производствѣ вообще, на матеріальныхъ средствахъ, находящихся въ распоряженіи тѣхъ, которые побѣждаютъ.

Однако, это объясненіе плохо мирится съ общеизвѣстными историческими фактами.

Вспомнимъ разсказъ лѣтописца о переговорахъ Ольги съ древлянами. Она посылаетъ сказать жителямъ Коростеня: «чего хотите досѣдѣти? А вси ваши города передашася мнѣ, и ялися по дань, и дѣлають нивы своя и землю свою, а вы хотите голодомъ измерети» и проч.²⁾. Можно ли предположить, что этотъ разсказъ возникъ въ «охотничье-торговомъ государствѣ»? Ясно, что нѣтъ. Онъ возникъ въ средѣ земледѣльцевъ, дорожащихъ возможностью «дѣлать нивы своя и землю свою»³⁾. А онъ вовсе

1) «Курсъ исторіи русской литературы», часть I, книга вторая, С.-Петербургъ 1911, стр. 68—69.

2) Лѣтопись по Ипатскому списку, СПб. 1871, стр. 37.

3) Къ слову сказать, современная этнологія совѣмъ не знаетъ «охотничье-торговья» государства. Охотничьему быту соответствуетъ общественная организація, основанная на кровномъ родствѣ. Теперь въ этомъ врядъ ли можно усомниться, особенно имѣя въ виду превосходныя работы сѣверо-американской этнологической школы, возникшей подъ влияніемъ знаменитаго Моргана.

не представляет собою чего-нибудь исключительнаго. Бѣлгородцы, осажденные въ 997 г. печенѣгами и доведенные ими до крайности, уже хотѣли сдаваться, но одинъ старикъ придумалъ хитрость. Онъ посовѣтовалъ своимъ согражданамъ: «сберите по горсти овса, или пшеницѣ, или отрубѣ». Когда они исполнили его совѣтъ, онъ приказалъ женщинамъ сдѣлать кисель, вылилъ этотъ кисель въ кадку и опустилъ кадку въ колодезь. Въ другой колодезь была спущена кадка съ медовой сытою. Потомъ онъ послалъ за печенѣгами и сказалъ имъ: «почто губите себѣ? Коли можете перестояти насъ? аще сидите 10 лѣтъ, что можете створити намъ? имѣемъ бо кормлю отъ земли; аще ли не вѣруете, да видите своими очима». Печенѣги повѣрили тому, что бѣлгородцы «имѣютъ кормлю отъ земли», и сняли осаду ¹⁾. Этотъ рассказъ тоже могъ сложиться лишь въ народѣ, который, по яркому выраженію, вложенному лѣтописцемъ въ уста хитроумнаго бѣлгородскаго Улиса, получалъ свою «кормлю», именно, «отъ земли» ²⁾. Не менѣе характеренъ и рассказъ о томъ, какъ Владиміръ Мономахъ уговаривалъ Святополка итти «на поганыхъ» (т. е. на половцевъ). «И начаша глаголати дружина Святополча: «не верема веснѣ воевати, хочешъ погубити смерды, и ролью имъ». И рече Володимерь: «дивно ми, дружино, оже лошади кто жалуеть, ею же ореть кто; а сего чему не разсмотрите, оже начнетъ смердъ орати, и Половчинъ приѣха ударить смерда стрѣлою, а кобылу его поиметь, а въ село вѣхавъ поиметь жену его и дѣти, и все имѣнье его возметь?» и т. д. Этотъ доводъ произвелъ такое впечатлѣніе, что «не могоша противу егѣ отвѣцати дружина Святополча» ³⁾: она, какъ видимъ, хорошо понимала, до какой степени полезно дать смерду возможность спокойно пахать свое поле. Охотники плохо понимаютъ это по той простой причинѣ, что они не пахутъ, да и нѣтъ смердовъ между ними.

За десять лѣтъ до этого совѣщанія князей, торки, осажденные половцами, послали сказать Святополку: «аще не приплеши брашна (т. е. хлѣба. *Г. П.*), предатися имамы» ⁴⁾. Это извѣстіе еще не доказываетъ, конечно, что къ тому времени сами торки ⁵⁾

¹⁾ Тамъ же, стр. 88—89. Тутъ не мѣшаетъ еще замѣтить, что охотничьи народы не имѣютъ обыкновенія отсиживаться отъ непріятелей въ укрѣпленныхъ городахъ.

²⁾ «Вятчи, забивавшіеся въ глухіе лѣса между Десной и верхней Окой, платили хазарамъ дань «отъ рала», съ сохи (Ключевскій. Курсъ русской исторіи, ч. I, стр. 67). Это опять явленіе, неслыханное въ охотничьемъ быту.

³⁾ Лѣтопись по Ипатскому списку, стр. 183.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 154.

⁵⁾ Народецъ, принадлежащій къ тюркскому племени и еще незадолго до указаннаго событія оставшійся кочевымъ.

уже сдѣлались земледѣльцами. Но ихъ просьба о присылкѣ хлѣба вполне убѣдительно свидѣтельствуетъ о томъ, что они имѣли дѣло съ политическимъ представителемъ мѣстности, населенной преимущественно земледѣльцами. И замѣчательно, что летописецъ, жалуясь на опустошенія, произведенныя тогда половцами, выступаетъ передъ нами идеологомъ, именно, земледѣльческаго племени: онъ на первомъ мѣстѣ отмѣчаетъ, что «лукавии сынове Измаилове пожигаху села і гумна»; сожженныя церкви идутъ въ его повѣствованіи лишь послѣ гумень и сель ¹⁾.

Уже въ то отдаленное время главную пищу русскаго народа составляли продукты земледѣлія. «Въ Печерскомъ монастырѣ XI в.,—говоритъ проф. Мих. Грушевскій ²⁾,—обычной пищей былъ хлѣбъ (главнымъ образомъ, ржаной), сочиво (вареный горохъ и другія стручковые овощи), либо каша, варенныя и приправленныя растительнымъ масломъ огородныя овощи; въ скоромные дни ѣли сыръ, въ постные—рыбу, но послѣдняя являлась уже лакомствомъ... Хлѣбъ считался болѣе изысканною пищей, чѣмъ сочиво, а на самомъ концѣ, какъ самая послѣдняя ѣда, стояли вареные «городные продукты». По мнѣнію проф. Грушевскаго, это монастырское меню даетъ намъ представленіе о томъ, чѣмъ питались тогда бѣднѣйшіе слои населенія: «хлѣбъ, каша и варенныя овощи (по всей вѣроятности, что-то въ родѣ щей) были въ то время, какъ и въ наше, главной пищей населенія», хотя оно и потребляло больше мяса, нежели теперь ³⁾.

Къ этому необходимо прибавить, во избѣжаніе недоразумѣній, что земледѣліе, составлявшее главное занятіе русскаго народа въ теченіе кievскаго періода, далеко не было тѣмъ первобытнымъ ковыряніемъ почвы, какимъ занимаются или занимались, на ряду съ охотой, нѣкоторыя дикія племена Африки и обѣихъ Америкъ. Употреблявшіяся тогда земледѣльческія орудія,—напримѣръ, плугъ и борода,—указываютъ на значительно болѣе высокую технику, предполагающую употребленіе въ работу домашнихъ животныхъ (лошадей или воловъ).

По словамъ В. А. Келтуялы,—трудъ котораго, несмотря на нѣкоторыя частныя заблужденія, все-таки поистинѣ замѣчателенъ,—

¹⁾ Тамъ же, стр. 155.

²⁾ Киевская Русь, т. I, СПб. 1911, стр. 326—327.

³⁾ Грушевскій. Киевская Русь, т. I, стр. 327. Въ другомъ мѣстѣ того же тома авторъ замѣчаетъ: «Источники, знавшіе славянъ въ нормальныхъ условіяхъ, на населенныхъ мѣстахъ, указываютъ на широко развитую у нихъ земледѣльческую культуру, наложившую сильный отпечатокъ на весь славянской бытъ» (стр. 306—307). Источники эти относятся къ IX, X и XI вв. Ср. «Очеркъ исторіи украинскаго народа» того же автора, второе изданіе, стр. 31—32.

охота, въ теченіе многихъ тысячелѣтій господствовавшая среди русскаго населенія, наложила на его психику опредѣленный характеръ ¹⁾. Это такъ: разумѣется, наложила; но земледѣліе наложило, затѣмъ, еще болѣе замѣтный характеръ. Когда? Еще въ языческую эпоху, т. е. очень задолго до монголовъ. Это легко доказать фактами, которые во множествѣ собралъ самъ г. Келтуяла въ первой части своего замѣчательнаго труда.

Возьмемъ такъ называемыя калядскія пѣсни. Въ курсѣ г. Келтуялы онѣ дѣлятся на двѣ группы: къ первой относятся пѣсни, сохранившія на себѣ явные слѣды языческихъ представленій; ко второй—пѣсни, разрабатывающія христіанскіе мотивы. Первая группа, очевидно, болѣе древняя. Что же слышимъ мы о ней отъ г. Келтуялы? Вотъ что.

«Среди калядскихъ пѣсень первой группы особенно интересны тѣ, которыя носятъ аграрный характеръ. Въ одной пѣснѣ поющій приглашаетъ хозяина встать и посмотрѣть, какъ Господь ходитъ по двору и приготовляетъ плуги и воловъ; далѣе поется о томъ, что Господь приготовляетъ коней, ходитъ на току, кладетъ снопы въ три ряда, пшеницу—въ четыре, устраиваетъ пчеловодство и готовитъ пиво» ²⁾.

Это, безъ малѣйшаго сомнѣнія, психика земледѣльческаго народа. Охотничьи племена распѣваютъ другія пѣсни. Вотъ, на примѣръ, австралиецъ поетъ: «Кенгуру былъ жирень, а я его съѣлъ». Тутъ дѣло ясное: въ этой пѣснѣ, очевидно, отражается охотничья психика. Самъ г. Келтуяла прибавляетъ, что образъ бога, подготовляющаго земледѣльческую работу, повидимому, представляетъ собою отраженіе языческаго Дажь-бога. Но что такое Дажь-богъ? «У Сварна есть дѣти: Дажь-богъ (Дай-богатство)—это солнце (другое названіе этого бога: Хорсъ); это—богъ, который долженъ былъ пріобрѣсти большое значеніе у той части славянства, которая, по преимуществу, стала заниматься скотоводствомъ и земледѣліемъ» ³⁾. А каково было значеніе Дажь-бога у русскихъ славянъ? Вотъ каково. Слово о полку Игоревѣ, памятникъ, относящійся, какъ это всѣмъ извѣстно, къ христіанскому періоду, называетъ русскій народъ Дажь-божьимъ внукомъ («Возстала обида въ силахъ Дажь-божья внука» и т. д.). Стало быть—очень велико. А это обстоятельство опять говоритъ вовсе не о психикѣ охотничьяго племени. Не менѣе замѣчательно еще и то обстоятельство, что, жалуясь на опустошенія, производимыя княжескими

¹⁾ Курсъ, ч. II, стр. 68.

²⁾ Курсъ, ч. I, СПб. 1906, стр. 105.

³⁾ Тамъ же, стр. 29.

усобицами, слово о полку Игоревѣ говоритъ: «тогда по русской землѣ рѣдко кричали пахари, но зато часто каркали вороны и т. д.». Оба эти обстоятельства отмѣчены самимъ г. Келтуялой ¹⁾).

А другія пѣсни? Послушаемъ того же ученаго.

«За столъ садятся гадающія, которыя кладутъ около блюда свои кольца... Затѣмъ поется рядъ пѣсенъ, получившихъ по имени блюда названіе подблюдныхъ. Первая пѣсня посвящается хлѣбу и соли. По окончаніи ея кладутъ кольца, перстни, хлѣбъ, соль и уголки на блюдо и поютъ слѣдующія пѣсни: «Катилось зерно по бархату», «Идетъ кузнецъ изъ кузницы» и др.». И опять самъ г. Келтуяла прибавляетъ: «Главнымъ предметомъ гаданій въ глубокой древности было, повидимому, богатство въ зависимости отъ развитія силы Дажь-бога», т. е. бога земледѣлія ²⁾). А вотъ пѣсни, называемыя веснянками. Въ одной изъ нихъ «просятъ весну явиться съ радостью, съ великою милостью, съ высокимъ льномъ, съ глубокимъ корнемъ, съ обильными хлѣбами». Въ другой спрашиваютъ весну, на чемъ она пріѣхала: «на сошечкѣ, на бороночкѣ, на овсяномъ снопу, на ржаномъ колосу?» ³⁾).

Изъ хороводныхъ пѣсенъ наиболѣе замѣчательна, по мнѣнію г. Келтуялы, пѣсня, изображающая сѣяніе проса въ связи съ выборомъ невѣсты. «Она представляетъ діалогъ между дѣвушками и парнями. Дѣвушки поютъ про то, какъ онѣ просо сѣяли. Парни отвѣчаютъ, что они это просо вытопчутъ» ⁴⁾). Подобныя пѣсни часто встрѣчаются и у другихъ земледѣльческихъ народовъ. У нѣкоторыхъ племенъ Малайскаго архипелага существуютъ довольно сложныя пляски, изображающія сѣяніе проса въ дѣйствіяхъ и въ пѣсняхъ. Все это, конечно, очень ярко иллюстрируетъ ту мысль, что не сознаніе опредѣляетъ собою бытіе, а бытіе опредѣляетъ собою сознаніе. Но въ томъ-то и дѣло, что бытіе, отразившееся въ пѣсняхъ этого рода, было бытіемъ земледѣльцевъ, а не охотниковъ. Впрочемъ, здѣсь полезно оговориться. Тотъ, сообщаемый хороводной пѣснью, фактъ, что просо сѣяли дѣвушки, между тѣмъ какъ парни грозятъ его вытоптать, позволяетъ предположить такую эпоху въ жизни русскихъ славянъ, когда земледѣліемъ занимались женщины, между тѣмъ какъ мужчины оставались охотниками. Такое раздѣленіе общественнаго труда до самаго недавняго времени существовало у нѣкоторыхъ племенъ центральной Бразиліи. Въ психологіи такихъ племенъ всегда сильно сказываются черты охотничьяго быта.

¹⁾ Курсь, ч. I, стр. 591.

²⁾ Тамъ же, стр. 107.

³⁾ Тамъ же, стр. 109.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 110.

Г. Келтуяла указывает также на жатвенные праздники. Онъ говоритъ, что во второй половинѣ іюля у славянъ-язычниковъ былъ праздникъ въ честь Перуна, бога грома. «Съ его именемъ связывались благодѣтельныя для плодородія грозы, которыми обыкновенно отличается эта часть іюля, и начало жатвенныхъ работъ» ¹⁾.

Довольно. Прибавлю еще только, что, по свидѣтельству г. Келтуялы, русскія пословицы, касающіяся хозяйственныхъ занятій, «отражаютъ, главнымъ образомъ, земледѣльческій трудъ» ²⁾. Послѣ всего этого мы можемъ уже не сомнѣваться въ томъ, что, именно, этотъ трудъ наложилъ наиболѣе глубокую печать на психику русскаго народа. Это нужно хорошенько запомнить, такъ какъ ниже намъ еще придется считаться съ вопросомъ о томъ, гдѣ лежала главная пружина хозяйственной жизни русскаго народа въ теченіе кievскаго періода его исторіи. Съ ошибочнымъ рѣшеніемъ этого вопроса связано много ложныхъ представленій о ходѣ нашего общественно-политическаго развитія.

IX.

Итакъ, историческая истина совсѣмъ не на сторонѣ В. А. Келтуялы, а на сторонѣ С. М. Соловьева: въ сравненіи съ русскимъ населеніемъ кievскаго періода, кочевники являлись племенами, стоявшими на менѣ высокой степени экономическаго, а стало быть и вообще культурнаго развитія. И напрасно г. Келтуяла,— да и не онъ одинъ,— смущается тѣмъ, что скотоводы-татары покорили русскихъ земледѣльцевъ. Этотъ фактъ такъ же мало противорѣчитъ матеріалистическому объясненію исторіи, какъ движеніе вверхъ шара, наполненнаго газомъ, болѣе легкимъ, нежели атмосферный воздухъ, опровергаетъ теорію тяготѣнія. Въ каждомъ изъ этихъ двухъ случаевъ передъ нами лишь мнимый парадоксъ.

Дѣло въ томъ, что движеніе человѣчества по пути культуры вовсе не есть прямолинейное движеніе. Съ переходомъ на болѣе высокую степень экономическаго развитія данное племя (или государство), разумѣется, дѣлаетъ болѣе или менѣе значительный шагъ впередъ. Но не во всѣхъ отношеніяхъ. Извѣстныя стороны его быта могутъ попятиться назадъ, именно, благодаря тому, что оно сдѣлало шагъ,—говоря вообще,—прогрессивный. Вотъ яркій примѣръ. Какъ извѣстно, охотничьи племена обнаруживаютъ несравненно больше склонности и,—главное,—способности

¹⁾ Тамъ же, та же страница.

²⁾ Тамъ же, стр. 152.

къ пластическимъ искусствамъ, нежели племена, занимающіяся скотоводствомъ и первобытнымъ земледѣліемъ. И точно также, нынѣшняя буржуазная Европа, обладающая такими могучими производительными силами, очень и очень много уступаетъ античному міру въ эстетическомъ отношеніи. Въ мою задачу никакъ не входитъ здѣсь разсмотрѣніе тѣхъ причинъ, которыми вызываются только что указанныя явленія. Достаточно сказать, что причины эти тоже коренятся въ новыхъ условіяхъ, создаваемыхъ новыми техническими завоеваніями и связанными съ ними перемѣнами въ образѣ жизни¹⁾. Но о кочевникахъ умѣстно сказать еще нѣсколько словъ.

Уже въ книгѣ покойнаго Н. Зибера «Очерки первобытной экономической культуры», вышедшей первымъ изданіемъ въ 1883 г., встрѣчается интересный анализъ экономическихъ и бытовыхъ условій, породившихъ идею монгольской всемірной имперіи. Излагая взглядъ одного англійскаго писателя, Н. Зибера указываетъ на то, что самый образъ жизни кочевыхъ народовъ не располагаетъ ихъ къ миру. «У странствующихъ народовъ, не имѣющихъ никакихъ постоянныхъ границъ,—говоритъ онъ,—не можетъ недоставать поводовъ къ войнѣ, такъ какъ они постоянно вторгаются въ границы пастбищъ одинъ другого. Такимъ образомъ возникаютъ случаи предательской войны»²⁾. Затѣмъ онъ отмѣчаетъ ихъ выносливость и ту легкость, съ которой они мобилизуютъ свои военныя силы. «Ихъ суровость и крѣпость даютъ имъ возможность выдерживать усталость отъ продолжительныхъ странствованій, лишеній и изнуреній. Подобная община пастуховъ не нуждается ни въ какомъ комисаріатѣ. Пища ихъ въ видѣ мяса ихъ быковъ или лошадей, которые привыкли ѣсть одну только траву, можетъ всегда пропитать ихъ на пути. ...Ихъ безразличіе къ жизни дѣлаетъ излишнею всякую предусмотрительность относительно заботы о больныхъ и раненыхъ... Ихъ военная жизнь, включающая продолжительныя странствованія и возвращенія и истощающая въ корень другія войска, мало отличается отъ ихъ обычаевъ во время мира... Побѣда воспламеняла ихъ... пораженіе смиряло на время ихъ духъ, но они всегда имѣли открытое отступленіе въ безконечную пустыню, гдѣ они могли, по меньшей мѣрѣ, спастись отъ мести цивилизованныхъ націй»³⁾. Уже эти строки въ значительной степени объясняютъ намъ военныя успѣхи кочевниковъ. Но Зибера не ограничился ими. Опираясь на того же англійскаго писателя, онъ утверждалъ, что опустошительные на-

¹⁾ Подробнѣе см. объ этомъ въ моихъ статьяхъ объ искусствѣ, напечатанныхъ въ сборникахъ: «За двадцать лѣтъ» и «Критика нашихъ критиковъ».

²⁾ Очерки первобытной экономической культуры.—Изд. 2-ое, СПб. 1899, стр. 39.

³⁾ Тамъ же, стр. 113.

бѣги, которымъ предавались кочевые народы, были для нихъ своего рода необходимостью, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ удавалось достигнуть господства. «Когда ихъ первые успѣхи привлекали большое число лицъ къ побѣдному знамени, то удержать въ неподвижномъ положеніи такую громадную массу не было возможности. Прежде всего ихъ пастбища скоро были бы истощены, а, во-вторыхъ, ихъ вожди могли поддерживать свое достоинство и свое высокое положеніе надъ единоплеменниками только при помощи активныхъ операцій. Иностранныя войска, широко входящія въ составъ ихъ армій, были всегда готовы отпасть отъ насильственнаго союза. Всякій признакъ слабости или неспособности вождя сдѣлался бы знакомъ общаго распаденія» ¹⁾).

Къ этому надо прибавить слѣдующее. Если мы сравнимъ вооруженіе осѣдлыхъ русскихъ племенъ, скажемъ, X или XI в. съ вооруженіемъ тѣхъ кочевниковъ, натискъ которыхъ имъ пришлось отражать, то увидимъ, что превосходство перваго надъ вторымъ очень невелико, а, пожалуй, даже сомнительно. Меч у пѣшаго русскаго воина противостоитъ саблѣ кочевого всадника. Уступаетъ ли сабля мечу, какъ орудіе нападенія или самозащиты? Предположимъ, что—да. Но фактъ тотъ, что и русскіе воины нерѣдко предпочитали саблю мечу, а въ XII в., судя по «Слову о полку Игоревѣ», сабли даже преобладали, такъ какъ «выгнутою саблею удобнѣе рубить, чѣмъ прямымъ мечемъ» ²⁾. Удобнѣе, конечно, только для всадника, но въ тогдашнемъ русскомъ войскѣ конница уже играла очень важную роль, которая, съ теченіемъ времени, становилась еще болѣе важной. Стало быть, со стороны вооруженія трудно предположить какое-нибудь серьезное превосходство тогдашнихъ (русскихъ) земледѣльцевъ надъ номадами. Достойно замѣчанія, что если русскіе воины заимствовали оружіе у номадовъ, то цивилизованные римляне не разъ дѣлали подобныя заимствованія у тѣхъ варваровъ, съ которыми имъ приходилось вести войны. Вообще, въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, разстояніе, отдѣляющее цивилизацію отъ варварства, первоначально совсѣмъ незначительно и растетъ лишь мало-помалу, но съ постоянно и сильно возрастающимъ ускореніемъ ³⁾.

Наконецъ,—и на это необходимо обратить большое вниманіе,—переходъ къ земледѣлію вызываетъ со временемъ такое раз-

¹⁾ Тамъ же, стр. 40.

²⁾ Проф. Грушевскій. Кіевская Русь, т. I, стр. 339.

³⁾ Человѣкъ, очень свѣдущій въ военномъ искусствѣ своего времени, капитанъ Маржерэ,—котораго у насъ почему-то называютъ Маржеретомъ,—говоритъ: «Сотня татаръ всегда разгонитъ двѣсти россиянъ» («Состояніе Россійской державы и великаго княжества московскаго», СПб. 1830, стр. 55). Какъ видно изъ его дальнѣйшаго изложенія, Маржерэ имѣетъ въ виду русскую конницу. Какъ же объяснить это превосходство

дѣленіе общественнаго труда, которое является источником относительной слабости земледѣльцевъ съ военной стороны. У номадовъ всѣ или почти всѣ взрослые мужчины—воины; у земледѣльцевъ военное дѣло становится занятіемъ лишь нѣкоторой части общества, напримѣръ, въ Кіевской Руси—князя и его дружины. Правда, кромѣ княжеской дружины, по временамъ созывается также и народное ополченіе. Но созовы ополченія все-таки представляютъ собою нѣчто исключительное и, кромѣ того, становятся все рѣже и рѣже ¹⁾. Владиміръ Мономахъ хорошо изобразилъ обычное положеніе дѣлъ: смердъ пашеть, а князь съ дружиной охраняетъ его отъ непріятельскихъ набѣговъ. При такомъ положеніи дѣлъ есть только одно условіе побѣды земледѣльцевъ надъ кочевниками: объединеніе первыхъ въ одинъ большой политическій союзъ, а въ ожиданіи его—сочетаніе усилій всѣхъ тѣхъ отдѣльныхъ политическихъ союзовъ, на которые распадается земледѣльческое населеніе данной территоріи. Вотъ почему всѣ русскіе идеологи кіевского періода такъ рѣшительно и единодушно осуждаютъ княжескія усобицы: «почто вы распрію имата межи собою?—говорятъ Святополку «мужѣ смысленѣи»,—а погании губятъ землю Рускую; послѣдѣся смирита, а нынѣ поидита противу имъ (т. е. противъ половцевъ. Г. П.) любо съ миромъ, любо ратью» (ср. краснорѣчивыя жалобы на княжескія усобицы въ «Словѣ о полку Игоревѣ»). И по той же причинѣ такъ сильно было въ послѣдствіи сочувствіе русскаго народа къ объединительной политикѣ московскихъ,—а на западной половинѣ русской территоріи литовскихъ,—великихъ князей. Интересно, что Казань и Астрахань пали только тогда, когда окончательно объединилась восточная Русь.

Все это показываетъ, что мы имѣемъ возможность объяснить побѣду кочевниковъ надъ кіевской Русью, не прибѣгая къ совершенно несостоятельной гипотезѣ «охотничье-торговаго государства».

Теперь посмотримъ, каковы были послѣдствія многовѣковаго натиска скотоводовъ-кочевниковъ на земледѣльцевъ, населявшихъ восточную европейскую равнину.

Во-первыхъ, онъ помѣшалъ русскому населенію придвинуться вплотную къ берегамъ Чернаго моря и даже заставилъ его

татарской конницы надъ московской? Неужели тѣмъ, что въ концѣ XVI вѣка Крымъ стоялъ на болѣе высокой ступени экономическаго развитія, нежели Московская Русь? Не думаю, чтобы кто-нибудь рѣшился утверждать это.

¹⁾ При томъ, вооруженіе ополченцевъ значительно уступаетъ вооруженію дружинниковъ: обыкновенные курганы содержатъ въ себѣ копыя, ножи, стрѣлы и топоры; таково, вѣроятно, было вооруженіе простаго воина недружинника» (проф. Г р у ш е в с к і й, тамъ же, стр. 339).

отступить на сѣверъ и на сѣверо-западъ ¹⁾. Это вынужденное отступление отъ морскихъ береговъ должно было замедлить экономическое развитіе Руси. Во-вторыхъ, оттѣснивши Русь отъ береговъ Чернаго моря, кочевники продолжали нападать на ея торговые караваны, затрудняли ея сношенія съ Крымомъ и Византіей, чѣмъ создавали новыя препятствія для ея экономическаго развитія. Въ-третьихъ, періодически опустошая территорію осѣдлаго русскаго племени, они мѣшали его росту благосостоянія. «Непрекращающіеся набѣги на города и селенія, жившіе среди вѣчной тревоги на военномъ положеніи; захватъ плѣнниковъ во время набѣговъ въ громадномъ количествѣ, при чемъ работоспособные продавались въ крымскихъ портахъ въ неволю въ чужія страны, а всѣ непригодные къ работѣ и на продажу безжалостно убивались; уничтоженіе цѣлыхъ селеній, и въ результатъ—бѣгство населенія и запустѣніе цѣлыхъ областей»,—такъ изображаетъ историкъ тогдашнюю жизнь въ мѣстностяхъ, доступныхъ нападеніямъ кочевниковъ ²⁾. Нечего и говорить, что такая жизнь мало благоприятствовала накопленію богатства. Правда, верхи тогдашняго русскаго общества какъ-будто располагали довольно большими денежными средствами ³⁾. Однако, въ его низахъ должно было возникнуть много элементовъ, лишенныхъ всякой возможности вести самостоятельное хозяйство. Эти элементы попадали въ зависимость отъ лицъ, обладавшихъ денежными средствами. Ростовщическій капиталъ годичинилъ своей власти значительную часть тогдашняго трудящагося населенія ⁴⁾. Но господство ростовщическаго капитала, въ свою очередь, весьма неблагоприятно для развитія производительныхъ силъ страны, такъ какъ онъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ довольствуется присвоеніемъ прибавочнаго продукта и совсѣмъ не измѣняетъ способа производства ⁵⁾. Въ XII в. Поднѣпровье замѣтно бѣднѣетъ. Въ 1159 г. черниговскій князь Свято-

¹⁾ Въ VIII в. Русь владѣла устьемъ Днѣпра, а потомъ нижнее теченіе этой рѣки было надолго утрачено ею.

²⁾ Проф. М. Грушевскій, тамъ же, стр. 287. Ср. также Курсъ русской исторіи проф. В. Ключевскаго, ч. I, стр. 334 и слѣд.

³⁾ В. Ключевскій, тамъ же, стр. 336—337.

⁴⁾ «Тяжелыя условія, упадокъ торговли и земледѣлія подъ вліяніемъ тюркскихъ опустошеній вели къ уменьшенію свободнаго крестьянства, мелкаго свободнаго промысла и къ увеличенію числа безземельныхъ батраковъ несвободныхъ. Разоренныя крестьянскія хозяйства увеличивали собою имѣнія бояръ, а ихъ хозяева попадали въ безсрочную службу закушничества, съ тѣмъ, чтобы оттуда при первомъ случаѣ быть переведенными въ категорію холопей. Условія кредита были очень тяжелы; 15% считалось очень легкимъ «христіанскимъ» процентомъ, а неоплатный должникъ попадалъ въ закуны или въ неволю» (Грушевскій, тамъ же, стр. 121).

⁵⁾ «Ростовщическій капиталъ въ такой формѣ, когда онъ фактически присваиваетъ весь прибавочный продуктъ непосредственнаго производителя, не измѣняя способа

славъ Ольговичъ даетъ знаменательный отвѣтъ великому князю Изяславу Давидовичу: «Взялъ я городъ Черниговъ съ семью другими городами, да и то пустыми: живутъ въ нихъ псаря да цоловцы». Проф. Ключевскій истолковываетъ эти слова Святослава въ томъ смыслѣ, что «въ этихъ городахъ остались лишь княжескіе дворовые люди, да мирные половцы, перешедшіе на Русь»¹⁾. И это происходитъ въ то самое время, когда въ передовыхъ странахъ Западной Европы,—въ Италіи, во Франціи и во Фландріи,—города быстро росли и богатѣли²⁾.

Въ концѣ концовъ, кочевники, въ лицѣ татаръ, совѣмъ остановили самостоятельное развитіе юго-западной Руси и вызвали передвиженіе центра тяжести русской исторической жизни на сѣверо-востокъ, гдѣ географическая среда оказалась еще менѣе благоприятной для быстрого роста производительныхъ силъ населенія.

Чѣмъ быстрѣе растутъ производительныя силы даннаго общества, тѣмъ быстрѣе бьется пульсъ его экономической жизни, и тѣмъ болѣе обостряются противорѣчія, свойственныя господствующему въ немъ способу производства. А обостреніе этихъ противорѣчій обнаруживается, между прочимъ, въ обостреніи классовой борьбы, которая, принимая тотъ или другой видъ, всегда ведется во всякомъ обществѣ, раздѣленномъ на классы. Своимъ обостреніемъ борьба классовъ и придаетъ внутренней исторіи общества тотъ боевой характеръ, который приурочивается проф. Ключевскимъ къ завоеванію; и она же сообщаетъ общественнымъ учрежденіямъ «рѣзкія очертанія». И не только общественнымъ учрежденіямъ. «Споръ есть отецъ всѣхъ вещей»,—говорилъ глубокой эфес-производства... Когда, слѣдовательно, капиталъ не подчиняетъ себѣ трудъ непосредственно и потому не противопоставляется ему въ видѣ промышленнаго капитала, такой ростовщическій капиталъ приводитъ этотъ способъ производства въ бѣдственное состояніе, ослабляетъ производительныя силы вмѣсто того, чтобы развивать ихъ, и увѣковѣчиваетъ вмѣстѣ съ тѣмъ такое плачевное состояніе, въ которомъ общественныя производительныя силы не развиваются на счетъ самого рабочаго, какъ въ капиталистическомъ производствѣ» (К. Марксъ. Капиталъ, т. III, стр. 490—491).

1) Курсъ рус. исторіи, ч. I стр. 348—349. «Съ половины XII в. стало замѣтно, съ конца еще замѣтнѣе обѣднѣніе Руси» («Боярская Дума древней Руси», стр. 96). Надо добавить, впрочемъ, что совсѣмъ не убѣдительно и даже странно ссылка проф. Ключевского на возрастающую легковѣсность *гривны кунъ*, какъ на одно изъ доказательствъ этого обѣднѣнія. На Западѣ денежные единицы тоже становились все легковѣснѣе. «In der Geschichte aller modernen Völker derselbe Geldname verblieb einem sich stets vermindern den Metallgehalt». К. Маркс. Zur Kritik der politischer Oekonomie. Berlin, 1859, I, 89.

2) Развитіе въ нихъ и въ окружающихъ ихъ мѣстностяхъ товарнаго производства вызывало,—какъ это мы съ особенной ясностью видимъ въ Италіи,—паденіе несвободнаго земледѣльческаго труда и замѣнь его трудомъ свободныхъ арендаторовъ. Стало быть, несвободный сельскохозяйственный трудъ исчезаетъ въ передовыхъ итальянскихъ республикахъ въ то самое время, когда онъ упрочивается и распространяется въ Киевской Русь.

скій мыслитель. Обострившаяся борьба классов углубляет ходъ идей и учащает ихъ взаимныя столкновения. Такимъ образомъ, если географическая среда оказалась неблагоприятной для экономического развитія Руси уже въ Приднѣпровьи, то мы можемъ ожидать, что въ теченіе кievскаго періода ея исторіи замѣтна будетъ нѣкоторая неопредѣленность ея общественныхъ отношеній и нѣкоторая вялость ея общественной мысли.

Разсмотримъ общественныя отношенія.

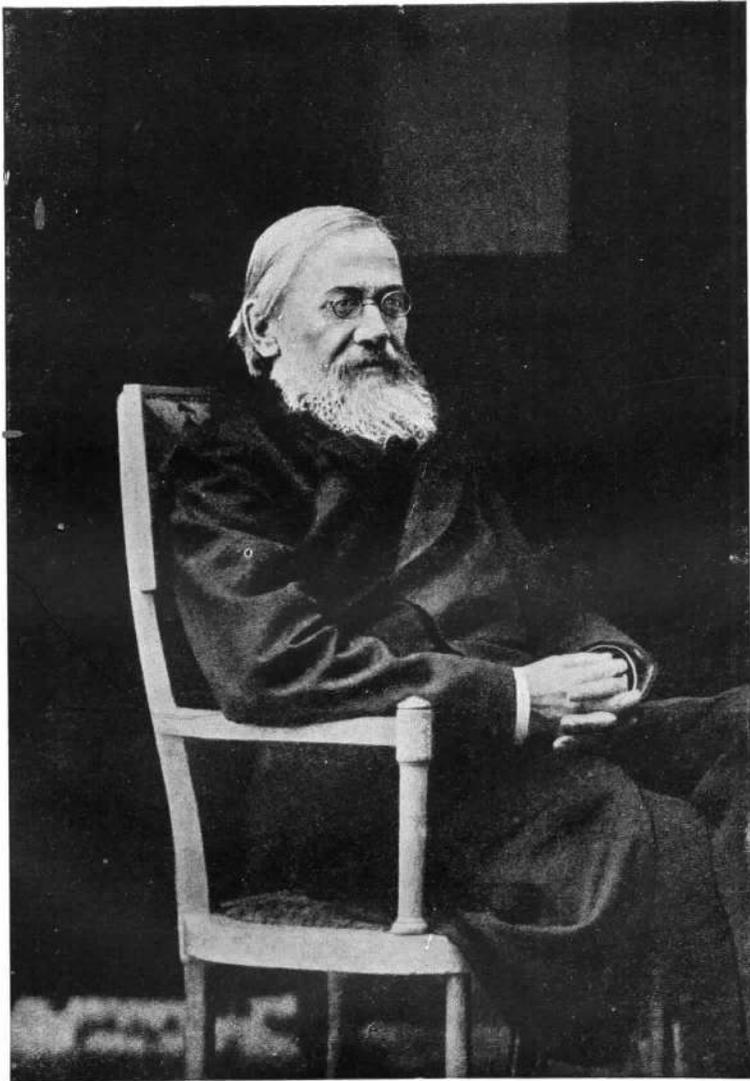
Историкъ такъ описываетъ роль вѣча въ главномъ княжествѣ того времени.

«Несомнѣнно, что въ силу исключительныхъ, тревожныхъ условий, въ какихъ находилась кievская земля, вѣчевая дѣятельность здѣсь отличалась и наибольшею энергіею». Однако, «и здѣсь вѣче не приобрѣло никакихъ опредѣленныхъ формъ, ни постоянныхъ и опредѣленныхъ функций, а осталось явленіемъ экстраординарнымъ. ... Не существовало ни опредѣленныхъ сроковъ, ни мѣста собраній, ни опредѣленной инициативы созванія вѣча, ни какихъ-либо формъ представительства» ¹⁾. Такъ и всегда бываетъ тамъ, гдѣ при неразвитости общественныхъ отношеній еще не чувствуется потребность въ опредѣленной юридической нормѣ. Богатыя городскія общины Западной Европы хорошо знали цѣну юридической нормы. Но тамъ они узнали ее въ борьбѣ съ феодалами, которой не вели города Кievской Руси ²⁾. Такой же неопредѣленностью отличались и отношенія князя къ своей дружинѣ. «Боярскій совѣтъ, какъ и вѣче, не выработалъ для себя ни опредѣленныхъ формъ, ни специальной компетенціи,—продолжаетъ проф. Грушевскій.—Князь совѣтовался съ тѣми боярами, которые были подъ рукою, или которыхъ онъ желалъ видѣть на совѣщаніи; составъ совѣта въ виду этого могъ быть болѣе или менѣе многочисленнымъ» ³⁾. Взаимныя отношенія между государемъ и его совѣтниками становятся болѣе опредѣленными лишь тогда и лишь тамъ, когда и гдѣ дружинникъ («антрустіонъ») превращается въ держателя земли. Стремленіе расширить свое право на землю,—главнымъ образомъ, сдѣлать его наследственнымъ,—побуждаетъ держателя предъявлять государю извѣстныя требованія, находяція свое выраженіе въ извѣстныхъ юридическихъ нормахъ. Но процессъ превращенія дру-

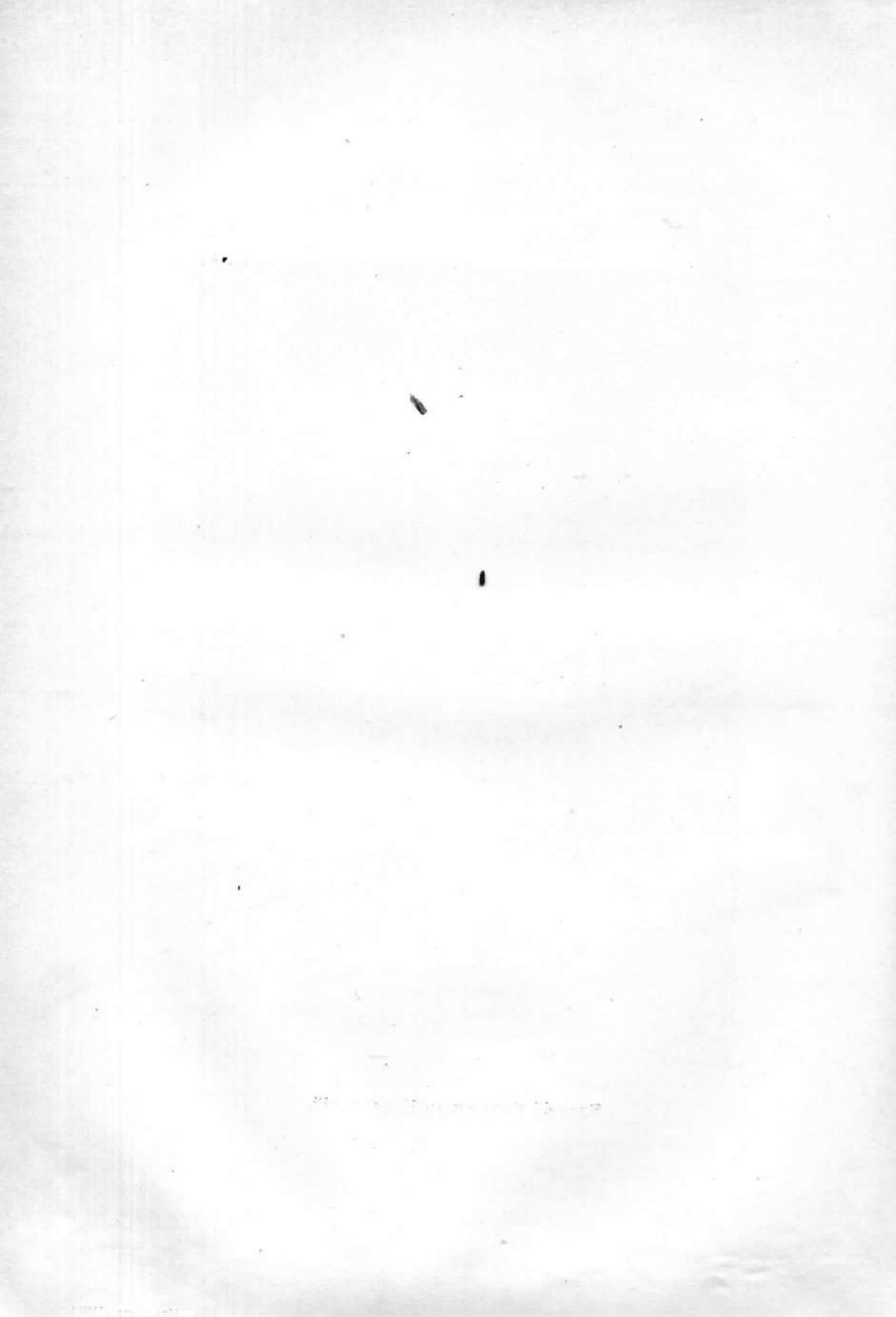
¹⁾ Проф. Грушевскій. Очерки исторіи украинскаго народа, стр. 111—112.

²⁾ Конституціи итальянскихъ городовъ отличаются очень большою опредѣленностью и даже излишней сложностью, которая свидѣтельствуетъ, впрочемъ, о непрерывномъ стремленіи найти точныя нормы для быстро развивающихся и рѣзко обозначающихся общественныхъ отношеній.

³⁾ Тамъ же, стр. 114, ср. Ключевскаго, «Боярская Дума», стр. 53.

Василій Осиповичъ Ключевскій.

жинника въ держателя земли совершается съ большей или меньшей быстротой и приводитъ къ тѣмъ или другимъ политическимъ результатамъ, смотря по тому, какъ подвигается впередъ э к о н о м и ч е с к о е развитіе данной страны. Онъ замедляется тамъ, гдѣ замедляется это послѣднее. Такъ, напр., въ Польшѣ уже въ XI в., послѣ Болеслава Храбраго (992—1025), дружина исчезла, уступивъ свое мѣсто «воямъ»,—по-латыни «miles»,—получившимъ отъ князя землю на условіи службы, а также выполненія цѣлаго ряда повинностей (stróž'a, podwoły, przesieka и т. д.). Эти «вои» постепенно дѣлають свои земли наслѣдственными и увеличиваютъ свои права какъ относительно князя, такъ и относительно другихъ слоевъ населенія ¹⁾. Но въ Кіевской Руси процессъ превращенія дружинника въ «воя», который держалъ бы землю на извѣстныхъ условіяхъ, замедлился вслѣдствіе значительно меньшей скорости экономическаго развитія ²⁾. Дружина содержалась преимущественно на счетъ даней и прочихъ доходовъ князя. «Слѣдовъ помѣстной практики—вознагражденія за службу землями—мы въ эту эпоху еще не встрѣчаемъ ³⁾. Дружинники отнюдь не считаютъ себя холопами князя. Они крѣпко держатся за свое право свободнаго перехода. Но переходъ недовольныхъ дружинниковъ отъ одного князя къ другому служить лучшимъ доказательствомъ того, что они еще не имѣли прочнаго положенія въ странѣ. Тамъ, гдѣ у нихъ было такое положеніе, они, въ случаѣ недовольства княземъ, не уходили отъ него, а вступали въ борьбу съ нимъ ⁴⁾. Такъ было, вѣроятно, въ княжествѣ Волынскомъ, гдѣ боярство пользуется въ XIII в. большимъ вліяніемъ, и, навѣрно, въ Галицкой землѣ. Но въ Галицкой землѣ такъ было, именно, потому, что обстоятельства благоприятствовали ея экономическому развитію. «Внутреннія войны были здѣсь почти неизвѣстны... Это дало возможность развиться экономическому благосостоянію земли, и особенно повліяло на сформированіе богатаго, могущественнаго и тѣсно-сплоченнаго боярства. Во второй половинѣ XII в. боярство чувствуетъ себя настолько сильнымъ, что откровенно стремится къ тому, чтобы держать князя подъ своимъ вліяніемъ, и не оста-

1) Ср. «Очеркъ исторіи общественно-государственнаго строя Польши» д-ра Ст. Кутшебы, переводъ съ польскаго Н. В. Ястребова, С.-Петербургъ 1907, стр. 9—11.

2) Болеславъ Храбрый былъ современникомъ Владиміра Святого. Если, какъ мы только что видѣли, въ Польшѣ дружина исчезаетъ послѣ Болеслава Храбраго, то на Руси послѣ смерти Владиміра еще долго процвѣтаетъ дружинный бытъ, такъ ярко выразившійся въ былинахъ.

3) Грушевскій. Очеркъ исторіи украинскаго народа, стр. 117—118.

4) В. О. Ключевскій, указавъ на то, что очередной порядокъ княжескаго владѣнія «сприичалъ дружину къ подвижности», замѣчаетъ: «благодаря этой подвижности, старшіе

навливаются передъ дворцовыми революціями и иными рѣзкими дѣйствіями для достиженія своихъ плановъ ¹⁾).

Въ началѣ XIII вѣка борьба между галицкими боярами и князьями Игоревичами, которыхъ призвали въ Галицію тѣ же бояре, до того обострилась, что князья составили противъ боярѣ настоящій заговоръ и перебили изъ нихъ цѣлыхъ 500 человекъ, а бояре, въ свою очередь, побѣдивъ князей съ помощью венгровъ, повѣсили Романа, Святослава и Ростислава «мести ради»,—какъ говорить лѣтописецъ ²⁾). Отсюда видно, между прочимъ, что указаніе проф. М. Грушевскаго на отсутствіе внутреннихъ войнъ въ Галицкой землѣ можетъ быть принято лишь съ извѣстной оговоркой: внутреннія войны были и тамъ, какъ видимъ, хорошо извѣстны. Но это не были войны, вызывавшіяся взаимнымъ соперничествомъ князей изъ-за той или другой части территоріи,—хотя случались и такія: это были войны, порожденные взаимнымъ столкновеніемъ различныхъ политическихъ силъ, выросших на относительно благоприятной экономической почвѣ. Между тѣмъ какъ войны перваго рода ведутъ только къ обѣднѣнію страны и даже къ ея одичанію, вторыя—способствуютъ ея общественно-политическому развитію. Если въ теченіе кievскаго періода своей исторіи Русь хотя и отставала отъ Западной Европы, вслѣдствіе неблагоприятныхъ географическихъ условій своего развитія, все-таки,— по складу своихъ внутреннихъ отношеній,— была гораздо ближе къ ней, нежели въ московскую эпоху, то Га-

---

дружинники... занимавшіе высшія правительственныя должности, не могли занимать ихъ долгое время въ однихъ и тѣхъ же волостяхъ, и черезъ это пріобрѣтать прочное мѣстное политическое значеніе въ извѣстной области, тѣмъ менѣе могли превращать свои должности въ наследственныя, какъ это было на феодальномъ Западѣ и въ сосѣдней Польшѣ». (Курскъ, ч. I, стр. 239). Тутъ слѣдствіе ставится на мѣсто причины. При свободномъ переходѣ дружинниковъ ничто не мѣшало имъ оставаться въ данной волости при перемѣнѣ въ ней князя. Если бы они пріобрѣли тамъ прочное политическое значеніе, то новый князь не имѣлъ бы возможности устранить ихъ отъ занимаемыхъ ими должностей, особенно, если бы онѣ уже сдѣлались наследственными. Стало быть, весь вопросъ въ томъ, почему онѣ не сдѣлались таковыми. А на этотъ вопросъ отвѣчаетъ, не подозрѣвая этого, самъ проф. Ключевскій. «Но легко замѣтить,—говоритъ онъ,—что боярское землевладѣніе развивалось слабо, не составляло главнаго экономическаго интереса для служилыхъ людей. Дружинники предпочитали другіе источники дохода, продолжали принимать дѣятельное участіе въ торговыхъ оборотахъ и получали отъ своихъ князей денежное жалованье» (Тамъ же, та же стр.). Теперь все понятно. Если бы главнымъ источникомъ дохода дружинниковъ являлось независимое отъ князя землевладѣніе, то имъ не надо было бы переходить за княземъ съ мѣста на мѣсто. Но такъ какъ главный доходъ ихъ шелъ отъ князя, то они и «сприучались къ подвижности». Что же касается ихъ торговыхъ оборотовъ, то о нихъ рѣчь будетъ ниже.

1) Грушевскій, тамъ же, стр. 98—99.

2) Лѣтопись по Ипатскому списку, стр. 486.

лицкая земля показала себя особенно доступной западному влиянію. Въ XIV в. галицкіе князья употребляют печати западнаго образца, а ихъ грамоты пишутся по-латыни ¹⁾. Характерно, что, обращаясь къ магистрамъ нѣмецкаго ордена, послѣдній галицко-волинскій князь, Юрій, называетъ своихъ бояръ л ю б е з н ы м и и в ѣ р н ы м и б а р о н а м и своими ²⁾. Сходство общественныхъ отношеній облегчало усвоеніе свойственныхъ западу политическихъ представленій и выраженій.

Примѣръ Галиціи еще разъ подтверждаетъ ту, высказанную мною выше, мысль, что и независимо отъ завоеванія внутренняя исторія данной страны можетъ, при извѣстныхъ условіяхъ, получить весьма «боевой, драматическій характеръ».

Х.

Мы видѣли, что многовѣковый натискъ кочевниковъ замедлялъ ростъ тѣхъ производительныхъ силъ, которыми располагало осѣдлое населеніе Руси, и что замедленіе ихъ роста, въ свою очередь, задерживало процессъ возникновенія въ ней вліятельнаго класса держателей земли и опредѣленныхъ нормъ политической жизни. Теперь слѣдуетъ прибавить, что тотъ же натискъ, экономическія послѣдствія котораго ослабляли силу боярства, и тѣмъ способствовали относительному увеличенію княжеской власти, долженъ былъ содѣйствовать росту этой власти еще и съ другой стороны.

Энгельсъ какъ нельзя болѣе справедливо замѣтилъ, что въ основѣ политическаго господства всюду лежало отправление общественной службы, и что политическое господство лишь въ томъ случаѣ сохранялось надолго, когда оно выполняло важную для общественной жизни функцію ³⁾. Какую же общественную функцію выполнялъ князь со своей дружиной? Функцію защиты княжества отъ непріятельскихъ нападений. Князь былъ в о е н н ы м ъ с т о р о ж е м ъ земли, по выраженію проф. Ключевскаго. Это вовсе не значитъ, что онъ всегда заботливо и удачно выполнялъ эту свою функцію, и что онъ не приносилъ интересовъ страны въ жертву своимъ собственнымъ интересамъ. Далекое не всѣ князья обладали умомъ и энергіей Владиміра Мономаха и, къ тому же, всѣ они руко-

¹⁾ М. Грушевскій, стр. 131. Онъ же говоритъ о слѣдахъ западнаго влиянія въ галицкой архитектурѣ и литературѣ (стр. 130).

²⁾ Ключевскій. Боярская Дума, стр. 59.

³⁾ Анги-Дюрингъ, стр. 149 рус. перевода (въ изд. В. И. Яковенко).

водствовались правиломъ: своя рубашка ближе къ тѣлу ¹⁾). Но въ глазахъ населенія князь прежде всего былъ, именно, военнымъ сторожемъ земли, и чѣмъ нужнѣе былъ такой сторожъ, тѣмъ больше увеличивалось его значеніе, тѣмъ больше росла его власть. Мы уже знаемъ, какъ много сдѣлали кочевники для того, чтобы русская земля почувствовала большую нужду въ «военныхъ сторожахъ». Повидимому, уже печенѣги вынудили Русь защитить отъ нихъ свою границу длиннымъ рядомъ непрерывныхъ укрѣпленій ²⁾). Неудивительно, поэтому, что, какъ отмѣчаетъ проф. М. Грушевскій, — «княжеско-дружинный укладъ въ періодъ своего развитія вообще сильно придавилъ политическую, самоуправляющуюся силу земли, общины» ³⁾). Правда, въ Новгородѣ, Псковѣ и отчасти Полоцкѣ вѣче оттѣснило князя на второй планъ; но главное теченіе русской политической жизни шло въ прямо противоположномъ направленіи, и потому вольности болѣе свободныхъ городовъ пали со временемъ подъ ударами княжескаго деспотизма ⁴⁾).

«Борьба со степнымъ кочевникомъ, половчиномъ, злымъ татаринкомъ, длившаяся съ VIII почти до конца XVII в.», — говоритъ проф. Ключевскій, — «самое тяжелое историческое воспоминаніе русскаго народа, особенно глубоко врѣзавшееся въ его памяти и наиболѣе ярко выразившееся въ его былевой поэзій. Тысячелѣтнее и враждебное сосѣдство съ хищнымъ степнымъ азіатомъ — это такое обстоятельство, которое одно можетъ покрыть не одинъ европейскій недочетъ въ русской исторической жизни» ⁵⁾). Это справедливо, можетъ быть, болѣе, чѣмъ предполагалъ самъ проф. Ключевскій. Даже тѣ «европейскіе недочеты», которые, на первый взглядъ, не

¹⁾ Когда этого требовали ихъ интересы, князя сами приводили кочевниковъ въ русскую землю, нисколько не стѣняясь тѣмъ, что «поганые» убивали и разоряли христіанъ.

²⁾ См. проф. К л ю ч е в с к а г о, Курсъ русской исторіи, ч. I, стр. 193.

³⁾ Очеркъ исторіи украинскаго народа, стр. 110.

⁴⁾ А. С. Пушкинъ, вполне раздѣлявшій мысль о полномъ своеобразіи русскаго историческаго процесса, говоритъ въ своемъ разборѣ «Исторіи русскаго народа» Н. Полевого: «Освобожденія городовъ не существовало въ Россіи. Новгородъ на краю Россіи и сосѣдній ему Псковъ были истинныя республики, а не общины (communes) удаленныя отъ великаго княжества и обязанныя своимъ бытіемъ сперва хитрой покорности, а потомъ слабости враждующихъ князей». (Полное собр. сочиненій подъ редакціей П. О. Морозова, изд. второе, т. VI, стр. 47). Это чрезвычайно важная мысль. Свободолюбивое населеніе сѣверно-русскихъ республикъ не являлось элементомъ *внутренняго разбитія* въ той части страны, — Кіевъ, Москва, — которая въ данный періодъ опредѣляла своимъ вліяніемъ направленіе политической жизни Россіи. По отношенію къ этой части оно являлось, наоборотъ, внѣшней силой, столкновенія съ которой объединяли ея населеніе съ княземъ. Мы скоро увидимъ, что подобное же замѣчаніе приходится сдѣлать и по поводу другихъ представителей свободолюбивыхъ стремленій — казаковъ.

⁵⁾ Курсъ русской исторіи, ч. I (изд. 3-е), стр. 73.

имѣютъ прямого отношенія къ тысячелѣтнему сосѣдству съ кочевниками, при болѣе внимательномъ разсмотрѣннн оказываются слѣдствіями замедленнаго борьбой съ кочевниками экономического развитія Россіи. Это едва ли нуждается въ новыхъ доказательствахъ тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о кievскомъ историческомъ періодѣ. Посмотримъ теперь, подтверждается ли это фактами, относящимися къ позднѣйшему времени.

Признаки паденія Киевской Руси сильно замѣтны уже во второй половинѣ XII в. Татарское нашествіе наноситъ ей тяжелый ударъ, отъ котораго она долго не можетъ оправиться. Съ этихъ поръ центръ тяжести русской жизни переносится на сѣверо-востокъ, въ бассейнъ Оки и верхней Волги. Правда, въ теченіе нѣкотораго времени рядомъ съ этимъ центромъ существуетъ другой. Галицкіе князья именуютъ себя «самодержцами всея Руси» и пытаются взять въ свои руки гегемонію, потерянную Киевомъ. Мы видѣли, что Галицкая земля болѣе всѣхъ другихъ русскихъ земель подвергалась западному вліянію, и что ея боярство сложилось въ сильный и вліятельный классъ. Если бы галицкіе князья, въ самомъ дѣлѣ, стали «самодержцами всея Руси», т. е. значительной части русскихъ земель, то центръ тяжести русской жизни остался бы на юго-западѣ, и въ теченіе слѣдующаго періода русской исторіи мы присутствовали бы при развитіи государства, очень близкаго по своему строю къ сосѣднимъ западнымъ государствамъ, напр., къ Польшѣ и Венгріи. Галицкимъ «самодержцамъ всея Руси» пришлось бы уступать все болѣе и болѣе значительную часть своей власти галицкому боярству. Но обстоятельства сложились иначе. Галиція сама вошла въ составъ польскаго государства, и главный центръ русской жизни перенесся на далекій сѣверо-востокъ, гдѣ условія были очень неблагоприятны для упроченія и роста боярскаго вліянія.

Уже въ половинѣ XII в. довольно сильно сказывается антагонизмъ между юго-западной Русью и Русью сѣверо-восточной. Первое и, повидимому, самое естественное объясненіе этого антагонизма заключается въ томъ, что юго-западная Русь была населена малороссами, а сѣверо-восточная—великороссами. Но сѣверо-восточная Русь населилась выходцами изъ юго-западной ¹⁾. И если

¹⁾ «Надобно вслушаться въ названіе новыхъ суздальскихъ городовъ: Переяславль, Звенигородъ, Стародубъ, Вышгородъ, Галичь,—все это южно-русскія названія, которыя мелькаютъ чуть не на каждой страницѣ старой кievской лѣтописи въ разсказѣ о событіяхъ въ южной Руси; однихъ Звенигородовъ было нѣсколько въ земляхъ Киевской и Галицкой. Имена кievскихъ рѣчекъ Лыбеди и Почайны встрѣчаются въ Рязани, во Владимірѣ-на-Клязьмѣ, въ Нижнемъ-Новгородѣ. Извѣстна рѣчка Ирпень въ Киевской землѣ, притокъ Днѣпра... Ирпеню называется и притокъ Клязьмы во Владимірскомъ уѣздѣ.

южно-руссѣ кіевскаго періода были малороссами, то процессъ возникновенія великорусской вѣтви русскаго народа есть не болѣе, какъ процессъ измѣненія малорусскихъ выходцевъ изъ южной Руси подѣ влияніемъ новыхъ условій жизни на сѣверо-востокѣ великой Европейской равнины.

Есть другое объясненіе антагонизма между двумя частями Руси—гораздо болѣе глубокое. Его подсказываетъ намъ профессоръ Ключевскій: «Самая нелюбовь южанъ къ сѣверянамъ, такъ рѣзко проявившаяся уже въ XII в., первоначально имѣла, повидимому, не племенную или областную, а соціальную основу: она развилась изъ досады южно-русскихъ горожанъ и дружинниковъ на смердовъ и холоповъ, вырвавшихся изъ рукъ и уходившихъ на сѣверъ; тѣ платили, разумѣется, соотвѣтственными чувствами боярамъ и «лѣпшимъ» людямъ, какъ южнымъ, такъ и своимъ, залѣскимъ»¹⁾.

Соображеніе это очень важно. Антагонизмъ между южной и сѣверной Русью выразился также въ антагонизмѣ между Мстиславомъ Храбрымъ и Андреемъ Боголюбскимъ. Извѣстно, что въ отвѣтъ на одно грозное требованіе Андрея Мстиславъ прогналъ съ безчестьемъ его посла, приказавъ остричь ему бороду и голову²⁾. Но онъ поступилъ такъ не по племенной враждѣ, а по весьма опредѣленной политической причинѣ: «Мы до сихъ поръ признавали тебя отцомъ своимъ по любви,—велѣлъ онъ передать Андрею,—но если ты посылаешь къ намъ съ такими рѣчами не какъ къ князьямъ, а какъ къ подручникамъ и простымъ людямъ, то дѣлай, что задумалъ, а насъ Богъ разсудитъ». Андрей, дѣйствительно, вздумалъ третировать южныхъ князей, какъ своихъ подручниковъ. Но онъ третировалъ такъ не однихъ южно-

---

Имя самого Кіева не было забыто въ Суздальской землѣ: село Кіево на Кіевскомъ оврагѣ знаютъ старинные акты XVI столѣтія въ Московскомъ уѣздѣ; Кіевка—притокъ Оки въ Калужскомъ уѣздѣ, село Кіевцы—близъ Алексина въ Тульской губ.». В. К л ю ч е в с к і й, Курьезъ русской ист., ч. I, стр. 357—358. По совершенно справедливому замѣчанію Ключевскаго, это перенесеніе южно-русской географической номенклатуры на отдаленный суздальскій сѣверъ было дѣломъ переселенцевъ, приходившихъ сюда съ кіевскаго юга. Тотъ же ученый съ неменьшимъ основаніемъ говоритъ, что по городамъ Соединенныхъ Штатовъ Сѣв. Америки можно ретировать географію доброй доли Стараго Свѣта. Къ этому надо прибавить, однако, что въ Соед. Штатахъ чаще всего встрѣчаются названья *англійскихъ* городовъ, такъ какъ въ теченіе долгаго времени туда переселялись, главнымъ образомъ, англичане, и процессъ возникновенія народа, называемаго иногда «янки», былъ лишь процессомъ возникновенія нѣкоторыхъ особенностей въ той части англійскаго племени, которая переселилась въ Сѣв. Америку.

¹⁾ Тамъ же, стр. 407—408.

²⁾ Замѣчу мимоходомъ: это показываетъ, что великорусскій обычай ношенія бороды, вполнѣтвѣтствіи совершенно чуждый малороссамъ, господствовалъ тогда и въ южной Руси, такъ что великоруссы остались хранителями стараго южно-русскаго обычая.

русских князей. Не лучше обращался онъ въ Ростовской землѣ со своими братьями и племянниками. Кромѣ того, онъ очень тѣснилъ «переднихъ мужей» своего отца, т. е. вліятельныхъ бояръ. Лѣтописецъ находить у него намѣреніе сдѣлаться «самобластцемъ» всей Суздальской земли. Это—опять чисто политическое намѣреніе. Поэтому не вполне точно выражается проф. Ключевскій говоря: «Въ лицѣ князя Андрея великороссъ впервые выступилъ на историческую сцену» ¹⁾. Дѣло тутъ не въ томъ, что Андрей былъ великороссомъ, а въ томъ, что новыя условія, въ которыя поставлена была княжеская власть на сѣверо-востокѣ, дали ей возможность обнаружить нѣкоторыя свои стремленія съ такой силой, какой мы еще не видимъ у князей на югѣ.

Мы уже знаемъ, что борьба съ кочевниками, увеличивая власть князя, какъ военнаго сторожа русской земли, вмѣстѣ съ тѣмъ замедляла экономическое развитіе Руси, чѣмъ мѣшала возникновенію въ ней,—за исключеніемъ Волыни и Галиціи,—вліятельнаго боярства, способнаго выставить опредѣленные политическія требованія и, въ случаѣ надобности, поддержать ихъ силой. Тѣ условія, въ которыхъ очутилось русское населеніе, пересбравшееся съ юго-запада на сѣверо-востокъ, еще болѣе усиливали эти «европейскіе недочеты въ русской исторической жизни», и тѣмъ содѣйствовали постепенному сближенію русскаго общественнаго быта и строя съ бытомъ и строемъ великихъ восточныхъ деспотій.

XI.

Какія же это условія? Начнемъ съ экономики сѣверо-восточной Руси.

По мнѣнію проф. Ключевского, принятому значительнымъ числомъ современныхъ изслѣдователей, внѣшняя торговля была главной пружиной народнаго хозяйства въ Кіевской Руси, между тѣмъ какъ сѣверо-восточная Русь занялась преимущественно земледѣліемъ ²⁾. Но чѣмъ же торговала Кіевская Русь?

Она торговала сырьемъ. Какъ добывалось это сырье, и какова была его природа? «Это была дань натурой собранная княземъ и его дружиной во время зимняго объѣзда, произведенія мѣсныхъ промысловъ: мѣха, медь, воскъ. Къ этимъ товарамъ присоединялась челядь, добыча завоевательной дружины» ³⁾. Это до-

¹⁾ Ключевскій. Курсъ, ч. I, стр. 403.

²⁾ Ключевскій. Курсъ, ч. I, стр. 382—383.

³⁾ Ключевскій. Курсъ, ч. I, стр. 184.

статочно характерно. Необходимость торговли опредѣлилась общественной функцией князя при данныхъ экономическихъ условіяхъ: «зимомъ онъ правилъ, ходилъ по людямъ, побирался, а лѣтомъ торговалъ тѣмъ, что собиралъ въ продолженіе зимы» ¹⁾. Значить ли это, что торговля была главной пружиной хозяйственной дѣятельности русскаго населенія? Нѣтъ. Это значить лишь то, что торговля доставляла средства существованія для князя и его дружины. Да и эти средства она доставляла путемъ обращенія въ товаръ продуктовъ лѣсныхъ промысловъ и охоты. Потому-то В. А. Келтуяла и называетъ русское государство того времени «охотничье-торговымъ». Но для того, чтобы мы имѣли право называть его такъ, нужно было бы, во-первыхъ, чтобы охота и лѣсные промыслы составляли преобладающую отрасль народнаго хозяйства; во-вторыхъ, чтобы большая часть продуктовъ, доставляемыхъ охотой и лѣсными промыслами, обращалась въ товары. Но ни того, ни другого условія не было тогда налицо.

Что касается перваго условія, то мы уже видѣли, какъ сильно ошибся В. А. Келтуяла,—вѣрнѣе будетъ, пожалуй, сказать: какъ сильно ошиблись тѣ авторы, взгляды которыхъ, преувеличивъ его, усвоилъ онъ себѣ,—объявивъ охоту главной отраслью народно-хозяйственной дѣятельности въ Кіевской Руси. А на счетъ втораго условія замѣтимъ, что едва ли возможно такое общество, которое тратило бы большую часть ежегоднаго продукта своего труда на свое управленіе и самозащиту. Конечно, ходя «по людямъ», князья старались отобрать у нихъ все, что только можно было отобрать. Церемонностью въ этомъ отношеніи они не отличались, какъ показываетъ примѣръ Игоря, котораго древляне не безъ основанія сравнивали съ волкомъ. Но какъ ни жадны были эти военные сторожа русской земли, на ихъ долю шла только часть того ежегоднаго продукта, который народъ создавалъ своимъ трудомъ. И, какъ сказано, не наибольшая часть. Это видно изъ того, что князьямъ доставались, преимущественно, продукты лѣсныхъ промысловъ и охоты, между тѣмъ какъ главнымъ народнымъ занятіемъ было,—это доказано выше,—земледѣліе ²⁾. Вспомнимъ еще разъ ссору Ольги съ древлянами. Убѣждая жителей Коростеня покориться, она говоритъ имъ: «Все ваши города передашася мнѣ... и дѣлаютъ нива своя и землю свою». Она обращалась, какъ уже отмѣчено выше, къ земледѣльцамъ. Но когда эти земледѣльцы рѣшились покориться, они сказали ей: «Что хочещи у

¹⁾ Ключевскій. Курсъ, ч. I, стр. 185.

²⁾ Лѣтопись по Ипатскому списку, стр. 37.

насъ? Ради даемъ и медомъ и скорою» ¹⁾. Это значить, что, занимаясь главнымъ образомъ земледѣліемъ, русскія племена того времени уплачивали дань продуктами своихъ своеобразныхъ промысловъ. Вотъ эти-то продукты и вывозились князьями на продажу ²⁾. Ихъ превращеніе въ товары точно такъ же не дѣлало торговли главной пружиной русскаго народнаго хозяйства, какъ затрата на ихъ добываніе извѣстной части народнаго труда не дѣлала охоты другой главной пружиной этого хозяйства. Можно спросить, разумѣется: почему же князья брали дань «скорою», а не хлѣбомъ? Отвѣтъ заключается въ томъ самомъ обстоятельствѣ, что князьямъ нужно было продавать собираемую ими дань или обмѣнивать ее на другіе товары. Продать можно было только то, что спрашивалось на рынкѣ. Въ «Грѣкахъ» легко можно было продать мѣха и другіе подобные продукты охоты и лѣсныхъ промысловъ, служившіе предметами роскоши; но въ привозномъ хлѣбѣ врядъ ли нуждались «Грѣкы»: жители Балканскаго полуострова сами занимались тогда, какъ занимаются до сихъ поръ, главнымъ образомъ, земледѣліемъ ³⁾. Вообще, наши изслѣдователи какъ-будто забыли, что только капитализмъ сдѣлалъ предметами всемірной торговли продукты, служащіе для массоваго потребленія, тогда какъ до него въ торговлѣ обращались преимущественно предметы роскоши ⁴⁾. И когда Ключевскій говоритъ, что большинство нашихъ древнихъ крупныхъ городовъ (Ладога, Новгородъ, Смоленскъ, Любечъ, Кіевъ) вытянулось цѣпью по линіи, «образовавшей операціонный базисъ русской промышленности» ⁵⁾,—т. е. по пути «Изъ Варягъ въ Грѣкы»,—то онъ

¹⁾ Къ тому же, при господствѣ натурального хозяйства крайне трудно, а вѣрнѣе сказать, совсѣмъ невозможно обобратъ производителя такъ «чисто», какъ удается сдѣлать это на высшихъ ступеняхъ экономическаго развитія. Въ Кіевской Русси экономически немислимы были бы финансовыя чудеса нашихъ дней. Всякому овощу свое время. Въ обществѣ, раздѣленномъ на классы, «законъ экономическаго развитія» заключается въ томъ, что все болѣе и болѣе возрастаетъ та доля которую берутъ у народа его «сторожа» и эксплуататоры.

²⁾ «Дань, шедшая кіевскому князю съ дружиной, питала внѣшнюю торговлю Русси». Ключевскій. Курсы, ч. I, стр. 186.

³⁾ Завоеваніе арабами Египта и Сиріи, откуда доставлялся хлѣбъ на константинопольскій рынокъ, даже содѣйствовало развитію земледѣлія на Балканскомъ полуостровѣ (см. P i e r r e G r e n i e r, L'empire Byzantin, son évolution sociale et politique, t. I стр. 160). Вѣрнѣе, пожалуй, предположить, что завоеваніе арабами Египта и Сиріи усилило не земледѣліе на Балканскомъ полуостровѣ, а только вывозъ его продуктовъ на рынокъ, прежде удовлетворявшійся сирійскими и египетскими продуктами.

⁴⁾ Впрочемъ, понятія нашихъ изслѣдователей о капитализмѣ довольно своеобразны. В. О. Ключевскій отождествлялъ капиталъ со «средствами для работы» (см. «Боярская Дума древней Русси», стр. 10).

⁵⁾ «Боярская Дума», стр. 22.

смысливаетъ понятіе промышленности съ понятіемъ торговли, для чего вовсе нѣтъ, однако, достаточнаго основанія. По указанной линіи направлялись только предметы, которые были обрабатываемы въ товары и на добываніе которыхъ затрачивалась совсѣмъ не большая, а лишь меньшая часть народнаго труда. Направлялось сырье, доставляемое охотой и лѣсными промыслами. И если мы сравнимъ направляющуюся по этой линіи торговлю указанными предметами съ тою торговлей, которую вели торговые города тогдашняго Запада, то немедленно и ясно увидимъ, въ чемъ заключался «европейскій недочетъ въ русской исторической жизни»: «промышленность» крупныхъ городовъ Западной Европы отнюдь не ограничивалась торговлей тѣми продуктами, которые доставлялись охотой и лѣсными промыслами; она была промышленностью въ настоящемъ смыслѣ этого слова, т. е. ремесленной, а потомъ мануфактурной промышленностью. Наличность такой промышленности вводила новый и чрезвычайно важный элементъ въ общественную жизнь Запада ¹⁾.

Тутъ естественно возникаетъ вопросъ: какимъ же образомъ та,—сильно смахивающая на разбойничью,—торговля «скорою», которую вели наши князья и ихъ «подвижные» дружинники, могла вызвать къ жизни крупные городскіе центры? Этотъ вопросъ навсегда остался бы неразрѣшимымъ, если бы въ сочиненіяхъ нашихъ историковъ не находилось данныхъ, совершенно достаточныхъ для его рѣшенія въ смыслѣ, прямо противоположномъ мнѣнію тѣхъ же самыхъ историковъ. Возьмемъ опять покойнаго Ключевского, какъ наиболѣе талантливаго между ними. Отъ него мы слышимъ, что рѣкою Волховомъ Новгородъ дѣлился на двѣ стороны: правая называлась Торговой, а лѣвая—Софійской. Торговая сторона состояла изъ двухъ концовъ: Плотницкаго и Славенскаго; Софійская—дѣлилась на три конца: Неревскій, Загородскій и Гончарскій. Это, конечно, не ново, но вотъ что важно. «Названія концовъ Гончарскаго и Плотницкаго называютъ, по мнѣнію В. Ключевского, на ремесленный характеръ древнихъ слободъ, изъ которыхъ образовались концы Новгорода. Недаромъ кіевляне въ XI в. бранили новгородцевъ презри-

---

¹⁾ Вернеръ Зомбартъ опредѣляетъ разбойничью торговлю (Raubhandel), какъ торговлю, при которой продавцы не производятъ сами своихъ продуктовъ и не покупаютъ ихъ, а берутъ ихъ силою (Der Moderne Kapitalismus, erster Band, S. 163). Пельза не признаетъ, что торговля, которую вели русскіе князья и ихъ дружинники кіевского періода, имѣла очень много общаго съ такой разбойничьей торговлей. О промышленности итальянскихъ средневѣковыхъ городовъ даетъ понятіе интересная работа Ромолло д'Айано, «Der Venetianische Seidenindustrie und ihre Organisation bis zum Ausgang des Mittelalters», Stuttgart 1893.

тельной кличкой плотниковъ»¹⁾. Полезно прибавить, что Гончарскій конецъ назывался также Людинымъ: это позволяетъ предположить, что названія другихъ концовъ: «Неревскій», «Славенскій» и «Загородскій» отнюдь не исключали ремесленного характера ихъ населенія. Такъ, напримѣръ, Славенскій конецъ получилъ свое названіе отъ вошедшей въ составъ Новгорода древней слободы Славна. Возможно, что жители этой слободы тоже занимались тѣмъ или другимъ ремесломъ, хотя, вѣроятно, и не въ такой степени, какъ жители поселка Людина, который стали предпочтительно называть Гончарскимъ концомъ, и того поселка, который стали предпочтительно называть Плотницкимъ. Какъ бы тамъ ни было, мы съ удивленіемъ видимъ, что въ «охотничье-торговомъ» быту, сложившемся на восточно-европейской равнинѣ въ теченіе кievскаго періода, была болѣе или менѣе распространена ремесленная дѣятельность. А разъ тамъ была распространена такая дѣятельность, то ясно, что и торговали тамъ не только «медомъ и скорой», т. е. не только продуктами охоты и лѣсныхъ промысловъ, а также продуктами ремесленного труда. Наличностью такого труда уже въ значительной степени объясняется наличность крупныхъ городскихъ центровъ. Далѣе. Чѣмъ больше развивался такой трудъ, тѣмъ больше росла та общественная сила, которая могла ограничить власть князя. И мы, въ самомъ дѣлѣ, видимъ, что эта власть была слабѣе всего, именно, въ «торговыхъ» городахъ кievскаго періода. Наконецъ, если эти города торговали не только «медомъ и скорой»; если въ нихъ создавались продукты ремесленного труда, то спрашивается: куда же они сбывались? Если бы они вывозились за границу, въ Византію или въ западныя страны, то это значило бы, что русскіе ремесленники опередили византійскихъ и западно-европейскихъ. Но въ томъ-то и дѣло, что за границу вывозились «медъ и скоря», т. е. уже знакомые намъ продукты охоты и лѣсныхъ промысловъ, между тѣмъ какъ оттуда ввозились въ русскую землю ремесленные и мануфактурные продукты²⁾. А это значить, что русскіе ремесленники уступали заграничнымъ. Въ этомъ заключался

¹⁾ Курсъ, ч. II, стр. 66.

²⁾ Такъ и понимали это люди того періода. Лѣтописецъ вкладываетъ въ уста Святослава слѣдующія разсужденія о преимуществахъ Переяславца на Дунаѣ: «Яко ту вся блага сходятся: отъ грѣкъ паволоки, золото, вино и овощи разноличныя (т. е., вѣроятно, южныя плоды. Г. П.), и изъ Чеховъ, и изъ Угорь серебро и комени, изъ Руси же скоря и воскъ, медъ и челядь» (Лѣтописъ по Ипатскому списку, стр. 44). Главными предметами русскаго вывоза были невольники, мѣха, воскъ и медъ,—не только въ Византію, но и вообще во всѣхъ направленіяхъ русскои торговли. «Мѣха, воскъ и медъ были самымъ цѣннымъ изъ того, что производили земли кievскаго государства». (М. Грушевскій. Кievская Русь, т. I, стр. 33). Вотъ это послѣднее обстоятельство и убѣдило нѣкоторыхъ изслѣдователей, что охота была главной отраслью русскои «про-

одинъ изъ важнѣйшихъ «европейскихъ недочетовъ» тогдашней русской жизни.

Но насъ интересуесть здѣсь другой вопросъ. Если издѣлія русскихъ ремесленниковъ не вывозились за границу, то ясно, что они сбывались на внутреннемъ рынкѣ. Господство натурального хозяйства не устраняло нужды русскаго земледѣльческаго населенія въ нѣкоторыхъ издѣліяхъ «ремесленныхъ слободъ». Такимъ образомъ открывался путь для развитія на Руси средняго сословія. Впрочемъ я уже отмѣтилъ выше то неблагоприятное для этого развитія обстоятельство, что торгово-ремесленные элементы соединялись въ крупные городскіе центры не въ предѣлахъ тѣхъ русскихъ земель, которымъ принадлежала гегемонія въ процессѣ русскаго политическаго развитія, а за этими предѣлами. Благодаря этому, какъ ясно видѣль еще Пушкинъ, указанные торгово-ремесленные элементы не выступали на исторической аренѣ въ видѣ силы, которая непосредственно вліяла бы на общественно-политическій строй княжествъ-гегемоновъ. Не играя роли во внутренней исторіи этихъ княжествъ, они не ограничивали власти князя и его дружины. Напротивъ, они даже увеличивали ее, поскольку ихъ борьба съ княжествами-гегемонами увеличивала потребность этихъ послѣднихъ въ военной силѣ. Общественно-политическій строй княжествъ-гегемоновъ складывался, такимъ образомъ, подъ вліяніями менѣе благоприятными, чѣмъ это было на Западѣ, для «третьяго сословія». Усиленіе Москвы привело, наконецъ, къ тому, что великіе князья совершенно подчинили себѣ наши сѣверо-западные торговые города и положили предѣль ихъ торгово-промышленному развитію. Это не устранило, конечно, нужды земледѣльческаго населенія въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ ремесленнаго труда. Но, какъ увидимъ ниже, значительная часть производителей, удовлетворявшихъ этой потребности, должна была жить и дѣйствовать въ совершенно иной соціально-политической обстановкѣ.

ХП.

А какъ складывалась эта новая обстановка? Съ ея экономической стороны наши изслѣдователи чаще всего характеризуютъ

мышленности» кievскаго періода. Однако, повторяю, оно показываетъ только то, что при тогдашнемъ господствѣ натурального хозяйства продукты главной отрасли народнаго труда, земледѣлія, еще не входили или мало входили въ торговый оборотъ, главными же предметами котораго являлись продукты подсобныхъ промысловъ: охоты, пчеловодства и т. п.

ее упадкомъ торговли, которая прежде составляла будто бы главную пружину русской хозяйственной жизни. «Въ верхне-вожской Руси, слишкомъ удаленной отъ приморскихъ рынковъ, внѣшняя торговля не могла стать главной движущей силой народнаго хозяйства,—говоритъ Ключевскій.—Вотъ почему здѣсь видимъ въ XV—XVI вв. сравнительно незначительное количество городовъ, да и въ тѣхъ значительная часть населенія занималась хлѣбопашествомъ» ¹⁾. Это утвержденіе талантливаго историка опять требуетъ критическаго анализа. Въ другомъ мѣстѣ онъ такъ опредѣляетъ разницу княжескаго хозяйства въ днѣпровской Руси, съ одной стороны, и въ верхне-вожской—съ другой. «Тамъ главными средствами княжеской казны были правительственные доходы князя, дани, судебныя и другія пошлыны. Въ лѣтописяхъ XII и XIII вв. находимъ указанія на дворцовыя княжескія земли... Но при тогдашней подвижности князей эти недвижимыя дворцовыя имущества не были значительны, не могли стать главнымъ основаніемъ княжескаго хозяйства. Свой дворъ, свою дружину князь содержалъ преимущественно тѣмъ, что онъ получалъ какъ правитель и военный сторожъ земли, а не какъ личный собственникъ—хозяинъ. Дворецъ еще не былъ такимъ могущественнымъ центромъ управленія, какимъ онъ сталъ потомъ въ удѣльныхъ княжествахъ на верхне-вожскомъ сѣверѣ, гдѣ дворцово-хозяйственная администрація слилась съ центральнымъ управленіемъ, поглотила его» ²⁾.

Тутъ заслуживаетъ вниманія слѣдующее. Если свой дворъ, свою дружину князь содержалъ не доходами съ недвижимыхъ дворцовыхъ имуществъ, а тѣмъ, что получалъ, какъ правитель и военный сторожъ земли, и если, въ качествѣ такого правителя, онъ бралъ у населенія, какъ мы знаемъ, главнымъ образомъ, продукты охоты и лѣсныхъ промысловъ, то выходитъ, что этими продуктами и покрывались, въ своей главной части, расходы, вызываемые такой важной общественно-политической функціей, какъ управленіе и защита страны отъ внѣшнихъ нападений. Съ перенесеніемъ же центра тяжести русской политической жизни на верхнюю Волгу, расходы по выполненію этой функціи стали покрываться земледѣліемъ. Прогрессъ это, или регрессъ? Вообще говоря, это—несомнѣннѣйшій шагъ впередъ. Земледѣльческій трудъ много производительнѣе охотничьяго. А чѣмъ производительнѣе та отрасль народнаго труда, продуктами которой покрывается извѣстная общественная функція, тѣмъ, конечно, выгоднѣе

¹⁾ Курскъ, ч. I, стр. 382—383.

²⁾ «Воярская Дума», стр. 59.

это, при прочих равных условіяхъ, для народа. Надо замѣтить, однако, что, при переселеніи на сѣверо-востокъ, далеко не всѣ прочія условія остались равными.

Начнемъ съ почвы. На сѣверо-востокѣ она была далеко не такъ плодородна, какъ на юго-западѣ. Проф. Ключевскій очень хорошо говоритъ, что переселившіеся на сѣверо-востокъ южно-русссы въ теченіе цѣлыхъ поколѣній должны были «подсѣкать и жечь лѣсъ, работать сохою и возить навозъ, чтобы создать на верхне-волжскомъ суглинкѣ пригодную почву для прочнаго осѣдлаго земледѣлія»¹⁾. Стало быть, новыя географическія условія сдѣлали земледѣльческій трудъ,—ставшій теперь главною основой княжескаго хозяйства,—менѣе производительнымъ, нежели онъ былъ прежде. А этотъ менѣе производительный земледѣльческій трудъ долженъ былъ покрывать, между прочимъ, и расходы по выполненію той общественной функціи, которая прежде покрывалась побочными, второстепенными отраслями народнаго труда. Другими словами: бѣлая, чѣмъ прежде, часть прибавочнаго труда земледѣльца должна была отбираться отъ него для покрытія государственныхъ расходовъ²⁾. Или еще иначе: новыя географическія условія вынудили государство предъявлять земледѣльцу требованія болѣе тяжелыя, нежели тѣ, которыя оно предъявляло ему въ южной Руси. А чтобы обезпечить себѣ исполненіе этихъ требованій, ему нужно было увеличить размѣры своей непосредственной власти надъ сельскимъ населеніемъ. Исторія этого населенія въ бассейнѣ Волги есть процессъ постепеннаго закрѣпощенія его государствомъ.

Правда, процессъ этотъ на первыхъ порахъ почти не замѣтенъ³⁾. Въ Суздальской Руси первоначально положеніе крестьянина было, вообще говоря, лучше, нежели въ кievской. «По актамъ XV вѣка»,—говоритъ проф. Ключевскій,—видно, что здѣсь крестьянинъ-должникъ не только не превращался въ холопа за уходъ съ земли частнаго владѣльца безъ расплаты, но и послѣ

1) Боярская Дума, стр. 98.

2) Не слѣдуетъ думать, что князья и княжескія дружины кievскаго періода питались «скорой и медомъ». Они тоже ѣли хлѣбъ и, вѣроятно, въ немаломъ количествѣ, если судить по ихъ аппетиту, воспѣтому былинами. Этотъ хлѣбъ доставлялся, конечно, земледѣльцами того періода.

3) Хотя въ этомъ направленіи принимаютъ нѣкоторыя, весьма недвусмысленныя, мѣры уже князья удѣльной эпохи. «Въ ихъ договорныхъ грамотахъ, постоянно встречаемъ условіе не презывать и не принимать другъ отъ друга людей, которые потягли къ соцкому, тяглыхъ или письменныхъ. Точно такъ же князья стали препятствовать и уходу своихъ тяглыхъ людей въ боярскія и монастырскія вотчины». Проф. М. Любавскій. Начало закрѣпощенія крестьянъ: (въ юбилейномъ изданіи «Великая Реформа», т. I, стр. 9).

ухода уплачивалъ свой долгъ съ разсрочкой и безъ процентовъ. Нужда въ рабочихъ рукахъ, вмѣстѣ съ невозможностью удержать ихъ насильственными средствами при общемъ броженіи, несомнѣнно, всего болѣе содѣйствовала такой льготной переменѣ въ юридическомъ положеніи крестьянъ» ¹⁾. Оно и неудивительно. Мы уже видѣли, что антагонизмъ между сѣверо-восточною и юго-западною Русью, обнаружившійся еще задолго до татарскаго нашествія, вызывался, преимущественно, экономической причиною: южно-русскіе бояре и всѣ общественные слои, находившіеся подъ ихъ вліяніемъ, недоброжелательно смотрѣли на представителей тѣхъ мѣстностей, въ которыя уходили отъ нихъ рабочія силы, между тѣмъ какъ эти послѣднія уносили съ собою не весьма отрадныя воспоминанія о своемъ старомъ мѣстожителствѣ. Почему же уходили онѣ на сѣверо-востокъ? Потому что смерды искали безопасности «отъ поганыхъ». Но также, а, можетъ быть, и главнымъ образомъ, еще и по другой причинѣ. Смерды искали «на новыхъ мѣстахъ» избавленія отъ той кабальной зависимости по отношенію къ верхнему классу, въ которую они все болѣе и болѣе попадали у себя на родинѣ. На первыхъ порахъ они, какъ сказано, дѣйствительно, нашли такую независимость.

Прибавлю мимоходомъ, что первымъ политическимъ слѣдствіемъ экономическаго положенія, созданнаго на сѣверо-востокѣ тѣмъ классовымъ антагонизмомъ, который первоначально возникъ на плодородной почвѣ юго-западной Руси, должно было явиться усиленіе княжеской власти. Смерды, бѣжавшіе на верхнюю Волгу отъ боярскаго эксплуатаціи, конечно, не были расположены становиться на сторону суздальскихъ, владимірскихъ и московскихъ бояръ въ ихъ столкновеніяхъ съ сѣверо-восточными «самовластцами». Напротивъ. Они должны были поддерживать самовластцевъ, надѣясь найти у нихъ помощь въ своей собственной борьбѣ съ крупными землевладѣльцами. И самовластцы очень хорошо умѣли использовать эту надежду, всегда оставаясь готовыми безстыдно обмануть ее при первой практической надобности.

А практическая надобность представилась очень скоро. Земледѣльческій трудъ сдѣлался теперь главной основною «княжескаго хозяйства». Однако, это хозяйство, какъ и все хозяйство тогдашней Руси, было натуральнымъ. Князья частью сами хозяйничали на своихъ земляхъ, а частью раздавали ихъ своимъ служилымъ людямъ. Но дать землю служилому человѣку чаще всего значило дать ему извѣстное, болѣе или менѣе широкое, право распоряжаться трудомъ сидѣвшихъ на ней земледѣльцевъ: вѣдь

---

¹⁾ Боярская Дума, стр. 307.

служилый человекъ не самъ обрабатывалъ тѣ земельные участки, доходы съ которыхъ, обезпечивая его существованіе, давали ему возможность служить своему «государю»¹⁾. Определеніе размѣровъ этого права на трудъ земледѣльца, сидѣвшаго на землѣ, пожалованной служилому человеку, имѣло огромное практическое значеніе для обѣихъ заинтересованныхъ сторонъ. Служилый человекъ стремился раздвинуть эти предѣлы какъ можно шире, а земледѣлецъ, наоборотъ, пытался сузить ихъ до послѣдней степени возможности. Каждая сторона апеллировала къ князю. А для князя выгоднѣе всего было рѣшить спорный вопросъ такъ, чтобы, обезпечивъ себѣ всю полноту политической власти надъ служилымъ человекомъ, предоставить этому послѣднему всю широту, возможной экономической эксплуатаціи земледѣльца. Въ этомъ смыслѣ вопросъ мало-по-малу и былъ рѣшенъ внутренней исторіей сѣверо-восточной Руси. Крѣпостная зависимость крестьянъ отъ помѣщиковъ явилась, между прочимъ, юридическимъ выраженіемъ этого, найденнаго исторіей, рѣшенія.

Однако, не будемъ забѣгать впередъ. На первыхъ порахъ до крѣпостной зависимости было еще далеко. На первыхъ порахъ землевладѣльцамъ и служилымъ людямъ Суздальской Руси можно было только мечтать,—если хватало дальновидности,—о томъ счастливомъ времени, когда крестьянину такъ же будетъ некуда податься на верхней Волгѣ, какъ некуда было податься на Днѣпрѣ. Это счастливое время не такъ уже долго заставило себя ждать. Въ междурѣччѣ Оки и Волги, куда прежде всего направились выходцы изъ юго-западной Руси, населеніе все болѣе и болѣе сгущалось, такъ какъ ему было крайне затруднительно передвигаться дальше на востокъ и на сѣверъ. Это явленіе, сильно способствовавшее экономическому прогрессу мѣстности, не менѣе сильно упрочивало позицію землевладѣльцевъ и правительства по отношенію къ земледѣльцамъ. «Пока продолжалось насильственное скученіе населенія въ этомъ краю, тяглый людъ поневолѣ дѣлался болѣе усидчивымъ, облегчая устроительную работу мѣстныхъ правительствъ и землевладѣльцевъ»²⁾. Но уже съ половины XV вѣка землевладѣльцы стараются добиться законодательнаго регулированія крестьянскихъ переходовъ. Отвѣтомъ на ихъ домогательства явился знаменитый, вошедшій даже въ посло-

1) Были, правда, и такіе служилые люди, которые сами работали на своихъ участкахъ. Такихъ служилыхъ людей мы встрѣчаемъ также и въ Литовской Руси. Но они вездѣ стояли на самой низшей ступени служебной лѣстницы и впоследствии слились съ крестьянствомъ. Здѣсь рѣчь идетъ не о нихъ.

2) Проф. Ключевскій, тамъ же, стр. 308.

вицу, Юрьевъ день. Проф. Ключевскій замѣчаетъ, что извѣстіе Герберштейна о шестидневной крестьянской барщинѣ преувеличено, «но самимъ преувеличеніемъ тягости ихъ положенія оно свидѣтельствуетъ, какую самоувѣренность приобрѣлъ сѣвернорусскій землевладѣлецъ, и до какихъ значительныхъ размѣровъ достигла къ началу XVI вѣка его вотчинная власть надъ крестьянами, благодаря привилегіи. Это подтверждается и русскими свидѣтельствами того же времени» ¹⁾.

При всемъ томъ, Юрьевъ день только ограничилъ право крестьянскаго перехода, а не упразднилъ его. Да въ его упраздненіи и не было крайней надобности до тѣхъ поръ, пока продолжали существовать условія, препятствовавшія крестьянамъ покидать междурѣчье Оки и верхней Волги. Эти препятствія окончательно исчезли въ половинѣ XVI в. И тогда населеніе широкимъ потокомъ хлынуло изъ центрального междурѣчья на юго-востокъ, по Волгѣ, и на югъ, по Дону. Пустѣли не только деревни, но цѣлые города. По сильному выраженію проф. Ключевского, ходъ сельскаго хозяйства въ московской Руси «представлялъ, можно сказать, геометрическую прогрессію запустѣнія». Необходимо было остановить запустѣніе. И вотъ, уже въ срединѣ XVI вѣка мы встрѣчаемъ грамоты, которыя представляютъ посадскимъ волостнымъ людямъ «на пустыя мѣста дворовыя, на посадѣ и въ станѣхъ, и въ волостѣхъ, въ пустыя деревни и на пустоши, и на старыя селища хрестьянъ изъ-за монастырей выводить назадъ безсрочно и безпошлинно, и сажать ихъ по старымъ деревнямъ, гдѣ кто въ которой деревни жилъ прежде того». Такъ предписывала поступать уставная Бажская грамота въ 1552 году, т.-е. за 40 лѣтъ до того пока еще не найденнаго указа, который, по извѣстному предположенію, уничтожилъ свободу крестьянскаго перехода. Въ жалованныхъ грамотахъ Строганова, 1564—68 гг., запрещается принимать къ себѣ «тяглыхъ людей письменныхъ» и предписывается отсылать такихъ людей на прежнее мѣстожителство по требованію мѣстныхъ властей ²⁾. Приказывая возвращать «хрестьянъ изъ-за монастырей на старыя мѣста въ посадѣхъ и въ станѣхъ», государство охраняло свой собственный интересъ, но не слѣдуетъ думать, что оно забывало интересъ землевладѣльцевъ. Мы узнаемъ отъ И. Энгельмана, что «еще за 150 лѣтъ до общаго запрещенія крестьянскихъ переходовъ знаменитый Троицко-Сергіевъ монастырь получилъ при-

¹⁾ Боярская Дума, стр. 308.

²⁾ М. Дьяконовъ. Очерки изъ исторіи сельскаго населенія въ Московск. государствѣ (XVI—XVII вв.), стр. 6—7, въ XII вып. «Лѣтописей занятій археограф. комиссіи».

вилегію не отпускать своихъ крестьянъ»¹⁾). Безполезно разсказы-
вать дальше исторію крестьянскаго закрѣпощенія. Достаточно по-
вторить, во избѣжаніе недоразумѣній, что она была очень продол-
жительна: ея окончаніе относится къ петербургскому періоду. Ека-
терина Вторая распространила крѣпостное право на Малороссію, а
Павель Первый на Новую Россію, «дабы единожды навсегда во-
дворить въ помянутыхъ мѣстахъ по сей части порядокъ и утвер-
дить въ вѣчность собственность cadaго владѣльца»²⁾).

ХІІІ.

Перейдемъ къ разсмотрѣнію другой стороны того же про-
цесса. Кому принадлежала та земля, къ которой прикрѣпляли
крестьянъ?

Проф. Ключевскій утверждаетъ, что крестьяне XVI вѣка «по
отношеніямъ своимъ къ землевладѣльцамъ были вольными и пе-
рехожими арендаторами чужой земли — государевой, церковной
или служилой»³⁾. Такъ какъ никто не арендуетъ своей собствен-
ной земли, то арендовать вообще можно т о л ь к о ч у ж у ю землю.
Но не въ томъ дѣло. Всегда ли крестьяне были арендаторами? Дру-
гой изслѣдователь, проф. Любавскій, полагаетъ, что «въ централь-
номъ Ростовско-Суздальскомъ районѣ Сѣверо-Восточной Руси»
они являются въ качествѣ арендаторовъ уже въ XIV вѣкѣ⁴⁾.
Но и это еще не рѣшаетъ вопроса. Врядъ ли можно предполо-
жить, что уже съ самаго появленія своего въ этой мѣстности они
обрабатывали чужую землю. Мы видѣли, что они переселялись
сюда изъ юго-западной Руси, спасаясь отъ кабалы, въ которую за-
гоняли ихъ тамъ неблагопріятныя условія жизни. Появленіе
«смердовъ» предшествовало на сѣверо-востокѣ появленію тамъ бо-
лѣе или менѣе крупныхъ земледѣльцевъ. А если это такъ, то мы
можемъ сказать, что земля, на которую они здѣсь садились, была
«ч у ж о ю» развѣ только въ томъ смыслѣ, что они, можетъ быть, и
тогда уже называли ее «б о ж ь е й». Но «божью» землю никто и
никогда не стѣснялся присваивать себѣ, когда это было нужно и
возможно. Значить, сѣверо-восточные крестьяне обрабатывали
свою собственную «божью» землю прежде, чѣмъ увидѣли себя
вынужденными взяться за обработку чужой земли. А отсюда слѣ-
дуетъ, что со временемъ у нихъ было отнято право собственности
на ихъ земли. Какъ произошла эта экспропріація земледѣльцевъ?

¹⁾ Энгельманъ. Исторія крѣпостного права въ Россіи, Москва, 1900, стр. 55.
Благочестивые старцы не забывали, какъ видимъ, своихъ земныхъ интересовъ.

²⁾ Энгельманъ, назв. соч., стр. 179.

³⁾ Курсь, ч. II, стр. 372.

⁴⁾ Назв. статья въ сборникѣ «Великая реформа», т. I, стр. 7.

Двумя путями: во-первыхъ, «смердь» въ Суздальской Руси нерѣдко, хотя на первыхъ порахъ и много рѣже, чѣмъ въ Кіевской,— попададь въ такія неблагопріятныя условія, которыя лишали его возможности вести самостоятельное хозяйство. Тогда онъ долженъ былъ искать помощи на сторонѣ. И если онъ находилъ ее у болѣе или менѣе крупнаго землевладѣльца, онъ становился «арендаторомъ чужой земли». Во-вторыхъ, удѣльные князья сѣверо-восточной Руси уже рано стали разсматривать земли, занятыя «смердами», какъ свою собственность. Пока въ ихъ княжествахъ оставалось много пустыхъ, никѣмъ незанятыхъ земель, этотъ взглядъ на крестьянскую землю, какъ на княжескую собственность, не имѣлъ тяжелыхъ для крестьянъ практическихъ послѣдствій. Но ростъ народонаселенія и захватъ земель служилыми людьми и духовенствомъ привели къ тому, что князья стали на дѣлѣ обращаться съ крестьянами, сидѣвшими на своей землѣ, какъ съ «арендаторами» земли государственной. Объединившая сѣверо-восточную Русь Москва дѣйствовала въ томъ же самомъ направленіи, со все болѣе возрастающей послѣдовательностью и со все болѣе входившею въ административныя нравы жестокостью. Уложение царя Алексѣя Михайловича выразило въ видѣ весьма опредѣленной юридической нормы то, что давно уже упрочилось практикой московскаго государства. Оно запретило тяглымъ людямъ въ черныхъ сотняхъ и слободахъ продавать и закладывать свою землю: «А кто черныя люди тѣ свои дворы продадутъ или заложатъ, и тѣхъ черныхъ людей за воровство бити кнутомъ». Проф. Ключевскій говоритъ: «Даже сидя на черныхъ земляхъ, не составлявшихъ ничьей собственности, крестьяне не считали этихъ земель своими. Про такія земли крестьянинъ XVI вѣка говорилъ: «Та земля великаго князя, а моего владѣнія»; «та земля Божья да государева, распахни и ржи наши». Итакъ, черные крестьяне очень ясно отличали право собственности на землю отъ права пользованія ею ¹⁾. Это логичный выводъ. Остается неизслѣдованнымъ лишь вопросъ о томъ, сколько батовъ поломали на спинѣ крестьянина великокняжескіе слуги для того, чтобы поднять его на высоту такого «яснаго» отличенія.

Петербургъ не только не отказался отъ этой политики Москвы, но довелъ ее до самыхъ крайнихъ ея послѣдствій. Москва стремилась къ тому, чтобы земля не выходила изъ «т я г л а». Этому ей удалось достигнуть. Но это не помѣшало существованію въ Московской Руси довольно значительнаго числа «гулящихъ людей», ухитрившихся избѣгать весьма и весьма сомнительнаго удо-

¹⁾ Тамъ же, стр. 369.

вольствія числиться въ спискахъ «тяглицевъ», на которыхъ лежало все бремя государственныхъ повинностей и платежей. Петръ I поставилъ себѣ цѣлью добиться того, «чтобы никто не былъ въ избылхъ». Эта цѣль была достигнута указомъ 1722 г. о введеніи подушной подати. «Если, какъ справедливо и давно уже замѣтила г-жа Ефименко, государство есть настоящій собственникъ тяглої земли, а не крестьянство,—естественный выводъ, что государство обязано обезпечить за каждой душой возможность платить путемъ надѣленія ея землей»¹⁾. Въ теченіе всего XVIII вѣка петербургское правительство и стремилось обезпечить такую возможность за каждой душой. Знаменитыя межевыя инструкціи 1754 и 1766 гг. произвели, можно сказать, цѣлую революцію въ землевладѣніи крестьянъ и однодворцевъ, т. е. низшаго разряда служилыхъ людей, охранявшихъ нѣкогда московскія «украины», но постепенно слившихся съ крестьянами. Мѣстами крестьяне ходатайствовали о «неотъемѣ отъ нихъ старинной ихъ владѣемой земли»; ихъ просьбы были оставляемы безъ послѣдствій. Мѣстами они, не ограничиваясь просьбами, сопротивлялись «отъему» у нихъ земли «многолюдственно, съ дубьемъ и дрекольемъ»; но ихъ сопротивленіе побѣждалось вооруженной силой солдатъ; бунтовщикамъ «чинилось нещадное батожемъ наказаніе», и, въ концѣ концовъ, земля все-таки передѣлялась согласно видамъ петербургскаго правительства²⁾. Такъ сложились мало-по-малу, путемъ медленнаго процесса обезземеленія крестьянина и длиннаго ряда жестокихъ нарушеній его правъ, знаменитые въ исторіи нашей общественной мысли аграрные «устои»

¹⁾ «Исслѣдованія народной жизни», вып. I, Москва 1884 г., стр. 362. Ср. также Кейслера «Zur Geschichte und Kritik des Gemeinde-Besitzes in Russland» I, стр. 106—107, п. III, стр. 33 и слѣд.

²⁾ Одинъ изъ многихъ примѣровъ. «Юня-де 14-го сего 774-го года при указѣ изъ Государственной Коллегіи Экономіи прислано для поселенія вѣдомства Экономическаго Воронежскаго уѣзда при селѣ Лѣвой Розсошѣ на оставшую за удовольствіемъ того села крестьянъ положенной пропорціи землю изъ Оболенскаго уѣзда крестьянъ 150 душъ, и велѣно онымъ крестьянамъ земли для пашни и другихъ угодій отвѣсть противъ тамошнихъ крестьянъ безъ всякаго недостатка». Крестьяне села Лѣвой Розсоши, «собравшись многолюдственно... кричали упорно, что они оныхъ Оболенскихъ крестьянъ къ поселенію не допускать, чего ради ..... посланъ былъ ..... капралъ Силуянъ Хрипуновъ, который того юня 16-го репортомъ ..... объявилъ, что-де по приѣздѣ его оныя жъ села Лѣвой Розсоши экономическіе крестьяне, собрався съ дубьемъ и съ дрекольемъ, какъ онаго капрала Хрипунова, такъ и показанныхъ Оболенскихъ крестьянъ намѣрялись бить и къ поселенію не допускають». Подлежащее начальство постановило: «просить отъ Воронежскаго господина губернатора и кавалера пристойной команды и при ней повелѣнное правленіемъ исполненіе учинить, а пущихъ ослушниковъ, дабы имъ впредь того чинить было неповодно, въ страхъ другимъ при вотчинѣ наказать батожемъ». В. І. Якушкинъ. Очерки по исторіи русской поземельной политики XVIII и XIX вв., приложеніе, стр. 101—106).

русской народной жизни. Представленіе о нихъ связывается обыкновенно съ представленіемъ о нашей сельской общинѣ. Но передѣлы земли между государственными крестьянами выходили далеко за границы отдѣльныхъ общинъ и, по крайней мѣрѣ въ принципѣ, распространялись на все государство. «Постановка вопроса о поземельномъ надѣлѣ крестьянъ на широкой государственной основѣ,—говоритъ В. І. Якушкинъ,—приводила къ тому, что за всякимъ крестьяниномъ, всякимъ лицомъ, состоящимъ въ крестьянствѣ, признавалось неотъемлемое право на поземельный надѣлъ: если выдавался случай, что кто-либо, состоя въ крестьянскомъ званіи, не имѣлъ «отведенныхъ имъ земель», то по этому поводѣ возбуждалось дѣло, наводились справки, дѣлались запросы.—Поземельный надѣлъ сталъ такимъ неотъемлемымъ правомъ казеннаго крестьянина, что въ одномъ именномъ указѣ прямо высказано: «каждому поселянину на каждую душу подлежащее число десятинъ годной пашенной земли, луговъ, лѣсовъ—полагается по государственнымъ учрежденіямъ»¹⁾.

Закрѣпленіе крестьянъ государствомъ было дополнено системой земельныхъ передѣловъ, а система земельныхъ передѣловъ, въ свою очередь, завершила собою закрѣпленіе крестьянъ государствомъ. «Смердъ», бѣжавшій съ юго-запада на сѣверо-востокъ и первоначально нашедшій тамъ, какъ мы видѣли, нѣкоторое улучшеніе своей участи, мало-по-малу окончательно утратилъ тамъ и свою собственность на землю, и свою свободу. Наша пресловутая сельская община съ передѣлками означала не то, что земля принадлежала обществу крестьянъ, а то, что и земля, и крестьяне составляли собственность государства или помѣщика. Земельные передѣлы дополнялись круговой порукой и паспортной системой. По указу 19 мая 1769 г., старость и выборныхъ забирали, въ случаѣ неуплаты крестьянами подушной недоимки, подъ карауль и употребляли въ тяжелыя работы «безъ платежа заработныхъ денегъ», вплоть до полной уплаты подати. А. П. Заблоцкій-Десятовскій справедливо назвалъ этотъ указъ жестокимъ и не менѣе справедливо опредѣлилъ его бытовое значеніе: «онъ уничтожилъ личную отвѣтственность плательщика за подать, ввелъ круговую поруку, обратилъ сельскія свободныя общины въ податныя единицы, а податной системѣ придавалъ значеніе постоянной контрибуціи»²⁾.

¹⁾ «Очерки», стр. 168—169. Подробнѣе объ исторіи происхожденія нашихъ «кустоевъ» см. въ моей, изданной подъ псевдонимомъ А. Волгина, книгѣ: «Обоснованіе народничества въ трудахъ г. Воронцова (В. В.)». С.-Петербургъ, 1896, стр. 101—121.

²⁾ «Графъ П. Д. Киселевъ и его время». Т. II, Спб. 1882, стр. 30. Послѣ всего сказаннаго выше ясно, однако, что и до указа 1769 г. общины государственныхъ крестьянъ могли быть названы «свободными» лишь cum grano salis.

Словомъ, это было полное торжество крѣпостничества въ отношеніяхъ между государствомъ и его главной рабочей силой—крестьяниномъ.

Но и на этомъ дѣло не остановилось. Система шла дальше, стремясь къ своему логическому концу. Наибольшей степени развитія достигла она, благодаря административному усердію и, если хотите, организаторскому таланту пресловутаго министра государственныхъ имуществъ гр. П. Д. Киселева.

«Вообразите крупнѣйшаго въ мірѣ помѣщика-рабовладѣльца. Этотъ рабовладѣлецъ не кто иной, какъ само государство; графъ Киселевъ—это главный управляющій, министерство государственныхъ имуществъ—его вотчинная контора, а окружные начальники—бурмистры, дѣйствующіе на мѣстахъ. Ихъ дѣйствія подкрѣплялись зуботычинами, засадкой въ холодную, драньемъ и, сверхъ того, взиманіемъ «денежной молитвы» ¹⁾.

XIV.

Подневольный бытъ русскаго крестьянина сталъ, какъ двѣ капли воды, похожъ на бытъ земледѣльца великихъ восточныхъ деспотій. Напрасно думалъ Н. А. Благовѣщенскій, что «ничего подобнаго никогда и нигдѣ не было и не могло быть, кромѣ Россіи». Нѣчто совершенно подобное существовало вездѣ, гдѣ крестьянинъ былъ закрѣпощенъ государствомъ: въ древнемъ Египтѣ, въ Халдеѣ, въ Китаѣ, въ Персіи, въ Индіи. Конечно, не вездѣ эти отношенія достигали одинаковой степени развитія. Больше всего они были, повидимому, развиты въ Китаѣ и въ Египтѣ. «Въ принципѣ, весь Египетъ составлялъ,—говоритъ А. Бушэ-Леклеркъ,—одно государево имѣніе, населенное крѣпостными, работавшими на государя и поддерживавшими свое существованіе тою частью его доходовъ, которую онъ представлялъ въ ихъ распоряженіе» ²⁾. Мы сейчасъ увидимъ, въ какомъ смыслѣ это положеніе представляется Бушэ-Леклерку только принципіальнымъ. Но и теперь уже умѣстно будетъ замѣтить, что въ Египтѣ отнятіе у земледѣльцевъ права собственности на землю подвинулось впередъ значительно дальше, нежели, на примѣръ, въ Халдеѣ. Въ этой послѣдней земля въ значительной степени продолжала оставаться собственностью кровныхъ союзовъ, и нерѣдко случалось, что когда государь хотѣлъ по своему распоряжаться частью земли, принадле-

¹⁾ Н. А. Благовѣщенскій. Четвертое право. М. 1899, стр. 134.

²⁾ Histoire des Lagides, Tome troisième, Paris 1906, стр. 179.

жавшей тому или другому изъ этихъ союзовъ, то онъ покупалъ ее у нихъ ¹⁾. Въ древнемъ Египтѣ и въ Московской Руси государь совсѣмъ не считалъ себя обязаннымъ вознаграждать экспроприруемыхъ ²⁾. Въ Московскомъ государствѣ такъ было, по крайней мѣрѣ, со временъ Грознаго. Что касается Китая, то тамъ, какъ это показываетъ изслѣдованіе Захарова, установилась приблизительно за тысячу лѣтъ до Рождества Христова такая система: тяглый крестьянинъ сидѣлъ на землѣ, которая принадлежала государству и отчасти непосредственно воздѣлывалась имъ для того же государства, а всѣ служилые люди получали вознагражденіе землею. Въ продолженіе болѣе, чѣмъ тысяча лѣтъ, вся внутренняя исторія Китая совпадала, по выраженію Элизе Реклю, съ исторіей землевладѣнія, а эта послѣдняя, въ свою очередь, сводилась къ борьбѣ за землю между различными классами китайскаго общества. Служилые люди стремились обратить въ наслѣдственную собственность тѣ участки, которые отводились въ ихъ пользованіе, государство же, опираясь на нуждающуюся въ землѣ и жадно стремившуюся къ ней крестьянскую массу, противодѣйствовало этому стремленію съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ. Когда китайское правительство вновь получало практическую возможность распоряжаться въ интересахъ государства тѣми землями, которыя были на болѣе или менѣе продолжительное время присвоены себѣ служилыми людьми, совершался настоящій «черный передѣлъ», могущій, при недостаточной освѣдомленности, представиться чѣмъ-то похожимъ на социалистическую революцію ¹⁾. Но на самомъ дѣлѣ, такіе перевороты прямо противоположны социализму по своей природѣ: социализмъ означаетъ господство производителя надъ средствами производства. А здѣсь самъ произво-

1) См. La propriété foncière en Chaldée d'après les pierres limites (Kandourous) du Musée du Louvre par Edouard Cuq, professeur à la faculté de droit de l'université de Paris. Paris 1907, стр. 720, 728 и др.

2) Одинъ изъ такихъ переворотовъ, совершившійся въ 1069 г. нашей эры, Элизе Реклю наивно описалъ, какъ попытку «китайскихъ социалистовъ» осуществить свои идеи. «Достаточно было перемены царствованія,—назидательно прибавляетъ Реклю,—чтобы низвергнуть новый режимъ, который такъ же мало соответствовалъ желаніямъ народа, какъ и стремленіямъ высокопоставленныхъ лицъ, и который къ тому же создалъ цѣлый классъ инквизиторовъ, сдѣлавшихся настоящими землевладѣльцами» (Nouvelle géographie, tome VII, p. 77). Это, не лишнее нѣкотораго злорадства назидательное замѣчаніе объясняется тѣмъ, что Реклю въ качествѣ анархиста (правда, совершенно платоническаго) терпѣть не могъ «государственныхъ социалистовъ», въ которыхъ онъ совсѣмъ неосновательно приравнялъ китайскаго министра Вань-Гань-Че, совершившаго въ Китаѣ „черный передѣлъ“ 1069 г. На самомъ дѣлѣ, скорое крушеніе въ Китаѣ мнимаго государственнаго социализма означало не болѣе, какъ новое и скорое торжество служилыхъ людей, стремившихся вернуть себѣ отобранную у нихъ государствомъ землю.

датель представляет собою собственность государства, его говорящее орудіе производства (*instrumentum vocale*). Ниже мы подробно рассмотримъ, какую вредную роль сыграло въ исторіи русской общественной мысли неправильное представленіе о родствѣ аграрной политики восточныхъ деспотій съ социализмомъ Западной Европы.

XV.

Когда самъ крестьянинъ является принадлежащимъ государству средствомъ производства, тогда его нельзя наказывать, лишивъ его части имущества или свободы: у него нѣтъ ни того, ни другой. Поэтому за свои проступки онъ расплачивается своею спиною. Если, какъ мы видѣли выше, система земельныхъ переделовъ дополнялась у насъ паспортной системой и круговой порукой, то круговая порука, уничтожившая личную отвѣтственность плательщика передъ государствомъ, имѣла своимъ естественнымъ дополненіемъ «выколачиваніе податей». Государство выколачивало ихъ изъ общины въ лицѣ ея отвѣтственныхъ передъ нимъ представителей, а община—изъ своихъ неплательщиковъ. Основаніе этому было положено еще въ московскій періодъ.

«Взиманіе недоимокъ большею частью не ограничивалось однимъ сборомъ, а сопровождалось правожомъ,—говоритъ г. А. Лапшо-Данилевскій.—Правежъ производился двумя способами: или воевода посылалъ въ уѣздъ своихъ подчиненныхъ и поручалъ имъ доправить недоимки и взыскать съ плательщиковъ прогоны (иногда въ двойномъ количествѣ), «ѣздъ и кормъ», или крестьяне высылались для правежа въ городъ къ воеводѣ, который допрашивалъ съ нихъ прогоны вдвое, иногда конфисковалъ ихъ «животы», лавки, заводы и промыслы, а ихъ владѣльцевъ билъ батогами нещадно, чтобы «инымъ сошнымъ людямъ впредь воровать было неповадно», правилъ съ нихъ подати весь день до вечера, а на ночь «металъ» ихъ въ тюрьму»¹⁾.

На почвѣ такихъ отношеній возникали своеобразные нравы, главная отличительная черта которыхъ заключалась въ томъ, что поработанный государствомъ крестьянинъ иногда избѣгалъ платить подати, даже и въ томъ случаѣ, если не вполне былъ лишенъ матеріальной возможности сдѣлать это, предпочитая расплату спиною расплатъ трудомъ, продуктами или деньгами. Некрасовскій «свято-русскій богатырь» Савелій («Кому на Руси жить хо-

¹⁾ А. Лапшо-Данилевскій, Организация прямого обложенія въ Московскомъ государствѣ со временъ смуты до эпохи преобразованій. Сиб. 1890, стр. 341—342.

рошо») — типичный представитель таких нравов. Читателю, который захотѣлъ бы лишній разъ убѣдиться въ томъ, что одинаковыя причины порождаютъ одинаковыя слѣдствія, можно указать для сравненія на изслѣдованіе Уилькинсона «Manners and Customs of ancient Egyptians», во второмъ томѣ котораго есть поучительная глава: «The bastinado», т. е., наказаніе палками, «батожемъ». Вся разница тутъ лишь въ томъ, что у древнихъ египтянъ на батоги употреблялось дерево другой породы, преимущественно—пальма ¹⁾).

Соловьевъ былъ совершенно правъ, говоря, что исторія Россіи есть исторія колонизирующей страны. Но дѣло не только въ томъ, что Россія была колонизирующей страной. Дѣло еще, во-первыхъ, въ томъ, что колонизація совершалась,—какъ на это указалъ, впрочемъ, и Соловьевъ,—при постоянномъ и сильномъ натискѣ со стороны кочевниковъ, а во-вторыхъ, въ томъ, что хозяйство русскаго племени, колонизовавшаго восточную равнину Европы, было натуральнымъ хозяйствомъ. Исторія Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ тоже была исторіей колонизирующей страны. Но тамъ колонизація совершалась при совсѣмъ другихъ экономическихъ условіяхъ и при совсѣмъ другихъ международныхъ отношеніяхъ. Поэтому тамъ она дала совершенно другіе соціально-политическіе результаты.

Я уже предупреждалъ читателя на счетъ того, что не слѣдуетъ преувеличивать роль торговли въ экономической жизни кievскаго періода. Въ товары и тогда обращалась лишь небольшая часть ежегоднаго продукта народнаго труда, при чемъ часть эта доставлялась не столько земледѣліемъ, сколько второстепенными, подсобными промыслами. Но съ перенесеніемъ центра тяжести исторической жизни въ междурѣчье Оки и Волги, торговля,—по крайней мѣрѣ внѣшняя,—стала играть еще меньшую роль. Тогда расходы, вызываемые управленіемъ страны и ея защитой, стали покрываться, какъ мы уже знаемъ, преимущественно земледѣльческимъ, а не охотничьимъ трудомъ населенія. Причина этого коренится въ новыхъ географическихъ условіяхъ. Посылка продуктовъ охоты и лѣсныхъ промысловъ изъ Суздальской Руси «въ Грѣкы» и на европейскій Западъ была очень затруднительна. Сбывать же «скору и воскъ» инородцамъ, между которыми водворялись на новыхъ мѣстахъ переселенцы изъ юго-западной Руси, было совершенно невозможно уже по одному тому, что у

1) Ср. также интересную брошюру М а с п э р о: «Du genre épistolaire chez les Egyptiens de l'époque pharaonique», Paris 1872, гдѣ описывается выбиваніе недоимокъ съ помощью пальмовыхъ розогъ. Палачами при этой фискальной операціи служили обыкновенно негры.

нихъ и skóry, и воску, и меду было, во всякомъ случаѣ, не меньше, чѣмъ у самихъ переселенцевъ. Но если расходы по управленію странюю и по ея самооборонѣ больше не могли покрываться продажей продуктовъ охоты и лѣсныхъ промысловъ; если эти важныя функціи общественной жизни должны были почти исключительно опереться на земледѣліе; если, стремясь обезпечить ихъ исполненіе, государство, какъ мы видѣли, вынуждено было постепенно ограничивать свободу земледѣльца, а въ концѣ концовъ, и совершенно закрѣпостить его, и если этотъ постепенный процессъ утраты крестьяниномъ своей свободы открывалъ все больше и больше простора для эксплуатаціи и угнетенія его служилыми людьми, то, съ другой стороны, тѣ же географическія условія, при которыхъ совершалась колонизація сѣверо-восточной Руси, были неблагоприятны для роста силы его сопротивленія угнетателямъ и эксплуататорамъ.

«На сѣверѣ поселенецъ посреди лѣсовъ и болотъ съ трудомъ отыскиваетъ сухое мѣсто, на которомъ можно было бы съ нѣкоторою безопасностью и удобствомъ поставить ногу, выстроить избу. Такія сухія мѣста, открытые пригорки, являлись рѣдкими островками среди моря лѣсовъ и болотъ. На такомъ островкѣ можно было поставить одинъ, два, много три крестьянскихъ двора. Вотъ почему деревня въ одинъ или два крестьянскихъ двора является господствующей формой расселенія въ сѣверной Россіи чуть не до конца XVII в.»¹⁾ Вполнѣ понятно, что сила сопротивленія подобной деревни очень невелика. Чтобы обезопасить себя отъ внѣшнихъ нападений,—напримѣръ, отъ набѣговъ тѣхъ же кочевниковъ, которые и на сѣверо-востокѣ не оставляли въ покоѣ русскаго земледѣльца,—обитатели подобной деревни будутъ расположены поддерживать всеми зависящими отъ нихъ средствами усиленіе центральной власти, сосредоточивающей въ своихъ рукахъ оборону страны, и расширеніе подчиненной ей территоріи: чѣмъ больше такая территорія, тѣмъ больше людей можетъ быть привлечено къ дѣлу ея обороны. И мы въ самомъ дѣлѣ видимъ, что сѣверо-восточные русскіе крестьяне охотно способствуютъ увеличенію княжеской власти и расширенію государственной территоріи. Знаменитое «собираніе Руси» великими московскими князьями могло итти такъ успѣшно только потому, что «собираательная» политика пользовалась горячимъ сочувствіемъ со стороны народа. Но въ то же самое время сѣверо-восточные русскіе земледѣльцы, разсѣянные въ лѣсной глуши и разбитые на крошечные поселки, были безсильны противъ притязаній и злоупотребленій этой, ихъ же

¹⁾ «Курьзъ русской исторіи», проф. В. Ключевскаго, ч. I, Москва 1908, стр. 383.

нуждами и ихъ же сочувствіемъ укрѣплявшейся, центрально й власти: крошечная деревенька въ два-три двора могла оказывать только пассивное сопротивленіе московскимъ посягательствамъ на ея свободу, а всѣ остальные деревеньки были слишкомъ разобщены съ нею, чтобы поддержать ее въ роковую для нея минуту; напротивъ, онѣ же и дали бы Москвѣ средства для борьбы съ «воровствомъ» непокорныхъ поселковъ. Если, по замѣчанію Энгельса, деревенскія общины всюду, отъ Индіи до Россіи, служили экономической основой деспотизма, то одна изъ самыхъ главныхъ причинъ этого явленія лежитъ въ условіяхъ натурального хозяйства, исключаящихъ экономическое раздѣленіе труда и разбивающихъ все земледѣльческое населеніе обширнаго государства на небольшія группы, не нуждающіяся одна въ другой, а потому и равнодушныя другъ къ другу, именно, въ силу полного тождества ихъ экономического и общественнаго положенія ¹⁾. Конечно, въ каждой изъ восточныхъ деспотій были свои особые условія, ослаблявшія или усиливавшія дѣйствіе указанной причины. Къ числу причинъ, чрезвычайно усиливавшихъ ея дѣйствіе въ восточныхъ деспотіяхъ, надо отнести необходимость орошенія. «Каждая изъ многочисленныхъ восточныхъ деспотій знала очень хорошо, что она, прежде всего, является представительницей народа въ дѣлѣ орошенія рѣчныхъ долинъ, безъ чего тамъ было невозможно и самое земледѣліе» ²⁾. Однако, не будемъ удаляться отъ Россіи.

XVI.

Мы знаемъ: положеніе русскаго крестьянина мало-по-малу сдѣлалось очень похожимъ на положеніе крестьянина любой изъ великихъ восточныхъ деспотій. Съ этой стороны Россія въ теченіе цѣлыхъ столѣтій все болѣе и болѣе удалялась отъ европейскаго

¹⁾ Къ этому надо прибавить уже хорошо знакомое намъ вліяніе кочевниковъ, которое теперь выражалось, между прочимъ, въ слѣдующемъ: «со времени татарскаго господства князья усилили владычество на землѣ и на живущихъ на ней, потому что должны были отвѣчать за исправность платежей, слѣдовавшихъ ханамъ съ земли и ея обитателямъ». «Промышленность древней Руси», Н. Аристовъ. Сиб. 1866, стр. 49.

²⁾ «Анти Дюрингъ», стр. 140. Орошеніе нужно было для всѣхъ, но ни одна группа жителей не принимала во вниманіе нужды другихъ группъ. Каждая считалась только со своимъ собственнымъ интересомъ. «Отсюда,—по словамъ Ж. Масперо,—происходили постоянныя ссоры и драки. Чтобы заставить уважать права слабыхъ и чтобы организовать систему распределенія воды, необходимо было положить въ странѣ, по крайней мѣрѣ, начало той социальной организаціи, которую она имѣла впоследствии: Ниль подсказалъ Египту его политическую конституцію, которую она имѣла впоследствии: Ниль подсказалъ физическую конституцію египтян». *Histoire ancienne des Peuples de l'Orient classique*,—Tome I, Paris 1895; p. 70.

Запада и сближалась съ Востокомъ. Но такъ какъ все общественно-политическое зданіе держалось въ земледѣльческой Россіи на широкой спинѣ крестьянства, то и положеніе служилаго класса не могло не пріобрѣсти въ ней очень замѣтнаго восточнаго оттѣнка.

Выше было указано, что отношенія между главою государства и служилымъ классомъ становятся болѣе опредѣленными лишь тогда и лишь тамъ, когда и гдѣ дружинники превращаются въ держателей земли. Процессъ этого превращенія сопровождается борьбою держателей земли съ государемъ. Держатели стремятся сдѣлать свои земли наслѣдственными; государь противится этому стремленію. Тамъ, гдѣ болѣе сильными оказываются держатели, они обезпечиваютъ себѣ наслѣдственность леновъ, и на этой соціальной основѣ расцвѣтаютъ политическія «учрежденія независимости». Такъ было, напримѣръ, во Франціи ¹⁾; такъ было и въ Польшѣ, на которую я уже ссылаюсь, говоря о Киевской Руси.

Польское служилое сословіе быстро превращается въ привилегированное, заботливо ограждающее свою независимость отъ короля уже въ 1373 г. Кошицкая привилегія сдѣлала наслѣдственными всѣ имѣнія «милитовъ», гарантируя князю только два гроша съ лана въ годъ, въ видѣ подати съ такихъ имѣній, и военную службу, сообразно съ количествомъ находившейся въ нихъ земли. Червиньская привилегія 1422 г. установила, что король не имѣетъ права безъ суда конфисковать имущество шляхты, а привилегія 1425, 1430 и 1433 гг. опредѣлили тѣ шесть случаевъ, за исключеніемъ которыхъ шляхтичъ, безъ суда, не можетъ быть лишенъ свободы. Нешавскіе статуты 1454 г. освободили шляхту отъ суда королевскихъ чиновниковъ и открыли ей доступъ къ законодательной власти: въ силу этихъ статутовъ, всякая мѣра, налагающая какое-нибудь обязательство на шляхту, должна была подлежать ея предварительному обсужденію. Наконецъ, конституція, извѣстная подъ именемъ конституціи «Nihil novi», провозгласила, что безъ согласія сейма король не можетъ ограничить личныя права шляхтичей. Съ этихъ поръ вся внутрен-

---

1) Le courant d'idées qui imposait à toute propriété, à toute fonction, à toute délégation d'autorité la forme féodale, la condition de fief héréditaire, finit par tout emporter. De l'ancien pouvoir exercé par le suzerain sur sa terre concédée, sur son bénéfice, il ne resta plus à l'époque capétienne, que certaines prérogatives et certains droits fixés par la coutume: une apparence de consentement à la transmission héréditaire, le droit plus ou moins contesté de reprendre le fief dans quelques cas déterminés; certains profits matériels; bref, une ombre de propriété». (Manuel des Institutions Françaises, période des capétiens directs, par Achille Luchaire, Paris 1892), p. 154. Напомню еще разъ, что Франція сдѣлалась классической страной западно-европейскаго феодализма.

няя исторія Польши была исторіей страны, въ которой безраздѣльно господствовало привилегированное сословіе земледѣльцевъ, оставившее королю одну только тѣнь политической власти.

Не то мы видимъ въ сѣверо-восточной Руси. Здѣшніе «милиты» выступаютъ сначала, какъ «вольные слуги» удѣльныхъ князей, а кончаютъ тѣмъ, что становятся «холопами» московскихъ великихъ князей и, подобно крестьянамъ, утрачиваютъ право свободного перехода. Уже въ половинѣ XVI-го столѣтія служилое сословіе оказывается совершенно закрѣпощеннымъ государству, и это его закрѣпощеніе,—можетъ быть еще больше, нежели закрѣпощеніе крестьянства,—уподобляетъ общественно-политической строй московской Руси строю великихъ восточныхъ деспотій. Герберштейнъ, посѣтившій Россію въ 1517 г., т. е. при Василии Ивановичѣ, былъ пораженъ безпредѣльностью княжеской власти.

«Онъ имѣетъ власть, какъ надъ свѣтскими, такъ и надъ духовными особами, и свободно, по своему произволу, распоряжается жизнью и имуществомъ всѣхъ. Между совѣтниками, которыхъ онъ имѣетъ, никто не пользуется такимъ значеніемъ, чтобы осмѣлиться въ чемъ-нибудь противорѣчить ему или быть другого мнѣнія. Они открыто признаютъ, что воля князя есть воля Бога, и что князь дѣлаетъ, то дѣлаетъ по волѣ Божіей; потому они даже называютъ его Божьимъ ключникомъ и постельникомъ, и, наконецъ, вѣрятъ, что онъ есть исполнитель воли Божіей. Оттого самъ князь, когда его умоляютъ о какомъ-нибудь заключенномъ, или въ другомъ важномъ дѣлѣ, обыкновенно отвѣчаетъ: будетъ освобожденъ, когда Богъ велитъ. Подобно тому, если кто-нибудь спрашиваетъ о какомъ-нибудь неизвѣстномъ и сомнительномъ дѣлѣ,—обыкновенно отвѣчаютъ: знаетъ Богъ и великій государь. Неизвѣстно, такая ли загрубѣлость народа требуетъ тирана-государя, или отъ тираніи князя этотъ народъ сдѣлался такимъ грубымъ и жестокимъ»¹⁾.

Надо думать, что если бы ожила мумія какого-нибудь «холопа» или дьяка,—scribe, какъ выражаются французскіе египто-

---

1) «Записки о Московіи». Спб. 1866, стр. 28. Ср. Флетчера: «Образъ правленія у нихъ весьма похожъ на турецкій, которому они, повидимому, стараются подражать... Правленіе у нихъ чисто тираническое: всѣ его дѣйствія клонятся къ пользѣ и выгодамъ одного царя и, сверхъ того, самымъ явнымъ и варварскимъ образомъ. Затѣмъ Флетчеръ указываетъ, что поработены не только крестьяне, но и дворяне, и отмѣчаетъ полную необезпеченность имущественныхъ правъ обоихъ классовъ. По его словамъ, и дворяне, и простолюдины въ отношеніи къ своему имуществу суть не что иное, какъ хранители парскихъ доходовъ, потому что все нажитое ими рано или поздно переходитъ въ царскіе сундуки». («О государствѣ русскомъ» и т. д., въ изданіи популярно-научной бібліотеки. Спб. 1906, стр. 33 и 33—34).

логи,—одного изъ египетскихъ фараоновъ, скажемъ, XII-ой династии, и совершила путешествіе въ Московію, то, въ противоположность западному барону Герберштейну, она не нашла бы очень много удивительнаго для себя въ общественно-политическомъ быту этой страны. Она рѣшила бы, что отношенія москвитянъ къ верховной власти, весьма близкія къ тому, что существовало на ея далекой родинѣ, именно, таковы, какими они должны быть въ благоустроенной странѣ.

Мѣстности, въ которыхъ сложились великія восточныя деспотіи, тоже прошли черезъ фазу феодализма. Но въ нихъ держателямъ земли, несмотря на ихъ усилія, не удалось обратить лены въ свою наслѣдственную собственность. Государи не только въ принципѣ сохранили верховное право на землю, но и на практикѣ постоянно пользовались имъ. Такъ, въ Халдеѣ, согласно своду законовъ, извѣстному подъ именемъ кодекса Гаммураби, служилый человѣкъ получалъ отъ казны домъ съ садомъ, участокъ пахотной земли и быковъ для его обработки. Это имущество составляло нѣчто въ родѣ его помѣстья, остававшагося за нимъ лишь до тѣхъ поръ, пока онъ исполнялъ свою службу. Статья тридцатая названнаго Свода говоритъ, что держатель лишается земли, если не исполняетъ службы въ теченіе 3-хъ лѣтъ; статьи 35-ая и 36-ая объявляютъ эту землю неотчуждаемой; наконецъ, статьи 32-ая и 38-ая предупреждаютъ, что никакихъ исключеній тутъ не допускается ¹⁾. Передъ нами тутъ помѣстное землевладѣніе, въ родѣ московскаго, вполне сложившееся за 2.000 лѣтъ до начала нашей эры.

Въ Персіи земля до недавняго времени составляла собственность шаха. «Феодальнымъ сеньорамъ, частнымъ лицамъ, даже религиознымъ корпораціямъ доступно,—говоритъ Э. Лорини,—только пользованіе, физическое распоряженіе; но ихъ право владѣнія всегда зависитъ отъ произвола монарха, который можетъ упразднить его когда бы то ни было» ²⁾. Точно такъ же въ Московской Руси имѣніе служилаго человѣка всегда могло быть «отписано на государя». Вообще, вотчинное землевладѣніе все больше и больше отступало тамъ передъ помѣстнымъ. И чѣмъ больше оно отступало передъ нимъ, тѣмъ больше возрастала зависимость служилаго сословія отъ князя, тѣмъ болѣе прежніе вольные люди превращались въ «холопей». Теперь уже хорошо извѣстно, какими мѣрами боролся Грозный со своими «измѣнниками» изъ боярской среды. Его опричнина служила ему не только для того, чтобы казнить «измѣнниковъ»; она нанесла страшный ударъ боярскому

1) «La propriété foncière en Chaldée» par Edouard Cuq, page 72-8.

2) «La Persia economica contemporanea», Roma 1900, стр. 217 и слѣд.

землевладѣнію. «Ликвидируя въ опричинѣ старыя поземельныя отношенія, завѣщанныя удѣльнымъ временемъ, правительство Грознаго взамѣнъ ихъ вездѣ водворяло однообразные порядки, крѣпко связывавшіе право землевладѣнія съ обязательною службою» ¹⁾. Чѣмъ крѣпче связывалось землевладѣніе съ обязательной службой, тѣмъ больше крѣпла зависимость служилаго человека отъ верховной власти, и тѣмъ полнѣе становилась сама эта власть. Но не Грозный выдумалъ помѣстную систему. Она возникла и окрѣпла задолго до него. Уже его дѣдъ, Иванъ III, какъ нельзя лучше понималъ великое значеніе помѣстной системы въ государственномъ хозяйствѣ Москвы. Въ декабрѣ 1477 г. его бояре говорили новгородскимъ посламъ: «великій князь велѣлъ вамъ сказать, что Великій Новгородъ долженъ отписать на насъ волости и села; ибо намъ, великимъ князьямъ, государство свое на своей отчинѣ въ Новгородѣ безъ того нельзя держать». А 4-го января слѣдующаго года Иванъ предъявилъ новгородцамъ точно определенныя требованія отписать на его имя «половину волостей владычныхъ и монастырскихъ и половину волостей Новоторжскихъ, чьи бы ни были» ²⁾. Такимъ образомъ, уже въ концѣ XV-го вѣка земли, подлежащія раздачѣ въ помѣстья, сдѣлались въ рукахъ московскаго правительства главнымъ средствомъ выполненія важнѣйшихъ государственныхъ функцій: управленія и обороны страны.

Иванъ III такъ дорожилъ своимъ помѣстнымъ фондомъ и такъ заботился объ его увеличеніи, что не прочь былъ наложить руку и на земли, принадлежавшія церкви. Его терпимое и даже какъ бы сочувственное отношеніе къ ереси «жидовствующихъ» объясняется тѣмъ, что «жидовствующіе» были противниками монашества. Экспроприація монастырей передала бы въ руки московскаго правительства ихъ огромныя недвижимыя имущества. Соблазнъ былъ такъ великъ, что за «жидовствующихъ» стояла очень сильная партія при дворѣ Ивана. Секуляризація церковныхъ имѣній была въ интересахъ всего служилаго класса. Но церковь сумѣла отклонить грозившую ей опасность. Она не безъ основанія указала на то, что «мнози и отъ невѣрныхъ и нечестивыхъ царей въ своихъ царствахъ отъ святыхъ церквей и отъ священныхъ мѣстъ ничтоже имаху, и недвижимыхъ вещей не смѣли двигнути, и судити, или поколебати... и зѣло по святыхъ церквахъ побораху, не токмо въ

¹⁾ С. О. Платоновъ. Очерки по исторіи смуты въ Московскомъ государствѣ XVI—XVII вв. Изд. третье. С.-Петербургъ 1910, стр. 148.

²⁾ Бѣляевъ. Исторія Новгорода Великаго. Москва 1864 г., стр. 608 и 609. Ср. также «Исторію Россіи» Соловьева, кн. I, стр. 1375.

своихъ странахъ, но и въ Руссiйскомъ нашемъ царствiи, и ярлыки давали». Упомянутое объ ярлыкахъ показываетъ, что краснорѣчивые защитники неприкосновенности церковныхъ имуществъ подѣ «невѣрными и нечестивыми царями» понимали собственно татарскихъ хановъ. Русская православная церковь, въ самомъ дѣлѣ, жила нѣкогда въ трогательномъ согласiи съ «невѣрными и нечестивыми» татарскими ханами. Митрополитъ Кириллъ,—первый русскiй митрополитъ, поставленный послѣ разоренiя Кiева,—учредилъ православную епископiю въ ханской столицѣ и получилъ отъ Менгу-Темира жалованную грамоту, ограждавшую на вѣчныя времена права духовенства. Оно освобождалось отъ всякихъ даней и повинностей. Его земли и люди были объявлены неприкосновенными. Хула противъ православной вѣры и,—что было еще важнѣе,—всякое нарушенiе предоставленныхъ духовенству привилегiй наказывалось смертной казнью. Такимъ образомъ, князья не имѣли права ни облагать его повинностями, ни посягать на его имущества. Великое народное несчастье,—татарское нашествiе,—принесло, такимъ образомъ, большую пользу «богомольцамъ» русской земли, которые, съ своей стороны, умѣли цѣнить любезность «невѣрныхъ и нечестивыхъ царей». Это согласiе между «нечестивыми царями» кочевыхъ хищниковъ и благочестивыми «богомольцами» осѣдлаго русскаго населенiя на время сдѣлало нашу духовную власть почти независимой отъ свѣтской ¹⁾. Наши митрополиты опирались на татаръ, какъ римскiе папы опирались когда-то на франковъ. Разница,—и весьма существенная,—была тутъ лишь въ томъ, что поддержка со стороны франковъ оказалась надежнѣй татарской поддержки. При Иванѣ III совершенно прекратилось подчиненiе Московскаго княжества татарамъ. Тогда московскому духовенству пришлось разсчитывать только на свои собственныя силы, которыя были несравненно слабѣе силъ римско-католическаго духовенства. Дальнѣйшее усиленiе власти московскихъ государей все болѣе и болѣе ставило «богомольцевъ» въ подчиненное отношенiе къ нимъ. «Богомольцы» сдѣлались *de facto* такими же царскими «холопями», какъ и служилые люди. Монастырскiя имѣнiя были секуляризованы въ XVIII вѣкѣ,—что было облегчено развитiемъ денежнаго хозяйства,—а всѣ важныя церковныя дѣла стали рѣшаться, въ концѣ концовъ, оберъ-прокуроромъ, въ роли котораго выступали подчасъ даже военные люди. Это не могло нравиться «богомольцамъ». Однако, они до такой степени были вѣрны преданiямъ, вынесеннымъ ими, по выраженiю Чаадаева, изъ растлѣн-

¹⁾ См. В. Сергѣевича, «Русскiя юридическiя древности», т. II, выпускъ 2-й, Спб. 1896, стр. 617—618.

ной Византіи, что духовенство, какъ сословіе, было и остается враждебнымъ всякому освободительному движенію. Это дѣлаетъ его одной изъ самыхъ надежныхъ опоръ реакціи. Оно всегда смотрѣло на Востокъ, и ни о какой европеизаціи его не могло быть и рѣчи.

Мнѣ, конечно, прекрасно извѣстно, что и на Западѣ верховная власть въ огромнѣйшемъ большинствѣ случаевъ побѣдила центробѣжныя стремленія феодаловъ. Людовикъ XIV съ полнымъ основаніемъ говорилъ: «L'état, c'est moi!» Но было бы крайне ошибочно отрицать на этомъ основаніи относительное, — однако, совсѣмъ немаловажное, — своеобразіе русскаго историческаго процесса. Подчиняя себѣ феодальное дворянство, французскіе короли не ограничивали его правъ на землю и не принуждали его къ службѣ¹⁾. Поэтому возвышеніе монарха во Франціи не означало закрѣпощенія государству дворянскаго сословія²⁾. Это происходило, разумѣется, не потому, чтобы французскіе короли больше дорожили человѣческой или хотя бы только дворянской свободой. Они дорожили ею не больше, чѣмъ московскіе великіе князья или восточные деспоты. Но они дѣйствовали при другихъ общественно-политическихъ условіяхъ, и потому ихъ дѣйствія привели къ другимъ результатамъ. Экономическое развитіе Франціи шло несравненно быстрѣе, нежели экономическое развитіе Россіи; натуральное хозяйство гораздо быстрѣе, чѣмъ на Руси, замѣнялось въ ней денежнымъ, а это уже рано дало французскимъ королямъ возможность учредить постоянную армію, расходы на содержаніе которой покрывались ихъ денежными доходами. Уже Филиппъ Красивый имѣлъ у себя на службѣ немалое число наемниковъ; съ появленіемъ же наемника измѣнялся и самый характеръ военной службы: изъ обязательной она превращалась въ добровольную. Другими словами, служилый человѣкъ уступалъ мѣсто сол-

---

1) ...«On ne peut considérer comme un devoir légal l'obligation morale, l'usage invétéré de porter les armes. Les nobles servaient à l'armée en grande majorité, mais, non pas sans exception, tandis que tous sans exception étaient exempts de la taille. Et s'ils étaient dispensés de la taille, ce n'était pas parce qu'ils servaient, mais parce qu'ils étaient nobles. Le privilège n'était pas la récompense du service rendu, mais le droit de la naissance». La noblesse française sous Richelieu par le vicomte G. d'Avenel. Paris, стр. 40—41.

2) Французское дворянство любило повторять, что короли — не болѣе, какъ первые дворяне. «Les rois, plus d'une fois, mirent quelque affectation à dire: Nous ne sommes pas davantage. Cette parité originelle était ce qui tenait le plus, au coeur de la noblesse. Le souverain ne l'ignorait pas, et le Roi—Soleil lui-même n'aurait pas cru pouvoir battre un gentilhomme sans le faire tort». D'Avenel, тамъ же, стр. 13. Московскіе князья и цари смотрѣли на этотъ вопросъ иначе, да иначе же смотрѣли на него и ихъ служилые «холопы», тѣ за тычкомъ не гнались.

дату по профессіи («Soldat par métier») ¹⁾. Опираясь на своихъ солдатъ по профессіи, французскіе короли мало-по-малу уничтожили старыя политическія права феодаловъ, но должны были оставить неприкосновенными ихъ права на землю. Ни о какомъ превращеніи дворянскихъ земель въ государственный фондъ, составляющій экономическую основу системы народной обороны, во Франціи не могло быть и рѣчи: при тогдашнихъ экономическихъ условіяхъ этой страны такое превращеніе просто-напросто никому не приходило въ голову. Наоборотъ, экономическія условія Московской Руси настоятельно его требовали. Поэтому вотчинное землевладѣніе и отступило у насъ такъ далеко передъ помѣстнымъ. Поэтому отношеніе служилаго человѣка къ князю вышло у насъ такъ мало похожимъ на отношеніе французскаго дворянина къ своему королю. Поэтому же,—вѣрнѣе: м е ж д у п р о ч и м ь, поэтому же,—московскій великій князь произвелъ на западнаго барона Герберштейна впечатлѣніе монарха, полнотою и объемомъ своей власти превосходившаго всѣхъ монарховъ всего цивилизованнаго міра.

XVII.

Исторія Россіи была исторіей страны, колонизовавшейся при условіяхъ натурального хозяйства. Колонизація означала,—какъ это замѣтилъ еще Соловьевъ,—однообразіе занятій и постоянную подвижность населенія, мѣшавшія,—какъ я прибавилъ бы отъ себя,—углубленію тѣхъ классовыхъ различій, которыя возникаютъ вслѣдствіе общественнаго раздѣленія труда. А это значитъ, что, благодаря указаннымъ условіямъ, внутренняя исторія Россіи не могла отличиться интенсивною взаимною борьбою общественныхъ классовъ. Источникъ политической силы высшаго класса—его экономическое господство надъ значительною частью населенія—не могъ быть обильнымъ и притомъ постоянно грозилъ изсякнуть благодаря непрерывному переходу этого населенія на «новыя мѣста». Только въ теченіе того, не очень продолжительнаго, времени, когда земледѣльческое населеніе Великороссіи отличалось довольно большою густотой, вслѣдствіе постояннаго притока переселенцевъ изъ юго-западной Руси въ бассейнъ верхней Волги и невозможности дальнѣйшаго переселенія на сѣверъ, сѣверо-востокъ и юго-востокъ,

¹⁾ Ср. А. Рамбо, «Histoire de la civilisation Française», т. I, pp. 228. «Legalement, les nobles n'étaient tenus à combattre qu'en cas d'appel du ban et de l'arrière-ban. On y eut recours deux fois sous Louis XIII, chaque fois sous une forme différente et chaque fois, cet appel donna des résultats tellement désastreux ou tellement insignifiants, qu'il démontra l'impossibilité de fonder sur lui la défense de l'Etat pour l'avenir». D'Avenel, тамъ же стр. 54.

высшему классу удалось расширить и упрочить свое непосредственное экономическое господство надъ низшимъ. Тогда сложилось тамъ довольно крупное и вліятельное боярское землевладѣніе. Но когда ростъ Московскаго государства устранилъ препятствія, временно пріостановившія колонизацію, тогда земледѣльцы опять во множествѣ устремились на «новыя мѣста», и тогда опять затрепало и зашаталось экономическое господство землевладѣльцевъ. Какъ извѣстно, крупное землевладѣніе пережило тогда настоящій кризисъ. Чтобы найти выходъ изъ тяжелаго положенія, землевладѣльцы должны были добиваться окончательнаго прикрѣпленія крестьянина къ землѣ, на что охотно согласилась центральная власть, сама бывшая, какъ мы знаемъ, крупнѣйшимъ землевладѣльцемъ и сама не менѣе бояръ страдавшая отъ крестьянскихъ переходовъ. Но чѣмъ нужнѣе былъ для крупныхъ землевладѣльцевъ союзъ съ центральной властью ради прикрѣпленія къ землѣ крестьянина, тѣмъ слабѣе должна была становиться ихъ политическая оппозиція великому князю. На это съ поразительною мѣткостью указалъ еще Ключевскій.

«Положеніе дѣлъ въ селѣ давало тонъ политическому строенію боярства, направленіе его правительственной дѣятельности, роняло цѣну однихъ его интересовъ въ пользу другихъ, ставило, напримѣръ, мысль объ отношеніяхъ къ селу впереди мысли объ отношеніяхъ къ дворцу, заставляло въ этихъ послѣднихъ отношеніяхъ искать опоры для обезпеченія первыхъ, а не наоборотъ: словомъ, землевладѣльческіе тревоги и опасности, не дѣлая боярина опытнымъ и предусмотрительнымъ сельскимъ хозяиномъ, дѣлали его робкимъ или равнодушнымъ политикомъ» ¹⁾.

По мнѣнію проф. Ключевскаго, село XVI-го вѣка и надобно признать одной изъ главныхъ причинъ того, что политическій строй Московскаго государства не сдѣлался аристократическимъ. Но положеніе села того времени было, именно, положеніемъ села въ странѣ, колонизирующей при условіяхъ натуральнаго хозяйства. Стало быть, эта важная причина сама является однимъ изъ слѣдствій подобной колонизаціи.

Другой, не менѣе важной, причиной, тоже составляющей слѣдствіе колонизаціи, надо признать обиліе тѣхъ свободныхъ земель, на которыя могло наложить свою руку московское правительство въ открывшихся передъ нимъ во второй половинѣ XVI-го вѣка новыхъ, лѣсныхъ и степныхъ мѣстностяхъ. Надѣлая этими землями низшіе и средніе слои служилаго класса, оно создавало себѣ въ лицѣ этихъ слоевъ прочную опору для борьбы съ

¹⁾ «Боярская Дума древней Руси», изд. 4-е, Москва 1909, стр. 313.

высшимъ, аристократическимъ слоемъ того же класса съ «княжатами»—боярами. Тотъ фактъ, что во второй половинѣ XVI-го вѣка вотчинное землевладѣніе далеко отступило назадъ передъ помѣстнымъ, въ переводѣ на политическій языкъ означалъ, что дворянинъ заставилъ очень сильно попятиться боярина и помогъ главѣ государства безпощадно раздавить всѣ политическія претензіи «княжатъ». Во Франціи королевская власть тоже не избѣгаетъ союза съ низшимъ дворянствомъ. Въ лицѣ Карла VII она даже ищетъ такого союза. Но во Франціи развитіе денежнаго хозяйства рано даетъ королямъ возможность создать постоянную армію, составленную, какъ сказано выше, не изъ служилаго дворянства, а изъ профессиональныхъ солдатъ разночиннаго происхожденія. Весьма характерно, что тотъ же самый Карль VII, королевскій совѣтъ котораго состоялъ изъ представителей низшаго дворянства и третьяго сословія, очень много сдѣлалъ для реорганизации военной силы въ указанномъ смыслѣ ¹⁾. А реорганизация арміи въ этомъ смыслѣ все болѣе и болѣе побуждала французскую королевскую власть и давала ей все большую и большую возможность опираться въ своей борьбѣ съ аристократіей не столько на мелкое и среднее дворянство, на которое опирались московскіе «самовластцы», сколько на третье сословіе. Вообще, одна изъ главныхъ отличительныхъ чертъ французскаго феодализма, сравнительно съ русскимъ, заключается въ томъ, что въ нѣдрахъ французскаго феодальнаго общества возникло гораздо болѣе многочисленное, богатое и сильное третье сословіе, нежели въ удѣльной Руси. Эта особенность французскаго феодализма не могла не отразиться на дальнѣйшемъ ходѣ развитія французскаго общества и французской королевской власти. Представительство на московскихъ земскихъ соборахъ XVI вѣка является представительствомъ почти исключительно служилыхъ людей ²⁾, между тѣмъ какъ во Франціи третье сословіе уже въ половинѣ XIV вѣка играетъ въ собраніяхъ Генеральныхъ Штатовъ очень яркую роль, а въ слѣдующемъ столѣтіи его представители на этихъ собраніяхъ сознательно оказываютъ королю весьма существенную поддержку въ борьбѣ съ дворянствомъ ³⁾. Сообразно съ этимъ, неодинаково и отношеніе представительныхъ собраній къ центральной власти. «Земскій соборъ XVI вѣка былъ,—говоритъ проф. Ключевскій,—въ точномъ смыслѣ совѣщаніемъ правительства съ собственными агентами ⁴⁾. Неудивительно, что «агенты»,

1) Cp. Histoire de France, par Victor Duruy, Paris, 1893, т. I, стр. 545—546.

2) См. Ключевскаго. Курсъ, ч. II, стр. 488 и слѣд.

3) См. I томъ извѣстнаго сочиненія Ж. Пико. Histoire des Etats Généraux.

4) Курсъ, ч. II, стр. 486.

въ отвѣтъ на правительственные вопросы, высказывались въ томъ духѣ, что они готовы за государя головы свои класть, а впрочемъ, во всемъ воля божья да государева ¹⁾. Въ Москвѣ XVI вѣка думали, что «народъ не можетъ имѣть своей воли, а обязанъ хотѣть волею власти, его представляющей» ²⁾. Между тѣмъ, въ Парижѣ, во второй половинѣ XIV вѣка, канцлеръ де-Дорманъ,—тоже въ своемъ родѣ «агентъ» верховной власти,—чтобы успокоить волнующихся горожанъ, нашелъ нужнымъ польстить имъ рѣчью, въ которой провозглашалъ, что «короли властвуютъ лишь волею народовъ, и что только сила народовъ дѣлаетъ ихъ страшными» ³⁾.

Служилые люди Московскаго государства недаромъ называли себя великокняжескими, а потомъ царскими «холопами». Они были закрѣпощены государству такъ же, какъ были закрѣпощены ему крестьяне. На каждомъ изъ этихъ двухъ сословій лежалъ гнетъ, къ концу XVI в. становившійся все болѣе и болѣе тяжелымъ. Возрастаніе тяжести этого гнета находить свое объясненіе въ томъ, уже не разъ упомянутомъ обстоятельстве, что Россія была страной, колонизовавшейся при условіяхъ натурального хозяйства. С. В. Рождественскій вполне правильно говоритъ, что недостатокъ денежныхъ средствъ былъ одной изъ самыхъ характерныхъ чертъ экономическаго положенія служилаго класса въ XVI в. «Самый же этотъ недостатокъ,—прибавляетъ онъ,—объясняется несоотвѣтствіемъ между постоянно развивающимися и прогрессирующими потребностями государства и общества, съ одной стороны, и слабымъ развитіемъ, инертностью народнаго хозяйства—съ другой, преобладаніемъ хозяйства натурального надъ денежнымъ, котораго требовали новыя обстоятельства» ⁴⁾.

На Востокѣ населеніе тоже закрѣпощено было государству. Но, не говоря уже о болѣшемъ плодородіи почвы, восточныя деспотіи не имѣли такихъ сосѣдей, которые превосходили бы ихъ по своему культурному развитію. Напротивъ, каждое изъ этихъ цивилизованныхъ государствъ имѣло сосѣдями, главнымъ образомъ, варваровъ, значительно уступавшихъ имъ въ смыслѣ культуры. Правда, кочевые варвары нерѣдко заставляли сильно страдать земледѣльческое населеніе восточныхъ деспотій или даже покоряли его на болѣе или менѣе продолжительное время своей власти. Для примѣра можно указать на завоеваніе Египта «па-стухами», о которыхъ Манеонъ говоритъ почти въ такихъ же

¹⁾ Ср. у. Ключевскаго, тамъ же, стр. 492.

²⁾ Ключевскій, тамъ же, стр. 487.

³⁾ Ж. Пико, назв. соч., т. I, стр. 228.

⁴⁾ «Служилое землевладѣніе въ Московскомъ государствѣ XVI вѣка», С.-Петербургъ, 1897, стр. 83.

выраженіяхъ, какъ наши лѣтописи о монголахъ. Но пока тотъ же Египетъ не сдѣлалъ завоеваній въ Азіи, у него совсѣмъ не было цивилизованныхъ сосѣдей. Въ этомъ отношеніи онъ былъ гораздо счастливѣе Московскаго государства, которому на своей западной границѣ приходилось имѣть дѣло съ сосѣдями, гораздо дальше его ушедшими по пути цивилизаціи. Борьба съ этими сосѣдями была еще несравненно тяжелѣе, нежели такъ дорого стоившая русскому народу борьба съ кочевниками. Покорившая Казань и Астрахань Москва XVI в. потерпѣла жестокую неудачу въ рѣшительномъ столкновеніи со своими западными сосѣдями. Чтобы отстоять свое существованіе въ борьбѣ съ противниками, далеко опередившими ее въ экономическомъ отношеніи, ей пришлось посвятить на дѣло самообороны, — посредственно и непосредственно, — такую долю своихъ силъ, которая, навѣрно, была гораздо больше, нежели доля, употреблявшаяся съ тою же цѣлью населеніемъ восточныхъ деспотій.

Въ этомъ заключается, весьма достойная нашего вниманія, относительная особенность нашего историческаго процесса, сравнительно съ такимъ же процессомъ восточныхъ деспотій. При сопоставленіи этой особенности съ тою, которую мы отмѣтили, сравнивая общественно-политическій строй Московскаго государства со строемъ западно-европейскихъ странъ, у насъ получается слѣдующій итогъ: государство это отличалось отъ западнымъ тѣмъ, что закрѣпостило себѣ не только низшій земледѣльческій, но и высшій, служилый классъ, а отъ восточныхъ, на которыя оно очень походило съ этой стороны, — тѣмъ, что вынуждено было наложить гораздо болѣе тяжелое иго на свое закрѣпощенное населеніе.

ХІІІ.

Пока у насъ господствовало убѣжденіе въ абсолютномъ своеобразіи нашего историческаго процесса, общественная роль городского населенія сѣверо-восточной Руси считалась близкой къ нулю. «Зачѣмъ намъ города? — спрашивалъ другъ и единомышленникъ А. И. Герцена Н. П. Огаревъ. — Наши города только правительственная фантазія, а въ дѣйствительности они не имѣютъ ни значенія, ни силы»¹⁾. (Само собою разумѣется, что во всѣхъ разсужденіяхъ этого рода дѣлалось молчаливое исключеніе для вольныхъ городовъ Новгорода и Пскова). Это была большая ошибка.

¹⁾ «Колоколъ», № 51.

Даже на «верхне-волжскомъ суглинкѣ» наша городская жизнь никогда не была совершенно ничтожной. Теперь уже можно признать безспорнымъ, что города сѣверо-восточной Руси вовсе не были тѣми болѣе или менѣе обширными деревнями, за которыя ихъ такъ охотно принимали теоретики русской самобытности. Этой Руси тоже нечуждо было экономическое раздѣленіе труда между городомъ и деревней. «Если тутъ и была, главнымъ образомъ, разница не качественная, а количественная,—говоритъ Н. Д. Чечулинъ,—т. е., если мы и находимъ въ городахъ, какъ въ селахъ, жителей съ одними и тѣми же правами и особенностями, а частью даже и занимавшихся одинаково земледѣліемъ и ремеслами, такъ что только размѣры поселеній и большее или меньшее развитіе того или другого рода занятій жителей отличало городъ отъ деревни, то, во всякомъ случаѣ, и такая количественная разница была тутъ настолько значительна, что даетъ намъ полное право разсматривать положеніе городовъ отдѣльно отъ изученія положенія селъ и деревень» ¹⁾).

Хотя ремесленники, населявшіе города сѣверо-восточной Руси, подобно ремесленникамъ средневѣковыхъ городовъ Западной Европы, занимались также и земледѣліемъ, однако, главнымъ источникомъ ихъ дохода былъ, надо думать, ремесленный, а не земледѣльческій трудъ. Г. Чечулинъ даетъ длинный списокъ названій тѣхъ ремеслъ, какія встрѣчались въ русскихъ городахъ. Тутъ мы видимъ 34 названія ремеслъ, относящихся къ производству и обработкѣ сѣстныхъ припасовъ; 32 ремесла, посвященныхъ производству одежды; 25 ремеслъ, относящихся къ строительному дѣлу и производству домашней утвари; и, наконецъ, 119 названій разнаго рода другихъ ремеслъ, въ родѣ булавочниковъ, гребенниковъ, мечниковъ, сабельниковъ, лучниковъ, стрѣльниковъ, зольниковъ, извозчиковъ, огородниковъ, колокольниковъ, садовниковъ, струнниковъ, стекольниковъ, стригольниковъ, угольниковъ, фонарниковъ и т. д., и т. д. ²⁾). Г. Чечулинъ прибавляетъ: «въ данныхъ о ремесленникахъ, отнесенныхъ нами ко второй группѣ, большое число сапожниковъ... невольно заставляетъ думать, что тогда очень многіе носили сапоги» (стр. 340). Короче, признавая, что бѣольшая часть ремеслъ посвящалась въ XVI в. производству предметовъ первой необходимости, г. Чечулинъ рѣшительно отвергаетъ то мнѣніе, что «тогдашняя Русь едва умѣла обрабатывать самыя грубыя ткани, и что, вообще, ремесленной дѣятельности тогда почти не существовало» ³⁾). Мы

¹⁾ Города московскаго государства, СПб. 1889, стр. 309—310.

²⁾ Тамъ же, стр. 339, примѣчаніе.

³⁾ Тамъ же, стр. 316.

находимъ въ его интересномъ изслѣдованіи еще болѣе важное для насъ указаніе на то, что тогда въ городахъ встрѣчалось много,— по его словамъ, даже очень много,—книгъ ¹⁾. И хотя книги эти были, какъ видно, духовнаго содержанія, но все-таки наличность значительнаго числа ихъ въ городахъ показываетъ, что въ Московской Руси, какъ и вездѣ, городская жизнь вызвала у населенія болѣе или менѣе разнообразныя и настоятельныя умственные запросы.

Словомъ, полнаго своеобразія отнюдь не было и въ этой области; но и въ ней наблюдается очень важное относительно своеобразие.

Всѣ тѣ, указанныя выше, разнообразныя причины, которыя замедляли развитіе производительныхъ силъ русскаго населенія, ослабляли значеніе городовъ въ исторической жизни сѣверо-восточной Руси. То, что С. В. Рождественскій назвалъ «инертностью народнаго хозяйства», неизбѣжно вело за собою политическую инертность городского населенія. Пушкинъ былъ правъ. Наши города не были тѣмъ, чѣмъ были западно-европейскія городскія общины. Если къ началу XVI в. въ подмосковныхъ городахъ замѣчается довольно оживленная и разнообразная ремесленная дѣятельность, то къ концу вѣка они сильно пустѣютъ. «Прогрессированіе этого заустѣнія,—говоритъ г. Чечулинъ,—видно, какъ изъ того, что всего менѣе пустоты въ Серпуховѣ, описаніе котораго (въ писцовыхъ книгахъ. Г. II.) относится къ срединѣ вѣка, а болѣе всего въ Коломнѣ и Можайскѣ, описаніе которыхъ относится къ концу вѣка, такъ и изъ данныхъ о Муромѣ по двумъ описаніямъ и, наконецъ, еще изъ указаній, находящихся въ можайской книгѣ, когда и какъ, именно, заустѣлъ тотъ или другой дворъ». Фактъ заустѣнія подмосковныхъ городовъ подтверждается, по словамъ того же изслѣдователя, скопленіемъ населенія въ пограничныхъ городахъ, въ которые устремлялись выходцы изъ центральныхъ мѣстностей ²⁾.

Чѣмъ болѣе пустѣли подмосковные города, тѣмъ болѣе падало ихъ значеніе въ общественной жизни Московскаго государства. Исторія Россіи была исторіей страны, въ которой на много столѣтій затянулся процессъ колонизаціи. Колонизація совершалась въ ней при условіяхъ натурального хозяйства. Развитіе городовъ нарушало однообразіе этихъ условій, выражая собою прогрессъ экономическаго раздѣленія труда и успѣхи товарнаго производства. Но, какъ мы только что видѣли, колонизація вызвала

¹⁾ Тамъ же, стр. 311—312.

²⁾ См. тамъ же, стр. 173—175.

въ XVI в. запустѣніе подмосковныхъ городовъ, а это значитъ, что она замедлила развитіе денежнаго хозяйства и тѣмъ поддержала или даже увеличила «инертность» народно-хозяйственной жизни. Чтобы положить предѣлъ запустѣнію городовъ центральныхъ мѣстностей, московское правительство обратилось къ тѣмъ же мѣбрамъ, съ помощью которыхъ оно боролось противъ запустѣнія «села»: посадскій челоувѣкъ былъ такъ же прикрѣпленъ къ мѣсту своего жительства, какъ и крестьянинъ. Горожанинъ очутился въ такомъ же подневольномъ положеніи, какъ «государевъ сирота»— крестьянинъ и «государевъ холопъ»—служилый челоувѣкъ¹⁾. Закрѣпощеніе распространилось на всѣ стороны общественной жизни Московскаго государства. Что положеніе въ немъ «торговаго мужика» было менѣе благопріятно для экономической дѣятельности этого послѣдняго, нежели положеніе новгородскаго или псковскаго купца, который пользовался выгодами вольной общественной жизни, это не нуждается въ доказательствахъ. Но сила была не на сторонѣ нашихъ вольныхъ городскихъ республикъ. Московскіе «самовластцы» наложили на нихъ свою тяжелую руку, а какъ отразилось это на характерѣ ихъ населенія, показываютъ слѣдующіе отзывы Герберштейна. О Новгородѣ: «народъ былъ здѣсь весьма образованный (humanissima) и честный, а теперъ сталъ самый испорченный, заразившись, безъ сомнѣнія, московскою

---

¹⁾ По смыслу постановленій Уложенія, посадъ является торгово-промышленной тяглою общиной. На этомъ основаніи торговый промыселъ на посадѣ для лицъ, къ посадской общинѣ не принадлежащихъ, запрещается закономъ: торговыхъ крестьянъ, не принадлежащихъ къ посадскому состоянію, 9 ст. XIX главы Уложенія предписываетъ отдавать на крѣпкія поруки въ томъ, что имъ впредь въ лавкахъ и погребяхъ не сидѣть и не торговать и варницъ и кабаковъ не откупать, а самыя ихъ торговныя и промышленныя заведенія продать тяглымъ людямъ.. Тяглая торгово-промышленная посадская община скрѣплялась принципомъ безвыходности посадскаго состоянія... Принципъ безвыходности посадскаго состоянія соединялся съ обязательнымъ прикрѣпленіемъ посадскихъ тяглецовъ къ определенной общинѣ безъ права переходить въ другіе посады... Императорская Россія XVIII ст. унаслѣдовала отъ Московскаго царства эту общину. Въ теченіе всего XVIII ст., вплоть до городского положенія Екатерины II, посадъ остается общиной торгово-промышленныхъ тяглецовъ стараго типа, несмотря на всѣ коснувшіяся его преобразованія отъ Петра I до Екатерины II". (А. А. Кизеветтеръ. Посадская община въ Россіи XVIII ст. Москва 1903, стр. 1—4). Какъ сильно старалось правительство утвердить стѣну, отдѣляющую крестьянъ отъ посадскихъ людей, видно изъ того, что за женитьбу посадскаго челоувѣка на крестьянкѣ безъ отпускной и за выходъ замужъ дѣвушки изъ посада за крестьянина правительство грозило въ половинѣ XVII в. смертною казною (см. изслѣдованіе А. Лаппо-Данилевскаго Организация прямого обложенія въ Московскомъ государствѣ, стр. 172, примѣчаніе). По замѣчанію г. Лаппо-Данилевскаго, строгость наказанія показываетъ, что запрещеніе это часто нарушалось. Это такъ. Но она же показываетъ, какъ упорно боролось правительство со свободой передвиженія.

порчею, которую принесли съ собою приходящіе сюда москвиты»¹⁾. О Псковѣ: «образованность и мягкіе нравы псковитянъ замѣнились московскими нравами, которые почти во всемъ хуже. Ибо въ своихъ купеческихъ сдѣлкахъ псковитяне показывали такую честность, чистосердечіе и простоту, что цѣна товару у нихъ показывалась безъ запросу и безъ всякаго многословія ради обмана покупателя»²⁾. Торжество восточныхъ порядковъ обусловило собою распространеніе восточныхъ нравовъ. Иначе и быть не могло.

На Западѣ городское населеніе пополнялось выходцами изъ деревень. По мѣрѣ того, какъ развивались и укрѣплялись московскіе порядки, такой ростъ города на счетъ деревни все болѣе и болѣе затруднялся на Руси тѣмъ простымъ обстоятельствомъ, что все прочіе и короче становилась цѣпь, привязывавшая крестьянина къ землѣ, все равно къ помѣщичьей или къ государственной. Закрѣпощеніе населенія явилось весьма сильнымъ препятствіемъ для дальнѣйшаго развитія товарнаго производства. Однако, оно не могло совсѣмъ остановить его. Потребность населенія въ нѣкоторыхъ продуктахъ ремесленнаго труда не могла быть ни удовлетворена, ни устранена наложеніемъ на русскихъ обывателей крѣпостного ига. Неблагопріятныя условія, сильно замедлявшія ростъ городовъ Московскаго государства и развитіе въ нихъ ремесленной дѣятельности, вызвали распространеніе кустарной промышленности въ селахъ и деревняхъ. Вслѣдствіе этого экономическая жизнь крѣпостной Россіи пріобрѣла своеобразный характеръ, парадоксальности котораго не видѣли писатели, любившіе ссылаться на низкій процентъ русскаго городского населенія, какъ на лучшее доказательство того, что «Россія—не Западъ», и что русскій человѣкъ будто бы знать не хочетъ промышленнаго труда, исключительно посвящая себя земледѣльческому. Въ 1861 г., А. Корсакъ, на основаніи статистическихъ данныхъ, относившихся къ 1856 г., показалъ, что въ самыхъ промышленныхъ губерніяхъ пропорція городского населенія была меньше средней для цѣлой Россіи: въ Орловской губерніи городское населеніе равнялось 9,77%, въ Харьковской—10,72%, въ Кіевской—10,88%, въ Таврической—18,38%, а въ Херсонской даже—21,35%; между тѣмъ, въ Ярославской губерніи оно не превышало 8,2%, въ Московской (за исключеніемъ Московскаго уѣзда)—6,37%, а во Владимірской—5,87%³⁾. Выходило, что

¹⁾ «Записки о Московіи», стр. 115.

²⁾ Тамъ же, стр. 116.

³⁾ «О формахъ промышленности вообще и о значеніи домашняго производства (кустарной и домашней промышленности) въ Западной Европѣ и Россіи», Москва 1861 г., стр. 210—211.

если наши города были по своему экономическому значенію похожи на деревни,—какъ въ этомъ увѣряли идеологи русской самобытности,—то деревни нашихъ центральныхъ губерній въ значительной степени приняли на себя экономическую роль городовъ, взявшись за промышленную дѣятельность¹⁾. Что же это значило? Только вотъ что.

Неблагопріятныя условія историческаго развитія сильно замедляли, еще начиная съ кievскаго періода, ростъ производительныхъ силъ, находившихся въ распоряженіи русскаго народа. Однако, хотя и медленно, силы эти все-таки росли, какъ въ Подиѣпровьи, такъ и, вполнѣдствіи, на «верхневолжскомъ суглинкѣ». При ростѣ производительныхъ силъ неизбѣженъ процессъ отдѣленія промышленнаго труда отъ земледѣльческаго. Этотъ процессъ наблюдается и въ Кіевской, и въ Московской Руси. Но обстоятельства, обусловившія собою закрѣпощеніе жителей Московскаго государства, привели къ тому, что процессъ этотъ былъ, въ свою очередь, хотя и не вполнѣ остановленъ, однако, значительно задержанъ. Промышленная дѣятельность не сосредоточивалась въ городахъ, а распространялась въ деревенскомъ населеніи. Ближайшимъ слѣдствіемъ этого было замедленіе техническаго прогресса. Извѣстно, что наши кустари трудились съ помощью самыхъ элементарныхъ орудій. Съ экономической стороны, распространеніе кустарной промышленности означало вѣдреніе въ деревню тѣхъ противорѣчій, которыя вездѣ порождаются экономическимъ прогрессомъ, и на мнимомъ отсутствіи которыхъ въ Россіи основывались упованія теоретиковъ нашей полной экономической самобытности. Но такъ какъ при указанныхъ условіяхъ экономическій прогрессъ совершался у насъ очень медленно, то и противорѣчія, порождавшіяся имъ въ экономическомъ быту деревни, долго оставались въ зачаточномъ состояніи. Производитель, отдававшій значительную часть своего рабочаго времени промышленному труду, продолжалъ оставаться крестьяниномъ. И хотя ему самому нерѣдко приходилось прибѣгать къ покупкѣ рабочей силы другихъ, подобныхъ ему, производителей, онъ былъ всецѣло во власти ростовническаго капитала, представителемъ котораго выступалъ въ деревнѣ кулакъ-скупщикъ. Ростовническій капиталъ, жестоко эксплуатируя производителя, не улучшаетъ при этомъ способовъ производства. Поэтому, его господство надъ промышленнымъ трудомъ производителя, крѣпко привязаннаго госу-

¹⁾ Болѣе подробныя указанія на это находятся въ моей книгѣ противъ г. В. Воронцова, стр. 215—241. Проф. Ключевскій указываетъ на то, что помѣстное землевладѣніе «подорвало развитіе русскихъ городовъ и городекой промышленности». «Курскъ», ч. II, стр. 302—303).

дарствомъ къ «верхне-волжскому суглинку», составляло новое препятствіе для техническаго и экономическаго прогресса. Въ то же время жизнь въ деревнѣ лишала производителей возможности того объединенія своихъ силъ для борьбы съ эксплуататорами, которое такъ облегчается жизнью въ крупныхъ городскихъ центрахъ, и чрезвычайно затрудняла развитіе ихъ сознанія. Производитель, который нерѣдко извлекалъ изъ промышленнаго труда значительно бѣльшую долю своего годового дохода, продолжалъ хранить всѣ суевѣрія и всѣ политическіе предразсудки земледѣльца. Нечего и говорить, что его умственная отсталость была чрезвычайно полезна для того общественно-политическаго порядка, который посадилъ его на цѣпь крѣпостнаго права. Она ручалась за его прочность.

XIX.

Прежде, чѣмъ итти дальше, полезно подвести итогъ всему тому, что узнали мы о московскихъ порядкахъ. Не менѣе полезно выразить этотъ итогъ словами того изслѣдователя, который своей работой о феодализмъ въ древней Руси нанесъ одинъ изъ самыхъ сильныхъ ударовъ славянофильской теоріи нашей абсолютной самобытности.

«Основнымъ началомъ русскаго общественнаго строя московскаго времени было полное подчиненіе личности интересамъ государства. Внѣшнія обстоятельства жизни Московской Руси, ея упорная борьба за существованіе съ восточными и западными сосѣдями требовали крайняго напряженія народныхъ силъ. Въ обществѣ развито было сознаніе о первѣйшей обязанности каждаго подданнаго служить государству по мѣрѣ силъ и жертвовать собою для защиты русской земли и православной христіанской вѣры. Служилый человекъ обязанъ нести ратную службу въ теченіе всей своей жизни и «биться до смерти съ ногайскими или нѣмецкими людьми, не щадя живота». Посадскіе люди и волостные крестьяне должны жертвовать своимъ достояніемъ для помощи ратнымъ людямъ. Всѣ классы населенія прикрѣплены къ службѣ или тяглу, чтобы «каждый въ своемъ крѣпостномъ уставѣ и въ царскомъ повелѣніи стоялъ твердо и непоколебимо» ¹⁾).

Полное подчиненіе личности интересамъ государства не было вызвано какими-нибудь особыми свойствами русскаго «народнаго духа». Оно явилось вынужденнымъ слѣдствіемъ тѣхъ условій, при

¹⁾ Н. П. Павловъ-Сильванскій. Государевы служилые люди, люди кабалные и закладные. 2-ое изд., Спб. 1909, стр. 223.

которыхъ пришлось вести борьбу за свое историческое существованіе русскимъ людямъ, поселившимся въ верховьяхъ Волги и мало-по-малу объединеннымъ Москвою. Разъ возникнувъ, слѣдствіе это само сдѣлалось причиной, сильно замедлявшей дальнѣйшій экономическій и культурный прогрессъ Великороссіи. Но это не все. Оно затрудняло, кромѣ того, ту историческую работу собиранія русскихъ земель, за которую уже рано принялась Москва, и которая до конца первой трети XVI в., вообще говоря, подвигалась впередъ очень быстро.

Собирая русскія земли, Московское государство столкнулось съ Литвою, которая тоже собирала Русь, и,—послѣ того, какъ пала независимость Галиціи,—собирала такъ успѣшно, что скоро въ Литовскомъ государствѣ стало преобладать русское,—хотя и не великорусское,—населеніе ¹⁾. «Объединеніе западно-русскихъ земель вокругъ Литвы было, въ сущности, возстановленіемъ разрушеннаго политическаго единства кievской эпохи,—говоритъ профессоръ М. К. Любавскій,—нахожденіемъ утраченнаго политическаго средоточія» ²⁾. По мнѣнію профессора Любавскаго, разница была только въ томъ, что это средоточіе помѣщалось теперь не на рѣкѣ Днѣпрѣ, а на рѣкѣ Виліи. Однако,—что хорошо видно, между прочимъ, и изъ его собственнаго изложенія,—разница была не только въ этомъ. Въ теченіе кievскаго періода попытка объединенія русскихъ земель дѣлалась исключительно силами русскаго населенія. Попытка эта кончилась неудачей, главнымъ образомъ, благодаря напору кочевниковъ. Послѣ того возникло два средоточія: одно въ бассейнѣ верхней Волги, другое—сначала въ Галиціи, а потомъ «на р. Виліи». Средоточіе «на рѣкѣ Виліи» отличалось отъ верхневолжскаго тѣмъ, что объединяло въ себѣ не однѣ только русскія силы. Силы эти сочетались въ немъ съ литовскими, которымъ, какъ извѣстно, принадлежалъ даже починъ объединенія. Это сочетаніе силъ двухъ различныхъ племенъ не обходилось безъ столкновеній между ними, особенно участвовавшихъ послѣ уніи Литвы съ Польшею въ концѣ XIV в. Литовскіе аристократы, опираясь на поддержку со стороны польскихъ, не безъ успѣха старались ослабить въ своихъ интересахъ государственное значеніе аристократіи бѣлорусской и малорусской. Москва воспользовалась этими столкновеніями для того,

¹⁾ Литовскіе князья считали себя законными наследниками всѣхъ земель Кievской Руси. Ольгердъ говорилъ прусскимъ рыцарямъ: *Omnis Russia ad Letwinos devet simpliciter pertinere*. (Проф. М. Грушевскій. Очеркъ исторіи украинскаго народа, стр. 155, примѣчаніе).

²⁾ «Очеркъ исторіи Литовско-русскаго государства до Люблинской уніи включительно», Москва 1910, стр. 33.

чтобы усилиться на счетъ Литвы. Тяготѣніемъ къ ней западно-русскихъ аристократовъ объясняются поразительные успѣхи Ивана III въ борьбѣ съ великими князьями литовскими, Казиміромъ и Александромъ. Тяготѣніе продолжалось и при сынѣ Ивана III. Но замѣчательно, что уже въ 1514 г. смоленская аристократія склоняется на сторону литовскаго короля. Не менѣе достойно замѣчанія и то, что сильнѣйшее пораженіе, испытанное тогда Москвою, было нанесено ей литовскимъ войскомъ подъ предводительствомъ православнаго западно-русскаго князя Константина Острожскаго. Карамзинъ чувствительно замѣчаетъ по этому поводу: «на другой день Константинъ торжествовалъ побѣду надъ своими единовѣрными братьями и русскимъ языкомъ славилъ Бога за истребленіе россіянь». Но радость Константина по случаю истребленія имъ единовѣрныхъ ему «россіянь», какъ и вся настойчивость этого князя въ борьбѣ съ Москвою, показываетъ, что уже тогда многіе западно-русскіе аристократы предпочитали литовскіе порядки московскимъ. Это нисколько не удивитъ насъ, если мы вспомнимъ, что, именно, въ эту эпоху московскіе служилые люди все больше и больше становились безправными «холопами» великаго князя, между тѣмъ, какъ служилое сословіе литовско-русскаго государства пріобрѣтало одну вольность за другою. Огромная разница общественно-политическаго положенія служилаго класса въ Москвѣ, съ одной стороны, и въ Литвѣ—съ другой едва ли не съ наибольшею яркостью обнаружилась во второй половинѣ XVI столѣтія, когда въ Москвѣ Иванъ Грозный своей причиною разбилъ боярское замлевладѣніе и окончательто превратилъ служилыхъ людей въ царскихъ холоповъ, между тѣмъ какъ въ Литвѣ Берестейскій сеймъ 1566 г. далъ шляхтѣ право безусловнаго распоряженія своимъ имуществомъ. И. И. Лаппо превосходно отбѣняетъ историческій смыслъ провозглашенія этого права. «Оно было,—говоритъ онъ,—знакомъ превращенія подданныхъ, владѣльцевъ земли, верховнымъ собственникомъ которой былъ великій князь, въ свободный народъ—въ собственника своей земли, своихъ «осѣдлостей». Изъ подданныхъ великаго князя, какъ лица, шляхта литовская, въ признаніи закона, обратилась въ подданныхъ государства и государя, какъ его главы»¹⁾. При этомъ отношеніе шляхты къ великому князю, какъ къ главѣ государства, опредѣлялось тѣмъ, что въ первомъ ряду ея полити-

¹⁾ «Великое княжество Литовское за время отъ заключенія Люблинской уніи до смерти Стефана Баторія (1569—1586)», томъ первый, Спб. 1901, стр. 518.—Какъ видимъ, въ приведенныхъ строкахъ выраженіе н а р о д ъ употребляется И. И. Лаппо, согласно старинному долго господствовавшему польско-литовскому обычаю, въ смыслѣ шляхетскаго сословія.

ческихъ правъ стояло право выбора себѣ государя. Само собою понятно, что западно-русская шляхта не могла не видѣть огромной выгоды своего положенія въ Литвѣ.

Дѣло было вовсе не въ томъ, что тотъ или другой московскій великій князь или царь склонялся къ тираніи: это могло быть сочтено за простую случайность. Дѣло было въ томъ, что при тогдашнихъ московскихъ порядкахъ служилый человѣкъ не могъ не быть рабомъ даже при государѣ, лично вовсе не склонномъ къ тираніи (въ родѣ того, какимъ былъ впоследствии «тишайшій» Алексѣй Михайловичъ). Вотъ это и оттолкнуло отъ Москвы высшій классъ литовской Руси. Исслѣдователи, жалующіеся на то, что классъ этотъ ополячился, забываютъ одно: прежнее тяготѣніе этого класса къ Москвѣ уступило мѣсто его отъ обращенію отъ нея значительно раньше, чѣмъ совершилось его ополяченіе. Въ XVI в. только немногіе представители западно-русской шляхты усвоили себѣ польскій языкъ. Третій Литовскій Статутъ, составленный въ царствованіе Стефана Баторія, требовалъ, подобно второму Статуту, чтобы земскій писарь «всѣ листы, выписы и позвы» писалъ «по руску, литерами и словы рускими». По замѣчанію И. И. Лапшю, «польскій языкъ и польскіе обычаи могли считаться принятыми литовской шляхтой лишь во второй половинѣ и въ концѣ XVII столѣтія, что выразилось и въ соaequatio iugium конца этого вѣка»¹⁾. Отворачиваясь отъ Москвы, западно-русская шляхта отвернулась въ то же время и отъ православія. Она стала увлекаться реформаціей. И нетрудно понять, что въ этомъ ея увлеченіи выражалась та же любовь къ «золотой вольности»: для нея, какъ и для польской шляхты, кальвинизмъ былъ средствомъ борьбы съ духовенствомъ²⁾.

Короче, общественно-политическіе порядки, восторжествовавшіе въ Москвѣ, убили всякое сочувствіе къ ней со стороны высшаго сословія единоплеменной литовской Руси, и тѣмъ толкнули это сословіе въ объятія Польши, которая была классической страной шляхетскихъ вольностей. Въ низшемъ сословіи литовско-русскаго населенія сочувствіе къ московскимъ единоплеменникамъ и единовѣрцамъ сохранилось на гораздо болѣе продолжительное время. Оно поддерживалось въ немъ борьбою съ ополя-

¹⁾ Назв. соч., стр. 227; ср. также стр. 81 и 231.

²⁾ Ср. И. И. Лапшю, назв. соч., стр. 232. До чего доходило увлеченіе кальвинизмомъ, показываетъ такой примѣръ: «въ новгородскомъ воеводствѣ изъ болѣе чѣмъ 600 шляхетскихъ домовъ греческой вѣры остались неувлеченными реформаціей лишь 16 мая еще менѣе». (И. И. Лапшю, тамъ же, стр. 235). Замѣчу отъ себя, что это увлеченіе подготовляло будущее торжество католицизма надъ православіемъ.

ченной и окатоличенной западно-русской шляхтой. Но и въ немъ это сочувствіе подвергалось жестокому испытанію въ случаяхъ близкаго соприкосновенія съ представителями московской администраціи, т. е. знаменитой «московской волокиты». Когда началась, въ XVII в., война съ Польшею изъ-за Малороссіи, «бѣлоруссы сами призывали великоруссовъ, сносились съ ними, измѣняли полякамъ, но какъ только они почувствовали на себѣ тяжесть московскаго управленія, они очутились въ безвыходномъ положеніи и начали мало-по-малу снова тянуть къ Польшѣ»¹⁾. Мѣстами отношенія между бѣлоруссами и великоруссами обострялись до того, что, напримѣръ, могилевцы перебили московскій гарнизонъ. Это объясняетъ намъ, почему война, первоначально веденная въ Бѣлоруссіи съ такимъ блистательнымъ успѣхомъ, потомъ привела къ неудачѣ; и почему,—какъ замѣчаетъ г. Довнаръ-Запольскій,—соединеніе Великой Россіи съ Бѣлоруссіей не могло произойти при Алексѣѣ Михайловичѣ²⁾.

Совершенно то же видимъ и въ Малороссіи. Казацкая старшина сначала охотно идетъ «подъ высокую руку» московскаго царя, а потомъ, отвѣдавъ московскихъ порядковъ, опять начинаетъ тянуть къ Польшѣ. Благодаря этому, правобережная Украина оказывается надолго потерянной для русскаго государства.

Петровская реформа дала этому государству матеріальную силу, необходимую для продолженія московской политики собиранія русскихъ земель. Петербургъ почти додѣлалъ то, чего не могла додѣлать Москва. Онъ объединилъ все русскія земли, за исключеніемъ Галичины и Угорской Руси. Но ополяченная часть населенія западной Россіи сохранила, а, можетъ быть, даже усилила свои польскія симпатіи. Она не принимала никакого участія въ духовной жизни Руси петербургскаго періода, болѣе или менѣе дѣятельно стремясь къ возстановленію старой «Рѣчи Посполитой» или хотя бы только мечтая о такомъ возстановленіи. Настроенная временами очень революціонно, она не принимала, однако, никакого участія ни въ литературныхъ, ни въ политическихъ движеніяхъ русскаго «общества», опять сдѣлавшагося болѣе доступнымъ для западно-европейскаго вліянія со времени реформы Петра, а особенно съ конца XVIII вѣка. Это не могло не уменьшать быстроты культурнаго движенія въ теченіе петербургскаго періода. Получалось вотъ что.

Присоединивъ къ своему государству западно-русскія земли, петербургское правительство не только увеличило этимъ силу

¹⁾ М. В. Довнаръ-Запольскій. Исслѣдованіе и статьи, т. I. Кіевъ 1909, стр. 335.

²⁾ См. тамъ же, стр. 336.

Сергій Михайлович Соловьевъ.

своего сопротивленія возможному внѣшнему непріятелю. Оно, кромѣ того, упрочило свою позицію въ борьбѣ съ тѣми мыслящими элементами, которые понемногу начинали такъ или иначе выступать противъ господствовашаго въ Россіи всесторонняго крѣпостничества. Между тѣмъ, почва, на которой выростали эти оппозиціонные элементы, ограничивалась лишь частью русскаго государства, такъ какъ другая его часть жила не русскими, а польскими духовными интересами. Русское государство оказывалось относительно болѣе бѣднымъ культурными и оппозиціонными силами, чѣмъ оно было бы при другихъ условіяхъ своего развитія. Такимъ образомъ, почти dokonченное Петербургомъ, собираніе русскихъ земель измѣнило соотношеніе общественныхъ силъ въ Россіи не въ пользу прогресса, а въ пользу застоя. Эта, неблагоприятная для прогресса, перемѣна въ соотношеніи общественныхъ силъ явилась какъ бы историческимъ наказаніемъ всего русскаго народа за то, чѣмъ погрѣшила собственно только великорусская его часть: за продолжительное господство въ Москвѣ общественно-политическаго строя, свойственнаго восточнымъ деспотіямъ. Разумѣется, такъ было только до тѣхъ поръ, пока центр тяжести русской культурной жизни оставался въ предѣлахъ высшаго общественнаго сословія, потому что только это сословіе тяготѣло въ западной Россіи, къ Польшѣ. Но русская культура очень долго оставалась почти исключительно дворянской культурой.

Ниже, разсматривая различныя направленія русской общественной мысли, мы увидимъ, какъ мучительно сознавалось болѣе выдающимися ея представителями неблагоприятное для прогресса соотношеніе русскихъ общественныхъ силъ. Я считалъ поэтому нелишнимъ отмѣтить здѣсь то обстоятельство, которое, несомнѣнно, укрѣпляло неблагоприятный характеръ этого соотношенія, а въ то же время совершенно упускалось изъ виду историками нашего общественнаго развитія.

Кромѣ того, ополяченіе наиболѣе образованныхъ элементовъ западно-русскаго населенія было фактомъ, значительно осложнившимъ вопросъ о польско-русскихъ отношеніяхъ въ Россіи. Такъ какъ намъ, конечно, надо будетъ говорить, между прочимъ, и объ этомъ вопросѣ,—съ которымъ пришлось считаться уже декабристамъ,—то нельзя было оставить безъ анализа соціально-политическія причины, породившія названный фактъ ополяченія. Послѣ сказаннаго ясно, что у насъ нѣтъ никакого основанія сваливать на поляковъ отвѣтственность за этотъ фактъ.

XX.

Предыдущее изложеніе, надѣюсь, достаточно показало читателю, въ какой мѣрѣ можетъ быть признана правильной та мысль Соловьева, что ходъ событій постоянно подчинялся у насъ, какъ и вездѣ, природнымъ условіямъ. Относительное своеобразіе русскаго историческаго процесса, въ самомъ дѣлѣ, объясняется относительнымъ своеобразіемъ той географической среды, въ которой пришлось жить и дѣйствовать русскому народу. Ея вліяніе было чрезвычайно велико. Однако, оно было чрезвычайно велико единственно потому, что относительное своеобразіе природныхъ условій опредѣлило собою относительно своеобразный ходъ русскаго экономическаго развитія, въ результатъ котораго явился не менѣе своеобразный социально-политическій строй Московскаго государства. При этомъ Соловьевъ недостаточно оцѣнилъ относительное своеобразіе московскаго общественно-политическаго быта. Описывая борьбу русскихъ племенъ съ азіатскими кочевниками, онъ говоритъ, между прочимъ: «отъ сороковыхъ годовъ XIII вѣка до исхода XIV берутъ перевѣсъ азіатцы въ лицѣ монголовъ; съ конца же XVI вѣка пересиливаетъ Европа, въ лицѣ Россіи» ¹⁾. Но мы видѣли, что когда осѣдлая русская Европа получила возможность справиться съ кочевой Азіей, то ея собственныя общественно-политическія отношенія оказались очень похожими на тѣ, которыя господствовали въ азіатскихъ деспотіяхъ. Стало быть, Европа побѣдила «азіатцевъ» лишь потому, что сама сдѣлалась Азіей. Въ дѣйствительности, та побѣда надъ «азіатцами», которую отмѣчаетъ здѣсь Соловьевъ, совсѣмъ не безпримѣрна и въ исторіи Востока. Земледѣльческое населеніе и тамъ оказывалось сильнѣе кочевниковъ, послѣ того, какъ ему удавалось объединить свои силы въ большихъ деспотическихъ государствахъ. Особенность русскаго историческаго процесса,—на этотъ разъ в ы г о д н а я для прогресса особенность,—заключается здѣсь въ томъ, что послѣ того, какъ осѣдлая русская Европа весьма значительно уподобилась осѣдлой Азіи, ея общественное развитіе стало очень медленно, но неизмѣнно поворачиваться въ сторону европейскаго Запада. Собственно азіатскія государства только съ половины XIX вѣка стали давать намъ, хотя бы въ лицѣ Японіи, примѣры подобнаго поворота въ сторону европеизаціи.

Но Соловьевъ не ограничивается изученіемъ вліянія кочевниковъ на ходъ событій въ русской исторіи. Попутно онъ выдвигаетъ еще другой вопросъ, не менѣе интересный. Онъ пишетъ:

¹⁾ «Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ», книга первая, стр. 10.

«Природа страны условила еще другую борьбу для государства, кромѣ борьбы съ кочевниками: когда государство граничитъ не съ другимъ государствомъ и не съ моремъ, но соприкасается со степью, широкою и вмѣстѣ привольною для житья, то для людей, которые по разнымъ причинамъ не хотятъ оставаться въ обществѣ, или принуждены оставить его, открывается путь къ выходу изъ государства и пріятная будущность—свободная, разгульная жизнь въ степи. Вслѣдствіе этого южныя степныя страны Россіи, по теченію большихъ рѣкъ, издавна населялись казачьими толпами, которыя, съ одной стороны, служили пограничною стражею для государства противъ кочевыхъ хищниковъ, а съ другой, признавая только на словахъ зависимость отъ государства, нерѣдко враждовали съ нимъ, иногда были для него опаснѣе самихъ кочевыхъ ордъ. Такъ Россія, вслѣдствіе своего географическаго положенія, должна была вести борьбу съ жителями степей, съ кочевыми азіатскими народами и съ казаками, пока не окрѣпла въ своемъ государственномъ организмѣ и не превратила степи въ убѣжище для гражданственности» ¹⁾.

Спора нѣтъ: только благодаря указаннымъ здѣсь особенностямъ географической среды и возможно было возникновеніе казачества. Правъ Соловьевъ и въ томъ, что казаки были для русскаго государства подчасъ опаснѣе самихъ кочевыхъ ордъ. Однако, этими указаніями еще не исчерпывается вопросъ о роли казачьихъ удалцовъ въ исторіи русскаго общественнаго развитія. А такъ какъ онъ сильно интересовалъ когда-то нашихъ народниковъ, то намъ приходится досказать то, чего не досказалъ покойный историкъ.

По его словамъ, казачество составилось изъ такихъ людей, которые по разнымъ причинамъ не хотѣли оставаться въ обществѣ или должны были уйти изъ него. Но между этими разными причинами легко замѣтить одну, самую важную: тяжелое, а иногда и прямо невыносимое положеніе низшаго класса, изъ котораго, главнымъ образомъ, и вербовалось казачество. Мы видѣли, что возраставшее запустѣніе государственнаго центра вынудило московское правительство прикрѣпить крестьянъ и посадскихъ людей къ мѣсту ихъ жительства. Человѣкъ, которому становилась невыносимой его жизнь на крѣпостной цѣпи, имѣлъ передъ собой только одинъ выходъ: побѣгъ. А такъ какъ московское правительство ловило бѣглыхъ и, учинивъ имъ надлежащее наказаніе, снова сбавало ихъ на цѣпь, то имъ нужно было скрываться «за предѣлы досягаемости», иначе сказать—за границу Московскаго государства. Вотъ тутъ-то и выручали ихъ «южныя степныя страны

¹⁾ Такъ же, стр. 10—11.

Россіи по теченію большихъ рѣкъ». Чѣмъ больше возрасталъ гнетъ, лежавшій на низшемъ классѣ Московскаго государства, тѣмъ больше являлось побужденій для побѣга, и тѣмъ многочисленнѣе становилось населеніе по берегамъ казачьихъ рѣкъ, т.-е. Дона и Яика, Волги и Терека. А чѣмъ многочисленнѣе становилось населеніе этихъ мѣстностей, тѣмъ болѣе сильный отпоръ могло оно давать Москвѣ, когда та показывала намѣреніе поставить его подъ свою «высокую руку». Мало того. Предпріимчивые, подвижные, по необходимости воинственные, казаки временами переходили въ наступленіе, и тогда они дѣйствительно становились для Москвы опаснѣе, чѣмъ «кочевыя орды», которыя, впрочемъ, нерѣдко выступали ихъ союзниками въ борьбѣ съ нею. Они много причинили ей хлопотъ въ Смутное время, хорошо «тряхнули ею» въ царствованіе Алексѣя Михайловича (Ст. Разинъ), а потомъ не на шутку перепугали и Петербургъ въ царствованіе Екатерины II (Е. Пугачевъ). Ихъ сила заключалась въ недовольствѣ закрѣпощеннаго населенія. Крестьянскіе и посадскіе люди видѣли въ нихъ мстителей за народное горе. Описывая движеніе сторонниковъ Разина, самъ Соловьевъ такъ характеризуетъ отношеніе къ нему народа: «Заслышавъ приближеніе этихъ воровскихъ шаекъ въ городахъ, чернь бросалась на воеводъ и на приказныхъ людей, впускала въ городъ казаковъ, принимала атамана вмѣсто воеводы, вводила казачье устройство»¹⁾. А это значитъ, что казачество, даже когда оно шло противъ русскаго государства, не могло быть отнесено къ одному разряду съ его внѣшними врагами. Вражда казачества направлялась преимущественно противъ угнетателей народа. По этой причинѣ народныя пѣсни и величали казаковъ «удалыми, добрыми молодцами», и по той же причинѣ казацкія движенія были такъ сильно идеализированы впослѣдствіи нашими народниками. Теоретики народничества видѣли въ Разинѣ, Булавинѣ и Пугачевѣ воплощеніе народнаго протеста и народныхъ революціонныхъ стремленій. Но они, въ свою очередь, ошибались. Казаки жестоко мстили московскимъ бюрократамъ за народное угнетеніе. Однако, возставая противъ него, они, въ лучшемъ случаѣ, могли бы только разрушить существовавшій общественно-политическій порядокъ. Они неспособны были замѣнить его новымъ.

Чтобы замѣнить его новымъ, они должны были бы нести съ собою новый способъ производства, а въ томъ быту, который они создали въ своихъ привольныхъ степяхъ, на новый способъ производства не было даже и намека. И разрушенный ими общественно-политическій порядокъ постепенно восстанавливался бы по мѣрѣ

¹⁾ «Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ», книга третья, стр. 314.

того, какъ населеніе убѣждалось бы въ невозможности оставлять неудовлетворенными тѣ общественно-политическія нужды, которыми былъ нѣкогда вызванъ къ жизни этотъ порядокъ. Можно съ увѣренностью прибавить, что поскольку казаки продолжали бы стоять во главѣ народа, они сами должны были бы взяться за восстановленіе того, что имъ удалось бы разрушить. Не мѣшаетъ напомнить, какъ излагаетъ патріархъ Гермогенъ содержаніе тѣхъ «воровскихъ листовъ», съ которыми обращались въ Смутное время казаки Болотникова къ закрѣпощенному классу населенія. По его словамъ, они внушали этому классу «всякія злыя дѣла на убіеніе и на грабежъ». Какая же была цѣль этихъ злыхъ дѣлъ? Патріархъ говоритъ, что авторы листовъ «велятъ боярскимъ холопамъ побивать своихъ бояръ и жены ихъ, и вотчины, и помѣстья имъ сулятъ; и шпынямъ и безымянникомъ—воромъ велятъ гостей и всѣхъ торговыхъ людей побивати и животы ихъ грабити; и призываютъ ихъ воровъ къ себѣ и хотятъ имъ давати боярство, и воеводство, и скольничество, и дьячество» ¹⁾. Очень легко понять, что нельзя было бы наградить возставшихъ боярскихъ холоповъ вотчинами и помѣстьями, не восстановивъ подневольнаго земледѣльческаго труда, которымъ, главнымъ образомъ, и вызывалось крестьянское недовольство. Весьма вѣроятно, что патріархъ Гермогенъ мало заботился о дословной точности въ передачѣ содержанія «воровскихъ листовъ». Но врядъ ли можно усомниться въ томъ, что онъ точно уловилъ ихъ общій духъ. Въ доказательство можно сослаться на малороссійское казачество, судьба котораго отличается отъ судьбы великорусскаго только тѣмъ, что ему удалось то, чего никогда не удавалось этому послѣднему: добиться хотя бы частичной побѣды. «Кто козакъ—будетъ вольность козацкую имѣть, а кто пашенный крестьянинъ—тотъ будетъ должность обыкшую царскому величеству отдавать»,—такъ говорилъ Богданъ Хмельницкій въ одной изъ договорныхъ статей, предложенныхъ имъ московскому правительству въ 1654 году. А послы «козацкаго батька» выпрашивали у московскаго правительства для себя грамоты на имѣнія «и домогались, чтобы въ нихъ было специально упомянуто о неограниченныхъ правахъ ихъ надъ крестьянами, какіе окажутся въ этихъ имѣніяхъ, или будутъ ими наново поселены» ²⁾. Получалось нѣчто, отчасти похожее на то, что имѣло иногда мѣсто въ античномъ мірѣ. Извѣстно, что въ нѣкоторыхъ античныхъ городахъ-государствахъ возставшимъ рабамъ удалось побѣдить своихъ бывшихъ господъ. Но, оказавшись побѣдителями, бывшіе рабы сами обращались къ

¹⁾ Проф. С. О. Платоновъ. Очерки по исторіи смуты, стр. 305.

²⁾ Проф. Грушевскій. Очеркъ исторіи украинскаго народа, стр. 281.

рабскому труду и сами становились рабовладѣльцами. Проф. Грушевскій говоритъ о малороссійскомъ казачествѣ: «оно смотрѣло на себя, какъ на высшее, привилегированное сословіе. Хотя оно боролось противъ польскаго шляхетскаго режима, но въ его представленіи общественныя отношенія укладывались не иначе, какъ по типу того же сословнаго государства, Польши прежде всего, въ порядкахъ которой они выросли» ¹⁾. Но не сознаніе опредѣляетъ собою бытіе, а бытіе опредѣляетъ собою сознаніе. Для того, чтобы въ представленіи казаковъ общественныя отношенія сложились не по типу сословнаго государства, нужна была личность совсѣмъ другого способа производства. А это необходимое условіе тогда совершенно отсутствовало. И потому,—говоря словами того же проф. Грушевскаго,—«начиная съ Хмельницкаго и кончая послѣднимъ украинскимъ демагогомъ Петрикомъ (конца XVII в.), украинская интеллигенція вообще и казацкая старшина специально не представляла себѣ общественнаго строя безъ сословныхъ привилегій, безъ подданныхъ и господъ, и ихъ чувство оскорблялось только тѣмъ, что господами были поляки, люди чужой народности и вѣры, или тѣмъ, что претендовали на панство люди худородные, незаслуженные» ²⁾. Между тѣмъ малорусское казачество было значительно культурнѣе великорусскаго, потому что западная Русь была тогда развитѣе въ экономическомъ отношеніи. Принявъ во вниманіе все это, мы увидимъ, какъ естественно было то, что, напр., въ 1611 г. московскіе люди, шедшіе на выручку Москвы, предлагали тѣмъ казакамъ, которые давно служатъ Московскому государству, «вертаться помѣстными и денежными оклады и служить съ города» ³⁾. Великорусскихъ казаковъ отнюдь не могло удивить такое предложеніе, такъ какъ и въ ихъ головахъ служба государству связывалась съ тою же мыслью о неизбѣжности подчиненія крестьянства служилому классу, какая сидѣла въ головахъ малороссійской казацкой старшины. Но, именно, потому надо признать, что, какъ бы ни было велико потрясеніе государственнаго организма, вызывавшееся тѣмъ или другимъ крупнымъ казацкимъ возстаніемъ, революціоннаго въ такомъ возстаніи было всегда очень мало. Не говорю: не было совсѣмъ. Поднимая противъ государства угнетенный классъ, казачество тѣмъ самымъ будило его сознаніе и дѣлало его болѣе готовымъ и болѣе способнымъ постоять за себя противъ своихъ угнетателей. Вслѣдствіе этого, въ процессѣ возстановленія имъ же раз-

¹⁾ Тамъ же, стр. 280.

²⁾ Тамъ же, стр. 280—281.

³⁾ С. О. Платоновъ, назв. соч., стр. 481, сравни также стр. 483.

рушеннаго общественно-политическаго порядка, казачеству пришлось бы до известной степени считаться съ народною массою и сдѣлать ей нѣкоторыя уступки. Недаромъ послы Хмельницкаго, вернувшись на Украину, держали до поры до времени въ секретѣ тѣ грамоты, которыя были имъ выданы въ Москвѣ, и которыми закрѣпоцались ихъ крестьяне ¹⁾. Но какъ бы тамъ ни было, существенныхъ перемѣнъ казачество рѣшительно не могло принести въ случаѣ своего торжества по той очевидной причинѣ, что оно своими движеніями отнюдь не подготовляло торжества новаго способа производства.

Если мы сравнимъ казачія возстанія съ освободительнымъ движеніемъ городскихъ общинъ и третьяго сословія въ передовыхъ странахъ европейскаго Запада, то замѣтимъ новый,—и опять очень значительный,—«европейскій недочетъ» въ русской исторіи. Городскія общины и третье сословіе западныхъ странъ, борясь съ феодализмомъ и съ пережитками феодальныхъ отношеній, дѣлали какъ разъ то историческое дѣло, выполненіе котораго не могло выпасть на долю казаковъ: они подготовляли торжество новаго способа производства, новыхъ производственныхъ отношеній, а потому и новаго общественно-политическаго порядка. Въ этомъ смыслѣ и была,—въ отличіе отъ казачьей,—революціонна ихъ освободительная борьба съ государствомъ.

Объясненіе этого «европейскаго недочета» въ нашей исторіи опять находится въ томъ, что исторія Россіи была исторіей страны, колонизовавшейся при условіяхъ натурального хозяйства. Въ передовыхъ странахъ Запада недовольные элементы, уходившіе изъ деревень, скоплялись въ городахъ, такъ какъ больше имъ податься было некуда. Въ городахъ возникали новыя экономическія отношенія, изъ нихъ, какъ изъ центра, распространялось въ странѣ денежное хозяйство. Наши недовольные элементы бѣжали въ степь, гдѣ хозяйственная жизнь по необходимости являлась еще гораздо болѣе отсталой, нежели въ центральныхъ мѣстностяхъ Московскаго государства. Такимъ образомъ, на Западѣ эти элементы были незамѣнимыми элементами прогресса, а у насъ казачество явилосѣ чѣмъ-то въ родѣ клапана, предохранявшаго старый порядокъ отъ взрыва. Протестъ казаковъ былъ исторически бесплоденъ, и, въ концѣ концовъ, они превратились въ орудіе угнетенія той самой народной массы, изъ которой они когда-то вышли, и которая величала ихъ «добрыми молодцами», любясь ихъ удалыми подвигами, какъ выраженіемъ своего собственнаго протеста... Проф. С. Ѳ. Платоновъ нашелъ интересную отмѣтку о донскихъ казакахъ

¹⁾ Проф. Грушевскій, назв. соч., стр. 281.

отъ 22 декабря 1613 г., т.-е. отъ того времени, когда, несмотря на избраніе Михаила Ѳедоровича, Смута далеко еще не была окончена. Отмѣтка гласитъ, что «они-де во всемъ царскому величеству послушны и на всякихъ государевыхъ недруговъ стоятъ готовы» ¹⁾. Конечно, отмѣтка слишкомъ сгущала краски. Донскіе удалыцы еще не одинъ разъ сами превращались потомъ въ «государевыхъ недруговъ». Но, какъ сказано, ихъ общественный протестъ вышелъ исторически безплоднымъ. А ихъ служба государству, въ концѣ концовъ, сдѣлала ихъ однимъ изъ удобнѣйшихъ орудій борьбы реакціи съ истинно-освободительнымъ движеніемъ народа. Такъ что въ послѣднемъ счетѣ исторія вполне оправдала отмѣтку.

Западная Европа не имѣла ничего подобнаго казачеству. Даже австрійская Военная Граница была совсѣмъ непохожа на него по своему происхожденію и по своему общественному значенію. Потому-то западному европейцу до сихъ поръ такъ трудно составить себѣ сколько-нибудь правильное представленіе о казакахъ. Но въ другихъ частяхъ свѣта существовало свое казачество.

«Подобно бѣглымъ неграмъ Суринама, нѣкогда столь опаснымъ для голландцевъ, бѣглые рабы Занзибара образовали что-то въ родѣ Либеріи между горою Ёмбо и Шимбалійскою частью береговой горной цѣпи. Они нападаютъ на караваны, идущіе прямымъ путемъ изъ Момбаса въ Узумбару, и успѣшно сопротивляются нападеніямъ Муазаньомбе,—такъ называется одно изъ подраздѣленій племени Вуадиго,—султанъ которыхъ смотритъ на нихъ какъ на своихъ подданныхъ. Судя по рассказамъ арабовъ, есть еще маленькая республика того же происхожденія въ окрестностяхъ Гулуана... путешественники съ ужасомъ говорятъ о насиліяхъ и жестокости населяющихъ ее бѣглецовъ» ²⁾.

Африканскіе и южно-американскіе (суринамскіе) бѣглецы, это—черные казаки, протестовавшіе противъ бѣлыхъ рабовладѣльцевъ и черныхъ «самовластцевъ». Но ихъ протестъ былъ такъ же непроизводителенъ въ смыслѣ прогресса общественныхъ отношеній, какъ и протестъ бѣлыхъ казаковъ русскаго происхожденія.

XXI.

Закрѣпощеніе государствомъ всѣхъ слоевъ русскаго населенія было, какъ мы видѣли, результатомъ «инертности народнаго хозяйства», въ свою очередь, вызванной причинами, возвращаться къ которымъ здѣсь было бы совершенно излишне. Разъ возникнувъ,

¹⁾ Назв. соч., стр. 601, примѣч. 252.

²⁾ Voyage aux grands Lacs d'Afrique orientale, par le capitaine Burton, Paris, 1862, p. 672.

закрѣпощеніе это само стало причиной, замедлявшей экономическое развитіе Россіи. Однако, оно не остановило, да и не могло остановить его. Денежное хозяйство развивалось въ странѣ медленно, но неуклонно. Прежде натуральный характеръ русскаго народнаго хозяйства велъ къ тому, что даже посадскіе люди, промышлявшіе «торжишкомъ», уплачивали хлѣбомъ нѣкоторыя, причитавшіеся съ нихъ, сборы. Во второй половинѣ XVII в. развитіе «торжишка» привело къ тому, что такой способъ уплаты становился для нихъ затруднительнымъ. Въ 1673 г. приказано было взимать съ посадскихъ людей деньги взаменъ, такъ называемаго, стрѣлецкаго хлѣба ¹⁾. Эти успѣхи денежнаго хозяйства создавали экономическую основу для будущей реформы Петра, программа которой, по превосходнѣйшему замѣчанію Ключевскаго, «была вся готова еще до начала дѣятельности преобразователя», а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ шла «даже дальше того, что онъ едѣлалъ» ²⁾. Такъ, уже въ XVII в. московское правительство начало преобразовывать свою армію, все болѣе и болѣе дополняя старую дворянскую конницу полками «иноземнаго строя». Но по мѣрѣ того, какъ возрастало число такихъ полковъ,—а оно и тогда уже возрастало довольно быстро,—росли денежные расходы правительства на армію. При Петрѣ дѣло дошло до того, что прекратилась раздача помѣстій, такъ какъ основнымъ вознагражденіемъ за службу стало при немъ денежное жалованье, а не помѣстное. «При Петрѣ и въ послѣдующія царствованія служащіе нерѣдко получали земли, населенныя имѣнія, но уже не для обезпеченія службы, какъ прежде раздавались помѣстья, а въ видѣ особой награды за службу и не въ условное владѣніе, а въ собственность на томъ же основаніи, какъ ранѣе раздавались выслуженныя, жалованныя вотчины» ³⁾.

Вопреки тому, что говорили о немъ славянофилы, Петръ своей преобразовательною дѣятельностью вовсе не шелъ противъ общаго теченія русской исторической жизни. Но его царствованіе было одной изъ тѣхъ, совершенно неизбѣжныхъ въ процессѣ социальнаго развитія, эпохъ, когда постепенно накопляющіяся количественныя измѣненія превращаются въ качественные. Такое превращеніе всегда совершается посредствомъ скачковъ, которые при недостаткѣ освѣдомленности или вдумчивости кажутся внезапными, т.-е. совершенно лишенными надлежащей органической подготовки. Подобнымъ оптическимъ обманомъ и объясняются обильно сыплющіеся на главныхъ дѣятелей такихъ эпохъ упреки

¹⁾ См. назв. соч. г. А. Лаппо-Данилевскаго, стр. 169.

²⁾ «Курсъ», ч. III, стр. 473.

³⁾ Н. П. Павловъ-Сильванскій, «Государевы служилые люди», стр. 235.

въ невниманіи къ предшествовавшему ходу общественнаго развитія. «Первоочередное преобразовательное дѣло Петра» (выраженіе проф. Ключевскаго),—реформа арміи—издавна готовилась умноженіемъ полковъ «иноземнаго строя». Однако, и это дѣло совершилось при Петрѣ посредствомъ скачка, потому что постепенныя измѣненія въ организациі военной силы привели къ тому, что количество могло и должно было перейти въ качество. Своей реформой арміи Петръ сдѣлалъ то самое дѣло, которое очень задолго до него выполнили въ своей странѣ французскіе короли. И совершенно такъ же, какъ во Франціи, реформа арміи внесла у насъ новый смыслъ въ отношеніе высшаго класса къ землѣ. Прежде смыслъ заключался въ томъ, что землевладѣніе давало высшему классу возможность нести военную службу. Теперь, когда классъ этотъ сталъ получать за свою службу денежное, а не земельное «жалованье», онъ долженъ былъ или перестать владѣть землею или владѣть ею уже на какомъ-то новомъ основаніи. Перестать владѣть ею было очень невыгодно для него, и онъ избѣжалъ такого невыгоднаго оборота дѣла, воспользовавшись своимъ положеніемъ высшаго класса, съ интересами котораго не могло не считаться даже деспотическое правительство. Къ тому же экономическое разореніе этого класса, изъ котораго продолжали вербоваться главные служилые элементы, было не въ интересахъ государства. Поэтому Петровская реформа и тутъ совершила лишь то, что было подготовлено предшествовавшимъ ходомъ русскаго общественнаго развитія. Уже въ XVII в. помѣстья постепенно сливались съ вотчинами. Закономъ 1714 г. о единонаслѣдіи Петръ довершилъ это сляніе, сравнивъ помѣстья съ вотчинами подъ общимъ именемъ недвижимыхъ имуществъ. Законъ о единонаслѣдіи не понравился русскому дворянству, и оно добилось его отмѣны при Аннѣ Ивановнѣ. Но тотъ же самый указъ, который отмѣнялъ его, предписывалъ «впредь какъ помѣстья, такъ и вотчины именовать одно недвижимое имѣніе, вотчина». Отъ этого пріобрѣтенія ни за что не захотѣло бы отказаться русское дворянство. Характерно, что оно подтверждено было, именно, той императрицей, которой дворянство помогло удержать въ своихъ рукахъ самодержавную власть вопреки замысламъ «верховниковъ». И та же императрица, указомъ 31 декабря 1736 г., ограничила срокъ обязательной службы дворянъ 25-ю годами, предоставивъ, кромѣ того, отцамъ право удерживать одного изъ своихъ сыновей дома для хозяйства. Этимъ положено было начало раскрѣпощенію русскаго служилаго класса, который именовался тогда шляхетствомъ. Указъ 1736 г. такъ обрадовалъ дворянъ, что тѣ изъ нихъ, которые выслужили срокъ, стали во множествѣ выходить въ отставку, вслѣдствіе чего правитель-

ство вынуждено было дать указу ограничительное толкованіе. Но этимъ процессъ раскрѣпощенія былъ только пріостановленъ, да и то не надолго. Ограничительное толкованіе было отмѣнено Елизаветой, а Петръ III манифестомъ 18 февраля 1762 г. далъ «всему російскому благородному дворянству вольность и свободу». Вольность и свобода были, 23 года спустя, подтверждены Екатериной II: ся жалованная грамота дала дворянамъ права внутренняго сословнаго самоуправленія и позволила имъ дѣлать черезъ своихъ депутатовъ представленія Сенату и верховной власти. Все это дополнялось весьма пріятными для дворянства постановленіями: «тѣлесное наказаніе да не коснется благороднаго», и «да не судится благородный окромѣ своими равными». Дворянство недаромъ любило матушку Екатерину: матушка привела процессъ дворянскаго раскрѣпощенія къ благополучному концу. О настоящихъ политическихъ правахъ дворянство не мечтало, да, какъ увидимъ, и не могло мечтать.

Общественно-политическій бытъ русскаго государства представлялъ собою какъ бы двухъярусное зданіе, въ которомъ закрѣпощеніе обитателей нижняго яруса оправдывалось закрѣпощеніемъ обитателей верхняго: крестьянинъ и посадскій человѣкъ были закрѣпощены для того, чтобы дать дворянину экономическую возможность нести свою крѣпостную службу государству. Но классъ, въ рукахъ котораго сосредоточивается выполненіе важнѣйшихъ общественныхъ функцій, не преминетъ воспользоваться этимъ, во-первыхъ, для того, чтобы увеличить свою власть надъ низшимъ классомъ, а, во-вторыхъ, для того, чтобы облегчить себѣ исполненіе своихъ общественныхъ обязанностей. Такъ и поступило русское дворянство. Оно постепенно увеличило свою власть надъ крестьянствомъ и постепенно раскрѣпостило самого себя. Ему тѣмъ легче было сдѣлать и то и другое, что военная сила государства была въ его рукахъ.

Реформируя свою армію, Петръ для заполнения офицерскихъ мѣстъ, разсчитывалъ преимущественно на дворянство. Но онъ хотѣлъ, чтобы производимые въ офицеры дворяне знали «съ фундамента солдатское дѣло». Указы 1714 и 1719 гг. требовали, «чтобы изъ дворянскихъ породъ и иныхъ со стороны отнюдь въ офицеры не писать, которые не служили солдатами въ гвардіи» ¹⁾. Благодаря этому, наши первые гвардейскіе полки были наполнены рядовыми изъ дворянъ, исполнявшими всѣ обязанности нижнихъ чиновъ. Но по той же причинѣ петербургскіе «самовластцы» оказались въ полной зависимости отъ одѣтыхъ въ солдатскіе мундиры дворянъ.

¹⁾ Павловъ-Сильванскій, назв. соч., стр. 240.

Биронъ былъ по своему исполнѣ правъ, не любя дворянской гвардіи и величая гвардейскихъ дворянъ янычарами: «Почти все правительства, смѣнявшіяся со смерти Петра I до воцаренія Екатерины II, были дѣломъ гвардіи; съ ея участіемъ въ 37 лѣтъ при дворѣ произошло пять-шесть переворотовъ. Петербургская гвардейская казарма явилась соперницей Сената и Верховнаго Тайнаго Совѣта, преемницей московскаго Земскаго Собора»¹⁾. Можно сказать даже больше: въ теченіе нѣкотораго времени петербургское самодержавіе было de facto ограничено саблей гвардейскаго офицера и штыкомъ гвардейскаго солдата. Но ограниченіе не могло быть прочнымъ. Достаточно было передать гвардейскій штыкъ въ крестьянскія руки, чтобы и на дѣлѣ возстановить самодержавіе во всей его полнотѣ. Классовыя отношенія въ тогдашней Россіи были таковы, что она рѣшительно не могла сдѣлаться дворянски-республиканскою страной, какою была Польша, а должна была оставаться страной абсолютной монархіи.

Современникъ Петра, Иванъ Посошковъ, самъ происходившій изъ крестьянскаго званія, выразилъ общее крестьянское убѣжденіе, сказавъ въ своей «Книгѣ о скудости и о богатствѣ»: «крестьянамъ помѣщики невѣковые владѣльцы; того ради они не весьма ихъ и берегутъ, а прямой ихъ Владѣтель Всероссійскій Самодержецъ, а они владѣютъ временно». Посошковъ совѣтовалъ царскимъ указомъ предписать, «чтобы крестьяне крестьянами были прямыми, а не нищими; понеже крестьянское богатство—богатство царственное»²⁾. Такъ думало крестьянство еще при Петрѣ, т. е. тогда, когда обязательная служба дворянъ еще не была отмѣнена. Въ этой службѣ они видѣли единственное оправданіе своего временнаго закрѣпощенія помѣщикамъ. Когда дворяне были раскрѣпощены, крестьяне рѣшили, что теперь очередь за ними, такъ какъ теперь ихъ временно-подневольный трудъ лишился всякаго смысла. Либеральная Екатерина вынуждена была разувѣрять ихъ въ этомъ. Тотчасъ же по своему вступленіи на престолъ она объявила, что намѣрена „помѣщиковъ при ихъ имѣніяхъ и владѣніяхъ ненарушимо сохранять и крестьянъ въ должномъ имъ повиновеніи содержать“. Но это не разбѣдило крестьянъ, они не переставали ждаты воли, и почти каждый новый государь долженъ былъ повторять, что уничтоженіе крѣпостнаго права не входитъ въ программу его царствованія. Крестьяне заносили эти повторенія въ счетъ помѣщиковъ. Они хорошо понимали, что помѣщики всеми мѣрами противятся и должны

¹⁾ Ключевскій, «Курсы», ч. 4-я, стр. 352.

²⁾ «Книга о скудости и о богатствѣ», съ предисловіемъ А. А. Кизеветтера. Москва 1911, стр. 78—79.

противиться ихъ освобожденію. Чѣмъ больше они стремились къ нему, тѣмъ больше ненавидѣли помѣщиковъ. А ихъ ненависть къ помѣщикамъ упрочивала петербургское самодержавіе. Всякая попытка дворянства явно и формально ограничить самодержавную власть быстро и жестоко разбилась бы объ единодушное сопротивление низшаго класса. Совершенно неразвитое въ политическомъ смыслѣ крестьянство, въ средѣ котораго постоянно вспыхивали то здѣсь, то тамъ «бунты» противъ помѣщиковъ, неизмѣнно пріурочивало къ предполагаемой имъ доброй волѣ русскихъ государей все свои упованія на лучшее будущее: извѣстно, что Пугачевъ счелъ нужнымъ выдать себя за Петра III. Осуществленіе этихъ упованій представлялось крестьянству тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, чѣмъ полнѣе была монархическая власть. Естественно было поэтому, что оно смотрѣло, какъ на самыхъ злыхъ недруговъ народа, на всѣхъ тѣхъ, въ которыхъ оно подозрѣвало намѣреніе возстать противъ царя. Это его настроеніе не разъ дало почувствовать себя въ XIX в. при разнаго рода оппозиціонныхъ и революціонныхъ выступленіяхъ разночинцевъ. Мы увидимъ, что оно имѣло рѣшительное вліяніе на судьбу нѣкоторыхъ революціонныхъ программъ и нѣкоторыхъ тактическихъ приемовъ революціонной борьбы. Одной изъ главныхъ причинъ смѣны народничества «народовольствомъ» послужило недовѣрчивое отношеніе народа къ тѣмъ, пытавшимся сблизиться съ нимъ, революціоннымъ разночинцамъ, которые не раздѣляли его главнаго политическаго вѣрованія.

XXII.

Помѣщики хорошо понимали, что крестьянскій аполитизмъ имѣлъ свой политическій смыслъ. Они не могли не чувствовать, что въ борьбѣ съ ними у самодержавія былъ бы въ лицѣ крестьянъ страшный для нихъ союзникъ. Уже по одному этому они не могли быть расположенными добиваться формальнаго ограниченія центральной власти. Съ другой стороны, союзъ съ самодержавіемъ былъ нуженъ имъ самимъ для того, чтобы держать въ уздѣ свою, всегда недовольную и, казалось, всегда готовую перейти въ наступленіе, «крещеную собственность». Это дѣлало ихъ еще менѣе расположенными выдвигать какія-нибудь опредѣленные политическія требованія. Послѣ того, какъ гвардейскій штыкъ изъ рукъ дворянина перешелъ въ руки крестьянина, благородное словесіе могло противопоставить волѣ самодержавныхъ монарховъ только одну силу: силу пассивнаго сопротивления, да развѣ еще чисто офицерскіе заговоры, въ родѣ того, который закончился ка-

тастрофой 11 марта 1801 г. Сила дворянскаго пассивнаго сопротивленія была при случаѣ очень велика и имѣла въ исторіи нашего внутренняго развитія несравненно большее значеніе, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Съ нею приходилось считаться даже такому настойчивому, убѣжденному и ревнивому представителю самодержавной власти, какимъ былъ Николай ¹⁾. Но сила пассивнаго сопротивленія была вполне консервативной силой, а событія, въ родѣ катастрофы 11 марта 1801 г., могли быть очень опасны для отдѣльных представителей власти, но для политической системы въ ея цѣломъ они были еще менѣе опасны, чѣмъ «лейбъ-кампанскіе» подвиги XVIII в.

Такимъ образомъ, нашъ монархическій строй былъ проченъ со всѣмъ не отсутствіемъ у насъ борьбы классовъ,—какъ это утверждали Погодинъ и славянофилы, собственно такъ называемые,—а именно ея наличностью. Но одной изъ замѣчательныхъ особенностей русскаго историческаго процесса явился тотъ фактъ, что наша борьба классовъ, чаще всего остававшаяся въ скрытомъ состояніи, въ теченіе очень долгаго времени не только не колебала существовавшаго у насъ политическаго порядка, а, напротивъ, чрезвычайно упрочивала его.

Далѣе. Помѣстное землевладѣніе въ теченіе долгаго времени было экономически необходимымъ условіемъ исправнаго отбыванія службы дворянами. Это ясно сознавали какъ сами «всепокорнѣйшіе рабы» русскихъ государей, такъ и ихъ собственные рабы—крестьяне. Но съ развитіемъ денежнаго хозяйства дѣло существенно измѣнилось. Армія была преобразована, и раздача земель уступила мѣсто денежному жалованью. Это тоже не ускользнуло отъ вниманія народа. Дворянское землевладѣніе лишилось смысла въ его глазахъ. Если крѣпостные крестьяне были убѣждены, что за отмѣной обязательной службы помѣщиковъ должно послѣдовать ихъ собственное освобожденіе, то они представляли его себѣ не иначе, какъ въ видѣ освобожденія съ землею. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ не чувствовалось земельной «тѣсноты», крестьяне, на-

---

¹⁾ См. чрезвычайно интересный фельетонъ Е. В. Тарле «Императоръ Николай I и дворянство (1842—1847)», напечатанный въ «Рѣчи» отъ 17 октября 1911 г. Авторъ рассказываетъ, на основаніи неизданныхъ донесеній французскаго посланника, какъ настойчиво и успѣшно противилось русское дворянство намѣреніямъ Николая I внести нѣкоторыя ограниченія въ крѣпостное право помѣщиковъ. Перье писалъ министру Гизо въ одномъ изъ своихъ донесеній (отъ ⁸/₂₀ апрѣля 1842 г.), что Николай «отступилъ, не желая признаваться въ этомъ, предъ затрудненіями, которыхъ не предвидѣлъ, предъ недовольствомъ дворянства, которое взволновалось, когда увидѣло посягательство на свои богатства и старинныя права».

вѣрно, ничего не имѣли противъ того, чтобы извѣстная часть земли осталась за помѣщиками. Но зато тамъ, гдѣ такая «тѣснота» уже ощущалась, они нисколько не сомнѣвались, что слѣдуетъ произвести «черный передѣлъ», т.-е. отобрать всѣ помѣщичьи земли въ казну и распределить ихъ поровну между земледѣльцами. Дворянское землевладѣніе не имѣло теперь въ ихъ глазахъ никакого оправданія, а кромѣ того, съ ними самими такъ мало церемонились, когда заходила рѣчь объ удовлетвореніи той или другой государственной потребности, что они рѣшительно не понимали, почему правительство церемонится съ помѣщиками. Чѣмъ болѣе росла крестьянская нужда въ землѣ, тѣмъ нетерпѣливѣе становилось крестьянское ожиданіе «чернаго передѣла», или «слушнаго часа». Не дождавшись отъ высшей власти призыва къ передѣлу, они сами взялись за него. Такъ начались аграрныя волненія 1902—5 гг.

Волненія эти обыкновенно приписывались вліянію революціонной пропаганды. Но ея вліяніе на крестьянъ никогда не было велико, и потому она далеко не объясняетъ всѣхъ случаевъ аграрныхъ волненій. Дѣло тутъ было не въ революціонной пропагандѣ, а въ той психологіи крестьянина, которая въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ создавалась аграрной политикой російскаго государства. Когда крестьянинъ требовалъ отобранія земли у помѣщиковъ, и даже когда онъ самъ принимался отбирать ее, онъ велъ себя не какъ революціонеръ, а, напротивъ, какъ самый убѣжденный охранитель: онъ охранялъ ту аграрную основу, на которой такъ долго держался весь общественно-политическій строй Россіи. Противившіеся «черному передѣлу», помѣщики возставали противъ этой основы, и потому являлись въ глазахъ крестьянъ самыми опасными бунтовщиками. Естественнымъ слѣдствіемъ этого было то, что, выдвигая такое радикальное экономическое требованіе, какъ требованіе земельного передѣла, наши земледѣльцы въ то же самое время оставались совершенно чуждыми всякаго политическаго радикализма. Даже тамъ, гдѣ, утративъ свои старыя политическія вѣрованія, крестьяне не выступали защитниками неограниченной монархической власти, они все-таки были равнодушны къ политикѣ. Ихъ поле зрѣнія ограничивалось вопросомъ о земельномъ передѣлѣ. Потому и выходило такъ, что въ крупныхъ центрахъ рабочихъ и «интеллигенціи» разстрѣливали одѣтыя въ солдатскіе мундиры дѣти тѣхъ самыхъ «государевыхъ сиротъ», которые въ деревняхъ разоряли «дворянскія гнѣзда» и дѣлили между собою помѣщичью землю. Правда, бывало нерѣдко такъ, что на митингахъ, созывавшихся въ большихъ селахъ, крестьяне одобряли резолюціи, требовавшія, между прочимъ, созыва учредительнаго собранія.

Но для огромнаго большинства участниковъ такихъ митинговъ со словами: «учредительное собраніе», не связывалось никакого опредѣленнаго политическаго представленія. Резолюціи, написанныя людьми совсѣмъ другого образа мыслей, одобрялись собиравшимися на митинги крестьянами не потому, что онѣ содержали въ себѣ требованіе учредительнаго собранія, а потому, что, кромѣ этого, непонятнаго и неинтереснаго для нихъ требованія, въ резолюціяхъ заключалось исполнѣ понятное для земледѣльца и чрезвычайно важное въ его глазахъ требованіе земельного передѣла. Въ смутное время православные обитатели Казани, собираясь отстаивать Московское государство и «домъ Пресвятой Богородицы» противъ «казакѡвъ и литовскихъ людей», вошли на этотъ предметъ въ соглашеніе «съ горными и луговыми татарами и Луговою Черемисою». Татарамъ, а также, я думаю, и «Луговой Черемисѣ», которая, навѣрно, не очень дорожила христіанствомъ, было, конечно, рѣшительно все равно, какъ обернется дѣло съ «домомъ Пресвятой Богородицы». Но и татары, и «Луговая Черемиса», какъ видно, страдали отъ господствовавшаго въ смутное время безпорядка, и потому готовы были итти съ тѣми, которые, собираясь возстановить порядокъ, вспоминали, между прочимъ, и о названномъ «домѣ». Въ грамотахъ, на которыя сочувственно откликались татары и черемисы, ихъ трогало не то, что говорилось о «домѣ Пресвятой Богородицы», а именно и только то, что указывало на необходимость возстановленія порядка. Точно также и въ резолюціяхъ, принимавшихся на митингахъ, крестьянъ въ большинствѣ случаевъ трогали вовсе не тѣ строки, которыя требовали созыва учредительнаго собранія, а именно и только тѣ, въ которыхъ говорилось о «землицѣ». Крестьяне жадно ловили всѣ слухи о дѣятельности первой и второй Государственной Думы. Но и эти слухи интересовали ихъ лишь примѣнительно къ той же «землицѣ». Совершенно недоступной осталась для нихъ политическая сторона вопроса о народномъ представительствѣ. Они не понимали его природы: вмѣсто того, чтобы видѣть въ себѣ источникъ силы Государственной Думы, они смотрѣли на Думу какъ на такое учрежденіе, которое дастъ народу силу, нужную ему для борьбы съ противниками «земельнаго равенія». Поэтому имъ и въ голову не приходило, что народъ можетъ и долженъ отстаивать своихъ представителей въ борьбѣ съ реакціей.

Въ этой психологіи русскаго крестьянства, сложившейся на основѣ нашего стараго общественно-политическаго быта, такъ сильно напоминающаго собою бытъ восточныхъ деспотій, заключается разгадка той загадки, которую недавно одинъ изъ органовъ нашей періодической печати назвалъ «міровой загадкой движенія,

начавшагося такимъ высокимъ подъемомъ и окончившагося столь неудачно» ¹⁾, т.-е., проще говоря, того, что революціонный взрывъ 1905—6 гг. оказался гораздо менѣе значительнымъ, чѣмъ это показалось сначала и нашимъ революціонерамъ, и нашимъ охранителямъ. Указанный взрывъ явился результатомъ сочетанія двухъ силъ, совершенно различныхъ по своей природѣ. Одна изъ нихъ создана была начавшимся еще въ концѣ XVII в. процессомъ европеизаціи Россіи, другую—породилъ нашъ старый восточный бытъ. Одна была революціонна по своему существу даже тогда, когда она избѣгала всякихъ насильственныхъ дѣйствій; другая сохраняла свой консервативный характеръ даже тогда, когда проявляла себя самыми рѣзкими насиліями. Въ теченіе нѣкотораго времени дѣйствіе первой силы подкрѣплялось дѣйствіемъ второй, что и придавало взрыву 1905—6 гг. очень значительный видъ. Но скоро вторая сила оказалась неспособной къ дальнѣйшей поддержкѣ первой силы, и тогда стало выясняться, что взрывъ вовсе не такъ значителенъ на самомъ дѣлѣ, какъ это подумали сначала. Переставка поддерживать силу революціонную, консервативная сила тѣмъ самымъ чрезвычайно укрѣпила позиціи защитниковъ стараго порядка и содѣйствовала его возстановленію. Вотъ почему «движеніе, начавшееся такимъ высокимъ подъемомъ», окончилось,—если окончилось,—«столь неудачно». Взрывъ 1905—6 гг. былъ слѣдствіемъ европеизаціи Россіи. А его «неудача» была причинена тѣмъ, что процессъ европеизаціи переработалъ пока еще далеко не всю Россію. Послѣдствія «неудачи» будутъ ослабляться сообразно дальнѣйшему ходу названнаго процесса.

А пока что, приходится опять вспоминать, что исторія Россіи есть исторія колонизирующей страны. Потерявъ надежду на «черный передѣлъ» въ Россіи, крестьянство огромной массой устремилось въ наши азіатскія владѣнія. Правительство, которое очень долго старалось затруднять переселенія, такъ какъ боялось, что они лишатъ помѣщиковъ дешевой рабочей силы, на этотъ разъ широко открыло предохранительный клапанъ колонизаціи. Оно рассчитывало, что колонизація удалитъ изъ европейской Россіи безпокойные элементы крестьянства. Будущее покажетъ, былъ ли этотъ расчетъ правиленъ, и если да, то—въ какой мѣрѣ. Теперь же для всѣхъ очевидно одно: въ послѣдніе годы притокъ переселенцевъ въ азіатскую Россію быстро уменьшается. Такъ «Освѣдомительное Бюро» сообщало, что въ 1909 г. въ наши азіатскія владѣнія прошло ходоковъ и переселенцевъ 707.400 душъ, въ 1910 г.—353.000 д., а въ 1911 г.—226.000 д. Такимъ образомъ, дѣйствіе предохранительнаго клапана значительно и быстро сокращается.

¹⁾ «Речь», № 127, 11 мая 1912 г.

Съ другой стороны, ростъ населенія въ азіатской Россіи увеличиваетъ емкость внутренняго рынка Имперіи и тѣмъ способствуетъ росту ея промышленнаго развитія, т. е. ускоряетъ процессъ европеизаціи ея передовыхъ мѣстностей, вслѣдствіе чего уменьшаются шансы новой побѣды реакціи.

XXIII.

Мы знаемъ, что сближеніе общественно-политическаго строя сѣверо-восточной Руси со строемъ восточныхъ деспотій объясняется въ послѣднемъ счетѣ обстоятельствами, замедлившими ростъ ея производительныхъ силъ и тѣмъ самымъ причинившими «инертность» ея хозяйства. Но эта страна, такъ похожая по своему быту на азіатскія страны, должна была отстаивать свое существованіе не только отъ нападенія со стороны азіатовъ. На Западѣ она граничила съ Европой, и уже съ XVI в. каждое враждебное столкновеніе съ европейскими странами давало ей болѣзненно почувствовать превосходство европейской цивилизаціи. Волей-неволей надо было подумать о томъ, чтобы кое-чему поучиться у Европы. При этомъ, какъ мы уже видѣли, начато было съ того, въ чемъ чувствовалась наиболѣе острая нужда: съ усвоенія западно-европейскаго военнаго искусства. Къ концу XVII в. полки иноземнаго строя значительно превосходили своею численностью помѣстную дворянскую конницу. Правда, первоначально войско иноземнаго строя было немногимъ лучше дворянскихъ ополченій. Но и тогда уже становилось ясно, что для преобразованія арміи нужно много денегъ, а для того, чтобы имѣть деньги, нужно заимствовать у тѣхъ же западныхъ еретиковъ, у «латинцевъ» и у «люторы», ихъ умѣнье пользоваться природными богатствами своей страны. Уже при Алексѣѣ Михайловичѣ принимается рядъ мѣръ для умноженія производительныхъ силъ страны. Но мѣры эти были слишкомъ недостаточны для того, чтобы имѣть сколько-нибудь серьезное вліяніе на развитіе народнаго хозяйства. Что же касается понятій и привычекъ населенія, то при Алексѣѣ Михайловичѣ европеизація распространилась только на горсть отдѣльныхъ лицъ, да и къ нимъ почти цѣликомъ примѣнимо то замѣчаніе, которое В. О. Ключевскій дѣлаетъ о Ртищевѣ и Ординѣ-Нащокинѣ: «западные образцы и научныя знанія они направляли не противъ отечественной старины, а на охрану ея жизненныхъ основъ отъ нея самой, отъ узкаго и черстваго ея пониманія, воспитаннаго въ народной массѣ дурнымъ государственнымъ и церковнымъ руководствомъ, отъ рутинны, которая ихъ мертвила» ¹⁾). Интересно, что

¹⁾ «Курскъ», ч. III, стр. 455.

воспитанный иностранными учителями сынъ Ордина-Нащокина, Воинъ, не ужился въ тогдашней Москвѣ, гдѣ «стошнило ему окончательно», и бѣжалъ за границу, сначала къ Польскому королю, а потомъ во Францію ¹⁾. И хотя при Ѳедорѣ Алексѣевичѣ и царевнѣ Софьѣ уже стали при царскомъ дворѣ заводить «политессы съ манеру польскаго», но дѣйствительная европеизація Россіи начинается только съ Петра. Вотъ почему вопросъ о значеніи петровской реформы и сдѣлался у насъ кореннымъ вопросомъ публицистики. Онъ былъ равнозначителенъ вопросу о томъ, въ какомъ направленіи должна развиваться Россія: въ сторону Запада, или же въ сторону Востока.

Петру приписываютъ слова: «намъ нужна Европа на нѣсколько десятковъ лѣтъ, а потомъ мы къ ней должны вернуться за домъ». Трудно рѣшить, въ самомъ ли дѣлѣ онъ произнесъ ихъ. Вѣрнѣе, что—нѣтъ. И все-таки они имѣютъ глубокой исторической смыслъ. Какъ ни сильно увлекала Петра западно-европейская цивилизація, въ своей преобразовательной дѣятельности онъ былъ и могъ быть западникомъ только отчасти. Этимъ и объясняется тотъ разрывъ между верхнимъ, болѣе или менѣе глубоко европеизованнымъ классомъ, съ одной стороны, и народомъ—съ другой, который былъ результатомъ петровской реформы, и который такъ горько оплакивали впоследствии славянофилы.

Если главной отличительной чертой, сближавшей русскій бытъ съ бытомъ восточныхъ деспотій, являлось полное закрѣпощеніе всѣхъ классовъ народа государству, то совершенно неоспоримо, что реформа Петра не могла, да и не имѣла въ виду европеизовать крестьянство. Напротивъ. Петербургскій періодъ довелъ, какъ мы уже видѣли, закрѣпощеніе крестьянина государству и землевладѣльцамъ до его крайнихъ логическихъ выводовъ. Въ длинный промежутокъ времени отъ Петра до генерала Киселева положеніе русскаго крестьянина все болѣе и болѣе приближалось къ положенію низшаго, порабощеннаго класса восточныхъ деспотій. Подневольный крестьянскій трудъ на пользу помещиковъ и государства дѣлался все болѣе и болѣе тяжелымъ. Уже при Петрѣ положеніе крестьянина ухудшилось весьма значительно. Сравнивая общія цифры податного населенія Россіи по переписямъ 1678 и 1710 гг., г. П. Милюковъ показалъ, что за этотъ періодъ

¹⁾ См. Соловьева, «Исторія Россіи», книга 3-я, стр. 67. Курьезно, что «тишайшій» Алексій Михайловичъ, очень огорченный побѣгомъ молодого Нащокина, хлопоталъ о возвращеніи его изъ-за границы, а на случай неудачи находилъ нужнымъ «известить его письмомъ, при чемъ совѣтовалъ съ большою осмотрительностью приучать старика Нащокина къ мысли о «небытіи на свѣтѣ» его бѣглаго сына. (См. Соловьева, тамъ же, стр. 67).

времени населеніе это не возрасло, какъ этого слѣдовало бы ожидать, а уменьшилось на одну пятую часть. «Но необходимо помнить, — прибавляетъ названный историкъ, — что этотъ результатъ есть уже, такъ сказать, равнодѣйствующая дѣйствительной убыли и того естественнаго прироста, который долженъ былъ нѣсколько прикрыть и замаскировать ее» ¹⁾. Такою страшною цѣною заплатило податное населеніе Россіи за петровскую реформу! Г. Милюковъ не безъ наивности замѣчаетъ, что, «за исключеніемъ мѣрь, принятыхъ въ послѣдніе годы подѣ влияніемъ идей меркантилизма въ пользу городского класса, Петръ не былъ социальнымъ реформаторомъ» ²⁾. Съ этимъ очень легко согласиться: какая ужъ тамъ социальная реформа! Социальная реформа имѣетъ въ виду облегчить положеніе низшаго класса, а Петру было совсѣмъ не до того. Его экономическая политика по отношенію къ трудящимся осталась вѣрной завѣтамъ Московскаго государства, ни о какой «социальной реформѣ» никогда не помышлявшаго. Но если Москва была податное населеніе бичами, то Петербургъ, въ лицѣ Петра, сталъ бить его скорпіонами. Неудивительно, что уже въ 1700 г. въ народѣ стала распространяться легенда о томъ, что наступили послѣднія времена и что въ лицѣ Петра воцарился антихристъ. Короче, съ этой стороны ни о какой европеизаціи говорить невозможно.

Надо еще прибавить, что ко времени Петровской реформы въ передовыхъ странахъ европейскаго Запада быстро исчезали послѣдніе остатки крѣпостного права. Такимъ образомъ, мы имѣемъ здѣсь передъ собою какъ бы два процесса, параллельныхъ одинъ другому, но направленныхъ въ обратныя стороны: закрѣпощеніе крестьянъ доходитъ у насъ до апогея въ тотъ самый періодъ времени, когда оно исчезаетъ на Западѣ. Этимъ еще болѣе увеличивается разница положенія русскаго крестьянина съ положеніемъ западнаго.

Не то увидимъ мы, обратившись къ дворянству. Если самъ Петръ ничего не предпринялъ для его освобожденія отъ обязательной службы, то совершенное имъ преобразование

¹⁾ «Государственное хозяйство въ Россіи въ первой четверти XVIII ст. и реформа Петра Великаго», Спб. 1892, стр. 268—269.

²⁾ По мнѣнію проф. С. О. Платонова, Петръ въ своей экономической политикѣ «отдавалъ дань идеямъ своего вѣка, создавшимъ на Западѣ извѣстную меркантильно-покровительственную систему» (Лекціи по русской исторіи, изд. 6-е, стран. 488—489). Петръ больше всего отдавалъ тутъ дань старой Москвѣ, съ которой онъ такъ жестоко воевалъ въ другихъ случаяхъ.

арміи дало дворянству возможность добиться сравненія помѣстій съ вотчинами и тѣмъ положить экономическую основу своей «вольности». Въ послѣдующія царствованія дворянство, отчасти благодаря тому же преобразованію арміи, приобрѣло «вольность» въ той ея полнотѣ, какая была нужна для него при данныхъ условіяхъ. По мѣрѣ того, какъ оно приближалось къ «вольности», его роль въ государствѣ переставала быть похожей на роль служилаго класса въ восточныхъ деспотіяхъ и болѣе или менѣе уподоблялась роли высшаго сословія въ абсолютныхъ монархіяхъ Запада. Слѣдовательно, социальное положеніе «благороднаго» сословія измѣнялось въ одну сторону,—въ сторону Запада,—въ то самое время, когда социальное положеніе «подлыхъ людей» продолжало измѣняться въ сторону прямо противоположную,—въ сторону Востока. Передъ нами здѣсь опять два параллельныхъ процесса, и опять эти два процесса идутъ въ прямо противоположныя стороны. Вотъ тутъ-то и лежитъ наиболѣе глубокая общественная причина, упомянутого выше разрыва между народомъ и болѣе или менѣе просвѣщеннымъ обществомъ. Собственно говоря, подобный разрывъ существовалъ и въ западныхъ странахъ, напримѣръ, въ той же Франціи. Можно было бы привести нѣкоторые примѣры изъ жизни энциклопедистовъ, наглядно показывающіе, какъ трудно было французскому просвѣтителю XVIII в. столкнуться съ французскимъ же крестьяниномъ, если только въ глазахъ этого послѣдняго онъ являлся барин о м ѣ. Такая трудность взаимнаго пониманія есть неизбѣжный плодъ классового или сословнаго антагонизма. Но нигдѣ она не достигла такихъ большихъ размѣровъ, какъ въ Россіи. Сближивъ съ Западомъ высшее сословіе и отдаливъ отъ него низшее, Петровская реформа тѣмъ самымъ увеличила недовѣріе этого послѣдняго ко всему тому, что шло къ намъ изъ Европы. Недовѣріе къ иностранцу помножалось на недовѣріе къ эксплуататору. Даже тогда, когда осуществленіе въ Россіи данной западно-европейской идеи пошло бы прежде всего на пользу угнетенныхъ сословій,—когда сама эта идея являлась на Западѣ продуктомъ освободительной борьбы угнетенныхъ съ угнетателями,—русскій крестьянинъ склоненъ былъ видѣть въ ней барскій «подвохъ», если только ее проповѣдывалъ чело в ѣ к ѣ, одѣтый въ нѣмецкое платье. Отъ этого много страдали передовые люди Россіи. Это была большая бѣда; но это была еще не самая большая. Самая большая бѣда была другая.

Когда европеизованные представители русской общественной мысли стали задумываться не только о тяжеломъ положеніи низшаго класса народа, но также объ его прошлой исторической судьбѣ и о шансахъ его будущаго развитія, тогда они, весьма естественно,

стали судить объ этихъ важнѣйшихъ предметахъ съ точки зрѣнія своихъ, заимствованныхъ у Запада, общественныхъ теорій. Но западныя теоріи возникли на почвѣ западно-европейскихъ общественныхъ отношеній. Положеніе же русскаго крестьянина, равно какъ и его историческое прошлое, напоминало собою несравненно болѣе Востокъ, чѣмъ Западъ. Поэтому, и то и другое, и положеніе и историческое прошлое, чрезвычайно трудно поддавалось анализу съ точки зрѣнія западныхъ общественныхъ теорій. Съ точки зрѣнія этихъ теорій, и то и другое представлялось полнымъ самыхъ неожиданныхъ противорѣчій. Вотъ примѣръ. Герцена поражаютъ тотъ «страшно нелѣпый фактъ, что лишеніе правъ бѣльшей части населенія шло (въ Россіи. Г. П.), увеличиваясь отъ Бориса Годунова до нашего времени». Подобный фактъ былъ бы, пожалуй, въ самомъ дѣлѣ, «нелѣпъ» въ исторіи Италіи, Франціи, Англіи и большинства германскихъ странъ. Но принимая во вниманіе исторію экономическаго развитія сѣверо-восточной Россіи въ данной исторической обстановкѣ, фактъ этотъ у насъ представляется вполне естественнымъ и даже неизбѣжнымъ. Еще труднѣе было, держась западныхъ общественныхъ теорій, составить себѣ сколько-нибудь вѣроятную схему будущаго развитія Россіи въ сторону идеаловъ передоваго человѣчества. Этой трудностью вызванъ былъ, между прочимъ, тотъ благородный крикъ отчаянія, который называется первымъ «философскимъ письмомъ» П. Я. Чаадаева. Ею же объясняется появленіе у насъ теорій «самобытнаго» русскаго прогресса—отъ славянофильства до народничества и субъективизма включительно. Наконецъ, она же вела къ тому, что въ теченіе цѣлыхъ десятилѣтій отворачиваться отъ «самобытности» можно было только при одномъ условіи: обѣими ногами держась на почвѣ историческаго идеализма. Несходство нашего общественнаго «бытія» особенно (въ томъ, что касалось положенія и исторической судьбы низшаго класса народа) съ общественнымъ бытіемъ Запада могло не смущать нашихъ передовыхъ идеологовъ только въ одномъ случаѣ: если они раздѣляли то убѣжденіе, что не бытіе опредѣляетъ собою сознаніе, а сознаніе опредѣляетъ бытіе. Тому, кто, подобно французскимъ просвѣтителямъ XVIII в., думалъ, что *la raison finit toujours par avoir raison* (разумъ, въ концѣ концовъ, всегда оказывается правымъ), достаточно было убѣдиться въ разумности того или другаго передоваго ученія Запада, чтобы твердо повѣрить въ его будущее торжество. А кто сказалъ бы себѣ, что «разумность» разума измѣняется въ зависимости отъ общественныхъ условій, и что торжество даннаго вида его «разумности»,—даннаго передоваго ученія,—всегда предполагаетъ опредѣленное сочетаніе этихъ условій, тотъ, въ виду нашей тогдашней русскаго дѣйствительно-

сти, вынужденъ былъ бы признать, что даже и вполне умѣстныя у себя на родинѣ передовыя ученія Запада «нелѣпы» въ Россіи. Мы увидимъ, что къ этому выводу пришелъ Бѣлинскій въ эпоху своего знаменитаго «примиренія съ дѣйствительностью». Однако, этотъ выводъ былъ невыносимъ для передовыхъ русскихъ людей. И мы увидимъ также, что самъ, безстрашный передъ истиной, Бѣлинскій могъ ужиться съ нимъ только на самое короткое время. Но и Бѣлинскому, чтобы отказаться отъ него, нужно было перейти на точку зрѣнія субъективнаго историческаго идеализма. Субъективный историческій идеализмъ благопріятствуетъ развитію соціальнаго утопизма. И мы убѣдимся, что самые передовые и даровитые представители русской общественной мысли въ теченіе цѣлыхъ десятилѣтій, несмотря на все свои усилія, не могли, въ своихъ соціальныхъ программахъ, выбиться изъ области утопіи.

Разрывъ народа съ передовой интеллигенціей страшно затруднялъ его собственную борьбу за свое освобожденіе и осуждалъ людей, стремившихся помочь ему, на жалкую роль «умныхъ ненужностей». Славянофилы говорили, что европеизованное русское «общество» представляло собою какъ бы европейскую колонію, живущую среди варваровъ. Это было вполне вѣрно. Но измѣнить къ лучшему тяжелое положеніе иностранной колоніи, заброшенной въ среду русскихъ варваровъ, могло только одно общественное явленіе: европеизація варваровъ. Другого средства быть не могло по той простой причинѣ, что, вопреки мнѣнію славянофиловъ, въ общественной жизни Московской Руси не было,—да и неоткуда было взять,—такихъ «началъ», которыя давали бы ей возможность создать самобытную культуру, способную помѣряться съ культурой европейскаго Запада. «Начала» общественной жизни Москвы сводились, въ послѣднемъ счетѣ, къ закрѣпощенію всехъ классовъ населенія государству, а закрѣпощеніе совѣмъ неблагопріятно для роста культуры. Правда, нѣкоторыя деспотіи Востока,—древній Египетъ или древняя Халдея,—тоже закрѣпощавшія государству все народныя силы, были болѣе цивилизованы, нежели Московская Русь XVII столѣтія ¹⁾. Нѣтъ основанія думать, что къ концу XVII в. Московская Русь дошла до послѣдняго предѣла той цивилизаціи, которая являлась болѣе

---

¹⁾ На счетъ Халдеи надо, впрочемъ, сдѣлать вотъ какую оговорку. Когда халдейскій царь эпохи касситовъ «отписывалъ на себя» землю той или другой изъ своихъ черныхъ волостей, онъ, какъ отмѣчено мною выше, платилъ за нее вознагражденіе (Cicq, la propriété foncière en Chaldée, p. 720). Московскіе «самовластцы» ничего никому не платили въ такихъ случаяхъ. Это значить, что Москва закрѣпостила своихъ «спиротъ» гораздо болѣе основательно, нежели Халдея указанной эпохи.

или менѣе самобытнымъ плодомъ ея собственныхъ «началь». Позволительно предположить, что она, въ концѣ концовъ, почти сравнялась бы съ древнимъ Египтомъ или съ древней Халдеей ¹⁾. Но закрѣпощеніе населенія, явившееся въ результатъ медленнаго развитія производительныхъ силъ, съ своей стороны, задерживаетъ это развитіе, чѣмъ задерживается и развитіе цивилизаціи. Западная Европа, никогда не знавшая закрѣпощенія въ той его полнотѣ, какую мы наблюдаемъ въ государствахъ Востока и въ московской Руси, выработала у себя несравненно болѣе значительныя производительныя силы и гораздо болѣе могучую цивилизацію. Въ сравненіи съ этой послѣдней самобытная цивилизація восточныхъ странъ оказалась бы слишкомъ слабой. Въ концѣ XVII, въ XVIII и въ XIX столѣтіяхъ,—не до Р. X., а послѣ него,—необходимо было усвоить культуру европейскаго Запада или пойти назадъ, склониться къ упадку и разложенію. Къ счастью для Россіи, процессъ усвоенія ею цивилизаціи Западной Европы не могъ ограничиться европеизаціей ея служилаго сословія.

XXIV.

Петръ не только упрочилъ закрѣпощеніе крестьянства. Даже его многочисленныя и разнообразныя техническія заимствованія у Запада вели не столько къ европеизаціи нашихъ общественныхъ отношеній, сколько къ еще болѣе послѣдовательному переустройству ихъ въ старомосковскомъ духѣ. Желая дать толчокъ развитію производительныхъ силъ своей страны, онъ обратился къ тому средству, которое такъ широко примѣнялось въ Московской Руси: къ подневольному труду и обязательной службѣ разныхъ подходящихъ для данныхъ цѣлей классовъ населенія. Московское государство имѣло своихъ служилыхъ ремесленниковъ, т.е. посадскихъ людей, обязанныхъ заниматься тѣмъ или другимъ ремесломъ для удовлетворенія государственныхъ потребностей. Со времени Петра у насъ появились служилые фабриканты и заводчики ²⁾. Въ передовыхъ странахъ Запада распространеніе

¹⁾ Ей трудно было бы вполне сравняться съ ними вслѣдствіе менѣе благоприятныхъ природныхъ условій культурнаго развитія.

²⁾ «Хотя что добро и надобно, а новое дѣло, то наши люди безъ принужденія не сдѣлаютъ»,—разсуждалъ Петръ, и потому предписывалъ мануфактуръ коллегіи дѣйствовать на фабрикахъ «не предложеніемъ однимъ, но и принужденіемъ». Въ 1723 г. онъ, оглядываясь назадъ, говорилъ, что у него «все неволею сдѣлано» (Ключевскій, Курсы, ч. IV. стр. 143—144). Въ виду этой «неволи», представлявшей собою самое выдающееся изъ всѣхъ «началь» московской жизни, В. О. Ключевскій имѣлъ полное

фабрично-заводскаго производства означало распространение системы наемнаго труда. Въ Россіи Петръ, основывая фабрики и заводы, приписывалъ къ нимъ окрестныхъ крестьянъ, чѣмъ создавался новый видъ крѣпостнаго состоянія. Эта относительная особенность нашего историческаго процесса,—тотъ фактъ, что новыя, заимствованныя у Запада, производства окружены были на нашей почвѣ азіатской обстановкой,—вызвана была нашей экономической отсталостью и, въ свою очередь, замедляла дальнѣйшее экономическое развитіе Россіи. Но, кромѣ того, она затрудняла и европеизацію той части населенія, которая занималась новыми производствами. Я уже не говорю о приписанныхъ къ фабрикамъ крестьянахъ, но и купечество, все-таки бывшее до извѣстной степени привилегированнымъ сословіемъ, въ своемъ образѣ жизни и въ своихъ понятіяхъ долго и упорно держалось старины. Купцы не довѣряли шедшимъ съ Запада новшествамъ, такъ какъ не любили Запада, чувствуя себя слабыми сравнительно съ своими западно-европейскими конкурентами, превосходившими ихъ не только по своему богатству, но,—что весьма важно,—и по своему правовому положенію. Посошковъ, вообще говоря, очень одобрявшій Петровскую реформу, всегда очень недоброжелательно отзывался объ иностранцахъ. И когда представишь себѣ подобнаго ему «торговаго мужика», по рукамъ и по ногамъ связаннаго нашей приказной «волокитой», ведущимъ дѣла или соперничающимъ съ иностранными торговцами, то понимаешь, что онъ не могъ не сознавать своей слабости, и что сознаніе этой слабости не могло не вызывать въ немъ раздраженія противъ заморскихъ гостей. Наибольшій запасъ такого раздраженія долженъ былъ накопиться у низшаго слоя городской буржуазіи, у совершенно безправныхъ «посадскихъ людей», на примѣръ, у ремесленниковъ, которыхъ европеизація служилаго класса лишала заказчиковъ, предпочитавшихъ обращаться по возможности къ иностраннымъ мастерамъ. Если богатое купечество долго сохраняло привычки, нашедшія свое безсмертное выраженіе въ комедіяхъ Островскаго, то низшіе слои городской буржуазіи представляли собою благопріятную почву для развитія понятій, въ послѣднее время получившихъ у насъ весьма неудачное названіе «черносотенныхъ». Нерасположеніе торгово-ремесленнаго сословія къ западнымъ новшествамъ усиливалось еще и тѣмъ, что болѣе или менѣе европеизованное російское благородное шляхетство пользо-

можно сказать, что при Петрѣ «русское общество окончательно получило тотъ складъ, каковъ стремилось дать ему московское законодательство XVII вѣка». (Тамъ же, стр. 281).

валось своимъ господствующимъ положеніемъ въ государствѣ, конечно, не къ выгодѣ «бородачей». Вполнѣ естественный антагонизмъ между купечествомъ и дворянствомъ создалъ, стало быть, еще одно препятствіе для европеизаціи Россіи. До половины XIX в. новая русская культура имѣла весьма явственный дворянскій отпечатокъ. Но при всемъ томъ процессъ европеизаціи не остановился. Мало-по-малу онъ вышелъ и непремѣнно долженъ былъ выйти за тѣсныя предѣлы высшаго сословія. Новыя, заимствованныя у Запада, производства развивались, благодаря своей азіатской обстановкѣ, очень медленно, но все-таки развивались. А чѣмъ больше развивались они, тѣмъ болѣе становилось очевиднымъ, что азіатская обстановка должна быть устранена. Какъ ни трудно было сдѣлать это въ такой странѣ, господствующее сословіе которой воспитывалось въ преданіяхъ крѣпостного права, но двигательная сила экономическаго развитія, въ концѣ концовъ, преодолѣла инерцію крѣпостническихъ интересовъ и преданій. Я сказалъ, что дворяне въ 40-хъ гг. XIX вѣка оказали побѣдоносное пассивное сопротивленіе попыткѣ Николая I кое-въ чемъ ограничить крѣпостное право. Но въ то же самое время между дворянами появляются такіе сельскіе хозяева, которые, вполнѣ чуждаясь освободительныхъ «утопій», житейскимъ опытомъ и простымъ ариѳметическимъ расчетомъ убѣждались въ невыгодности крѣпостного труда. Въ 1845 г. министръ Перовскій говорилъ въ запискѣ, поданной имъ Николаю, что «образованные помѣщики» теперь уже «вовсе не боятся утраты своего достоянія отъ дарованія людямъ свободы». По словамъ министра, «помѣщики сами начинаютъ понимать, что крестьяне тяготятъ ихъ, и что было бы желательно измѣнить эти обоюдо невыгодныя отношенія». При этомъ Перовскій нисколько не обманывался насчетъ причины, вызвавшей такую перемѣну во взглядахъ помѣщиковъ. Онъ указывалъ на повысившіяся цѣны земли и на удачные опыты примѣненія на е м н а г о сельско-хозяйственнаго труда въ Саратовской, Тамбовской, Пензенской, Воронежской и нѣкоторыхъ другихъ губерніяхъ ¹⁾. Еще болѣе «обоюдо невыгодными» становились крѣпостническія «отношенія» въ торгово-промышленной области народнаго хозяйства. Необходимо было разстаться съ «неволей», завѣщанной старой Московской Русью. Но, какъ замѣчалъ Перовскій, даже «образованное» дворянство опасалось «послѣдствій переворота, коихъ всякій благоразумный человѣкъ, знающій народъ и его понятія и наклонности, долженъ опасаться» ²⁾. Эти дворянскіе

См. «Крестьянскій вопросъ въ Россіи», В. И. Семевскаго, т. 2, стр. 135, 136 и 138.

²⁾ Семевскій, тамъ же, стр. 138.

страхи еще надолго задержали бы дѣло уничтоженія крѣпостного права, если бы не крымская катастрофа, доказавшая, по выраженію Энгельса, что «Россія, даже съ чисто военной точки зрѣнія, нуждается въ желѣзныхъ дорогахъ и крупной промышленности». Хотя наша высшая бюрократія была насквозь пропитана дворянскимъ духомъ, неумолимая логика положенія вынудила ее взяться за крестьянскую реформу. Мѣры, принятыя правительствомъ Александра II для такъ называемаго освобожденія крестьянъ, сами очень сильно отзывались Азіей. Это ихъ, неподлежащее сомнѣнію, свойство долго ставилось ему въ заслугу подь названіемъ будто бы безпримѣрнаго въ исторіи Запада освобожденія крестьянъ съ землею. Я позволю себѣ объяснить эту его мнимую заслугу тѣми же словами, какими я объяснилъ ее въ другой своей работѣ. «Крупнѣйшій въ мірѣ помѣщикъ-рабовладѣлецъ,—государство,—рѣшительно не могъ помириться съ тою мыслью, что освобождаемая крестьянскія «души», съ которыми онъ уже собирался распорядиться по-своему, сразу предстанутъ передъ нимъ въ видѣ многомилліоннаго пролетаріата. Съ этой стороны его интересы разошлись съ интересами остальныхъ рабовладѣльцевъ, чѣмъ и объясняются тѣ тренія между тогдашними помѣщиками и «петербургскими чиновниками», которыя нѣкоторые добродушные люди до сихъ поръ объясняютъ народолюбіемъ извѣстныхъ слоевъ тогдашней бюрократіи»²⁾. По мнѣнію крупнѣйшаго въ мірѣ помѣщика-рабовладѣльца, чтобы освободить крестьянъ, надо было сдѣлать ихъ вполне зависимыми отъ государства, уничтоживъ ихъ крѣпостную зависимость по отношенію къ помѣщикамъ. Такъ онъ и поступилъ. «Освобожденный» имъ крестьянинъ остался совершенно безправнымъ передъ лицомъ государства, которое позаботилось о томъ, чтобы сохранить старую, завѣщанную московскимъ и петербургскимъ крѣпостничествомъ, форму крестьянскаго землевладѣнія: передѣлы полей въ сельскихъ общинахъ. Азіатскій характеръ крестьянскаго «освобожденія», неблагоприятный для дальнѣйшаго промышленнаго развитія Россіи, еще болѣе неблагоприятенъ былъ для самихъ крестьянъ. Не давъ имъ хотя бы части тѣхъ гражданскихъ правъ, которыя необходимы производителю въ обществѣ, основанномъ на товарномъ производствѣ, наша «крестьянская реформа» заставила ихъ гораздо чаще, чѣмъ прежде, выступать на товарномъ рынкѣ отчасти въ качествѣ продавцовъ продуктовъ своего несложнаго сельскаго хозяйства, а отчасти въ качествѣ продавцовъ своей собственной рабочей силы. Понятно, какъ невыгодны для нихъ были рыночныя сдѣлки, совершавшіяся при подобныхъ условіяхъ. «Осво-

²⁾ См. мою статью «Освобожденіе крестьянъ», «Совр. Міръ», 1911, кн. 2.

божденное» крестьянство бѣднѣло, а его обѣднѣніе задерживало ростъ внутренняго рынка для предметовъ промышленности, что было значительнымъ препятствіемъ для быстрого развитія русскаго капитализма. Но капитализмъ такъ или иначе справился и съ этимъ препятствіемъ. Онъ все-таки шель впередъ, а съ нимъ все-таки подвигалась впередъ и европеизація Россіи. Если Петръ своей реформой «прорубилъ окно въ Европу», то теперь для европейскихъ вліяній открылись широкія ворота.

Черезъ эти ворота они стали проникать въ тѣ части населенія, которыя прежде оставались недоступными для нихъ: сначала въ торгово-промышленный классъ, а потомъ и въ крестьянство,—въ той мѣрѣ, въ какой новыя отношенія производства разлагали старые экономическіе устои земледѣльческаго быта. Въ средѣ торгово-промышленнаго класса довольно быстро подвигалось впередъ давно уже начавшееся, но долго непорождавшее замѣтныхъ соціально-политическихъ послѣдствій, подраздѣленіе на два новыхъ класса: буржуазію и пролетаріатъ. Чѣмъ быстрѣе подвигалось впередъ это подраздѣленіе, тѣмъ больше европеивалась Россія. И. С. Аксаковъ говорилъ, что, только «о безнародивъ народъ», можно сдѣлать его воспримчивымъ къ передовымъ идеямъ Западной Европы. Развитіе капиталистическаго способа производства совершило, именно, это чудо, представлявшееся совершенно невозможнымъ славянофильскому публицисту: оно «обезнародило» значительную часть русскаго народа. Пресловутый «народный духъ» не выдержалъ напора капитализма. Попадая въ положеніе пролетарія, русскій производитель, хотя и продолжалъ въ большинствѣ случаевъ числиться на бумагѣ крестьяниномъ, началъ понемногу выступать на тотъ самый путь, на которомъ его далеко опередили западно-европейскіе работники: на путь борьбы съ капиталомъ. Эта борьба быстро развивала въ немъ новыя, прежде неслыханныя на Руси, настроенія и стремленія. А такъ какъ полицейское государство усердно отстаивало интересы капитала, то русскій пролетарій быстро терялъ, одинъ за другимъ, выносимые имъ изъ деревень вѣковѣчные политическіе предразсудки крестьянина. Правда, развитіе капитализма постоянно толкало въ ряды пролетаріата новыя и новыя толпы «сѣрой деревенщины». Этимъ замедлялся ростъ политическаго сознанія русскаго рабочаго класса. До недавняго времени даже въ самыхъ громкихъ выступленіяхъ его,—напримѣръ въ выступленіи 9 января 1905 г.,—замѣтно это отрицательное психологическое вліяніе деревни. Нельзя закрывать глаза и на то, что отсталые слои рабочаго класса принимали иногда участіе въ погромахъ евреевъ и передовой интеллигенціи. Но если развитіе

капитализма не могло сразу «обезнародить» отсталые слои пролетариата, то, говоря вообще, классъ этотъ очень быстро развивался въ политическомъ смыслѣ, и составилъ собою одну изъ тѣхъ двухъ силъ, сочетаніе которыхъ вызвало взрывъ 1905—6 гг.: силу революціонную. Другою силою, участвовавшею въ этомъ взрывѣ, была,—сказалъ я,—сила крестьянскаго населенія, добывавшагося «чернаго передѣла» согласно старымъ традиціямъ аграрной политики російскаго государства, положеннымъ, между прочимъ, и въ основу надѣленія крестьянъ землею. Пока и поскольку эти двѣ силы дѣйствовали въ одномъ направленіи, до тѣхъ поръ и постольку побѣждала революція. Но, разнородныя по своей природѣ, онѣ не могли долго дѣйствовать вмѣстѣ: движеніе русской крестьянской Азіи лишь на короткое время совпало съ движеніемъ русской рабочей Европы. Когда онѣ перестали дѣйствовать вмѣстѣ, стала торжествовать реакція, т.-е. стало побѣждать дворянство, защищавшее свои «недвижимыя имущества». Въ этомъ все дѣло.

Одной изъ первыхъ реформъ, совершенныхъ той дворянской контръ-революціей, которая восторжествовала благодаря слишкомъ еще недостаточной европеизаціи крестьянства предыдущимъ ходомъ экономическаго развитія, было законодательное уничтоженіе поземельной общины. Дворянство рассчитывало, что, уничтоживъ поземельную общину, оно убьетъ ту старую аграрную традицію, во имя которой крестьянство считало себя въ правѣ экспроприровать помѣщиковъ. И, разумѣется, оно рано или поздно убьетъ ее. Но вмѣстѣ съ тѣмъ оно убьетъ все старое крестьянское міросозерцаніе, окончательно разрушивъ ту экономическую основу, на которой столько вѣковъ держался нашъ старый политическій порядокъ. Это врядъ ли будетъ согласно съ интересами дворянства, но навѣрно будетъ вполне согласно съ интересами пролетариата, поступательное движеніе котораго задерживалось и задерживается политической инертностью стараго крестьянства. Какъ бы тамъ ни было, этотъ шагъ дворянской контръ-революціи есть шагъ въ сторону европеизаціи нашихъ общественно-экономическихъ отношеній, хотя, разумѣется, оплаченный народомъ несравненно дороже, чѣмъ пришлось бы заплатить за него при другихъ политическихъ условіяхъ ¹⁾.

¹⁾ Эти строки были уже набраны, когда я прочиталъ чрезвычайно обстоятельную брошюру А. Е. Л о с и ц к а г о: «Распаденіе общины», Спб. 1912. Очень рекомендую вниманію читателя окончательный выводъ уважаемаго статистика, «несмотря на политическія тенденціи новаго законодательства объ общинѣ и его недостатки, а равно и способы его проведенія, оно оказалось отвѣчающимъ интересамъ значительныхъ массъ крестьянства, получило широкое примѣненіе и имѣетъ серьезный характеръ. Распространеніе укрѣ-

XXV.

«Обезнародивъ» часть трудящагося населенія Россіи, капитализмъ впервые обезпечилъ прочную общественную поддержку передовымъ стремленіямъ, проникавшимъ съ Запада въ Россію. Только съ этихъ поръ идеологи названныхъ стремленій перестали быть «умными ненужностями» и «лишними людьми». Только съ этихъ поръ ихъ, заимствованные у Запада, идеалы получили шансы на осуществленіе въ Россіи.

Я уже сказалъ, что новая культура, послѣ Петровской реформы проникшая съ Запада въ Россію, долго имѣла дворянскій отпечатокъ. Это особенно замѣтно въ томъ, что составляло лучшей плодъ этой культуры: въ литературѣ. Хотя уже почти на первыхъ порахъ крестьянство дало ей такого чрезвычайно выдающагося дѣятеля, какъ Ломоносовъ, однако, въ теченіе долгаго времени наши литераторы вербовались, главнымъ образомъ, изъ среды дворянства. Въ живописи это было не совсѣмъ такъ, но и живопись долго обслуживала эстетическія потребности дворянства и считалась, главнымъ образомъ, съ его вкусами. Однако, консервативная часть дворянства была слишкомъ мало просвѣщена для того, чтобы интересоваться литературой и искусствомъ; къ тому же, она мало имѣла практической нужды въ литературѣ (живопись, во всякомъ случаѣ, могла понадобиться для портретовъ), такъ какъ ея главные сословныя нужды достаточно удовлетворялись посредствомъ «action directe», исходившей изъ среды высшей бюрократіи и изъ гвардейской казармы. Передовая же часть дворянства начала выражать свои стремленія въ русской литературѣ въ такое время, когда на Западѣ уже завязывалась освободительная борьба третьяго сословія со свѣтской и духовной аристократіей. Это не могло не отразиться на характерѣ стремленій передового дворянства. Продолжая быть, въ извѣстныхъ отношеніяхъ, «барамии» до конца ногтей, молодые дворянскіе идеологи становились въ отрицательное отношеніе къ наиболѣе грубымъ проявленіямъ дворянскаго сословнаго эгоизма. Такъ, уже въ XVIII в. они рѣзко нападали на злоупотребленія крѣпостнымъ правомъ, а нѣкоторые изъ нихъ заговорили и о полномъ его уничтоженіи. Скажу больше. Вышедшіе изъ дворянской среды передовые люди представляли иногда такіа соціально-политическія требованія, осу-

---

пленій и, особенно, разверстаній и выдѣловъ знаменуетъ движеніе деревни отъ феодальнаго уклада къ капиталистическимъ отношеніямъ, но оно оставляетъ нерѣшенными вопросы о крестьянскомъ малоземельи и о безправіи, — борьба съ которыми еще впереди» (стр. 44).

щественіе которыхъ означало бы полную отмѣну привилегій благороднаго сословія, и проложило бы дорогу для широкаго развитія буржуазіи и въ экономической жизни, и въ политикѣ. Достаточно напомнить декабристовъ ¹⁾. Въ тридцатыхъ годахъ XIX в. нѣкоторые идеологи дворянскаго происхожденія переходятъ даже на точку зрѣнія трудящейся массы, поскольку такая точка зрѣнія свойственна тогдашнему утопическому социализму: А. И. Герценъ, Н. П. Огаревъ и ихъ кружокъ. Нечего и говорить, что подобныя стремленія отнюдь не могли увлечь дворянское сословіе. Чѣмъ дальше впередъ устремлялась тонкая струйка европеизованной дворянской мысли, тѣмъ тоньше она становилась, и тѣмъ мучительнѣе сознавали передовые европеизованные дворяне свое практическое безсиліе. «Наше состояніе безвыходно, потому что ложно,—писалъ А. И. Герценъ въ своемъ дневникѣ,—потому что историческая логика указываетъ, что мы имѣемъ народныхъ потребностей, и наше дѣло—отчаянное страданіе».

Какъ въ литературѣ, такъ и въ искусствѣ, дворянская гегемонія смѣнилась въ половинѣ XIX в. гегемоніей разночинцевъ. Разночинцы входили, разумѣется, въ составъ нашего «третьяго сословія», но принадлежали къ его демократическому крылу. Вліятельная, въ экономическомъ смыслѣ, часть этого сословія долго не оказывала прямого воздѣйствія на развитіе нашей литературы и нашего искусства. Первоначально она, по указанной выше причинѣ, не поддавалась европеизаціи, а когда причина эта мало-по-малу перестала дѣйствовать, наша буржуазія долго не чувствовала нужды въ печатномъ выраженіи своихъ требованій, ограничиваясь непосредственными сдѣлками съ правительствомъ, у котораго она не переставала выпрашивать «субсидій», «гарантій» и покровительства «отечественной промышленности». Замѣчу мимоходомъ, что такое ея поведеніе составляетъ еще одну изъ относительныхъ особенностей нашего историческаго процесса сравнительно съ историческимъ процессомъ крайняго европейскаго Запада: тамъ буржуазія сыграла гораздо болѣе революціонную роль.

Когда дворянскій періодъ литературы, искусства и общественной мысли смѣнился у насъ разночинскимъ періодомъ, вошло въ обычай насмѣхаться надъ «лишними людьми» недавняго прошлаго. Передовые разночинцы были твердо убѣждены, что имъ не суждено выступать въ этой печальной роли. Однако,

---

¹⁾ Извѣстна та острота гр. Растопчина, что у насъ аристократы поставили передъ собой такую политическую задачу, которую во Франціи ставили передъ собой «самоубійцы».

хотя и они были гораздо многочисленнѣе передовыхъ дворянъ, они, въ свою очередь, были ничтожны какъ общественная сила. «Охранители» легко подавляли всѣ ихъ практическія попытки борьбы до тѣхъ поръ, пока на историческую сцену не выступилъ новый борецъ въ лицѣ пролетаріата. Съ появленіемъ этого борца дѣло измѣнилось, во-первыхъ, въ томъ отношеніи, что теперь уже смѣшно было спорить о томъ, должна или не должна Россія итти по пути западно-европейскаго развитія: ясно было, что не только должна итти, но у ж е идетъ, потому что капитализмъ становится въ ней господствующимъ способомъ производства; во-вторыхъ, стало очевидно, что «мы» вовсе не «внѣ народныхъ потребностей», какъ съ отчаяніемъ восклицалъ нѣкогда Герценъ, и что э к о н о м и ч е с к а я европеизація Россіи должна сопровождаться ея п о л и т и ч е с к о й европеизаціей. А это открывало такія широкія и отрадныя перспективы передъ русской разночинной интеллигенціей, что на нѣкоторое время она вообразила себя готовой цѣликомъ перейти на точку зрѣнія пролетаріата. Всѣ мало-мальски передовые люди объявили себя марксистами.

Но рядомъ съ пролетаріатомъ на исторической сценѣ Россіи все-таки стояла буржуазія, тогда уже достаточно европеизованная въ своихъ наиболѣе развитыхъ слояхъ. Ея историческое воспитаніе въ атмосферѣ всякихъ субсидій, гарантій и покровительствъ не выработало въ ней боевого темперамента. Однако, она не чужда была политическаго недовольства, и мало-по-малу у нея явилась потребность въ соотвѣтствующемъ ей оппозиціонному настроенію духовномъ оружіи. За приготовленіе такого оружія, за идеологическую европеизацію нашей передовой буржуазіи, взялись представители того же слоя разночинцевъ, который уже нѣсколько десятковъ лѣтъ шелъ во главѣ нашего умственнаго движенія. Въ его средѣ, почти тотчасъ же послѣ сплошнаго увлеченія Марксомъ, родилось новое увлеченіе: увлеченіе «к р и т и к о й» Маркса.

Критика эта представляла собою у насъ попытку приспособить къ умственнымъ нуждамъ передовой русской буржуазіи такую общественную теорію, которая выражала собою стремленія сознательнаго западно-европейскаго пролетаріата. Подобная попытка могла явиться только въ такое время, когда буржуазныя общественныя теоріи Запада обнаружили свою несостоятельность. Задача, которую задавали себѣ люди, дѣлавшіе такую попытку, была теоретически нелѣпа, и потому неразрѣшима. А такъ какъ она была неразрѣшима, то очень скоро «критика Маркса» сдѣлалась просто «критикой», а просто «критика» свелась къ разогрѣванію и передѣлкѣ на новый ладъ старыхъ буржуазныхъ теорій. Дѣломъ такого разогрѣванія сплошь да рядомъ занимаются теперь писа-

тели, еще не так давно вполне искренно считавшіе себя марксистами.

Такимъ образомъ, за дворянскимъ и разночинскимъ періодами исторіи русской общественной мысли послѣдовалъ новый, и теперь еще продолжающійся, періодъ, въ которомъ уже гораздо менѣе замѣтна и дѣйная гегемонія какого-нибудь одного общественнаго класса или слоя. Теперь нѣтъ господствующихъ умственныхъ теченій; теперь умственные силы распределяются, главнымъ образомъ, между двумя полюсами: полюсомъ пролетаріата, съ одной стороны, и полюсомъ буржуазіи—съ другой. Кромѣ того, выступаютъ еще теоретики прежней школы, не желающіе разстаться съ дорогой для нихъ вѣрой въ старые «устои» народно-экономической жизни. Но по мѣрѣ того, какъ подвигается впередъ европеизація Россіи, теоретическія позиціи этихъ носителей старыхъ «завѣтовъ» становятся все болѣе и болѣе шаткими, а сами носители обнаруживаютъ все больше и больше растерянности. Дни ихъ сочтены. Вся послѣдующая исторія нашей общественной мысли опредѣлится взаимными классовыми отношеніями пролетаріата съ буржуазіей. Въ ходѣ развитія этихъ отношеній на «восточной равнинѣ» Европы опять будутъ, конечно, свои относительныя особенности, которыя вызовутъ относительныя особенности духовнаго развитія. Безполезно гадать теперь какъ о тѣхъ, такъ и о другихъ. Но небезполезно отмѣтить то, что уже можетъ быть предметомъ наблюденія.

Мы видѣли, что пока русское общественное бытіе оставалось непонятнымъ съ точки зрѣнія западныхъ соціально-политическихъ ученій, историческій идеализмъ былъ единственно возможнымъ убѣжищемъ для свободомыслящихъ русскихъ людей, не желавшихъ примириться съ «гносной расейской дѣйствительностью». Когда успѣхи капитализма «обезнародили» русскій народъ до такой степени, что уже неудобно стало толковать о самобытныхъ путяхъ нашего общественнаго развитія, акціи историческаго идеализма страшно упали въ цѣнѣ. Тогда явился сильнѣйшій спросъ на историческій матеріализмъ, потому что только съ его помощью можно было сдѣлать удовлетворительный анализъ какъ западно-европейскаго, такъ и русскаго общественнаго бытія. Но точка зрѣнія историческаго матеріализма была точкой зрѣнія теоретиковъ пролетаріата. Выводы, къ которымъ приводилъ анализъ русскаго общественнаго бытія съ помощью историческаго матеріализма, были неприемлемы для идеологовъ нашей европеизованной буржуазіи. Поэтому историческій матеріализмъ пользовался у насъ широкой популярностью только до тѣхъ поръ, пока продолжалась борьба съ совершенно устарѣлыми теоріями

народничества и субъективизма. Тотчасъ же послѣ ниспроверженія этихъ теорій началась «критика Маркса», означавшая, между прочимъ, также и отступленіе отъ историческаго матеріализма «назадъ», къ болѣе или менѣе передѣланному на новый ладъ историческому идеализму. Это отступленіе прикрывалось атакой на позиціи того, что было названо философскимъ матеріализмомъ и что въ дѣйствительности составляетъ теоретико-познавательную основу матеріалистическаго объясненія исторіи. Уже въ послѣдніе годы XIX вѣка идеологи нашей европеизованной буржуазіи провозгласили философскій матеріализмъ совершенно мертвымъ ученіемъ. Интересно, что имъ повѣрили въ этомъ случаѣ даже нѣкоторые писатели, примыкавшіе къ пролетарскому лагерю, и еще болѣе интересно, что эти идеологи пролетаріата, повѣрившіе на-слово идеологамъ буржуазіи, показали себя неисправимыми утопистами въ тактическихъ вопросахъ.

Говорилъ или не говорилъ Петръ, что Россія со временемъ должна будетъ повернуться «задомъ къ Европѣ»,—ясно, что въ настоящее время она уже совершенно лишена всякой возможности поступить такъ. Это тѣмъ болѣе ясно, что даже самыя типичныя изъ странъ Востока движутся теперь къ Западу. Между ними есть такія, которыя какъ будто грозятъ обогнать Россію въ процессѣ этого движенія. Китай сдѣлался республикой, тогда какъ въ Россіи еще не утвердился парламентскій режимъ. Это объясняется одной изъ самыхъ невыгодныхъ для насъ относительныхъ особенностей нашего историческаго процесса: русское полицейское государство было достаточно европеизовано для того, чтобы пользоваться въ своей борьбѣ съ новаторами почти всеми завоеваніями европейской техники, между тѣмъ какъ наши новаторы только съ недавняго времени стали опираться на народную массу, которая, какъ мы видѣли, европеизована только въ лицѣ одной своей,—пролетарской,—части. Россія платится за то, что она слишкомъ европеизована сравнительно съ Азіей и недостаточно европеизована сравнительно съ Европой.

Теперь мы можемъ перейти къ подробному разсмотрѣнію того, какъ перечисленныя выше относительныя особенности русскаго общественнаго бытія отразились на ходѣ развитія русскаго общественнаго сознанія.
